Б8 6/12

К. Скальковскій.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

въ

Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе картографическаго Заведенія А. Ильина.
1885.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи.

Б 8 6/12

К. Скальковскій.

Путевыя впечатлѣнія

въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи.

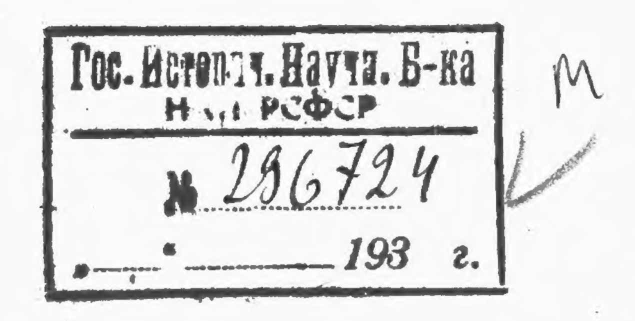
Я предпочиталъ быть скорѣе рѣзкимъ нежели несправедливымъ.

Уичерли (The plain Dealer).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго Заведенія А. Ильина.
1885.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка, 99.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этихъ бѣглыхъ очерковъ сохранилъ, быть можетъ, дурную привычку собирать отъ времени до времени въ отдѣльныя книжки свои путевыя замѣтки, переданныя въ періодической печати, точно также какъ многоуважаемый А. А. Ильинъ не можетъ отстать отъ привычки издавать для публики все, что кажется ему интереснымъ по части путешествій по разнымъ странамъ земнаго шара. Благодаря такому совпаденію непохвальныхъ привычекъ, предлагаемые очерки, видѣвшіе уже свѣтъ въ формѣ фельетоновъ и достойные, вѣроятно, полнаго забвенія, снова являются въ печати.

Авторъ не рѣшился однако представить ихъ въ прежнемъ видѣ, безъ всякой обработки. Онъ выбросилъ то что имѣло мимолетное значеніе, пополнилъ гдѣ нужно и пояснилъ примѣчаніями. Наиболѣе поправокъ сдѣлано въ письмахъ о странѣ совсѣмъ для русской публики неиз-

вѣстной—Португаліи, благодаря любезнымъ совѣтамъ и указаніямъ П. Л. Ваксeля, единственнаго кажется изъ нашихъ соотечественниковъ, основательно знающаго португальскую исторію, литературу и искусство. Очеркъ вѣнской выставки, можетъ пригодиться въ виду предстоящей всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Онъ служитъ притомъ дополненіемъ къ изданнымъ уже описаніямъ другихъ выставокъ, сдѣланнымъ авторомъ.

Въ заключеніе авторъ долженъ оговориться, что напрасно на стр. 24 поторопился признать себя неправымъ въ сомнѣніяхъ о скоромъ преобразованіи португальской арміи. Его ввелъ въ смущеніе „Правительственный Вѣстникъ“, который проектъ преобразованія арміи напечаталъ какъ законъ уже будто-бы распубликованный португальскимъ правительствомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ Португаліи.

Во Франціи.

На вѣнской всемірной выставкѣ.

Въ Италіи.

ВЪ ПОРТУГАЛІИ.

I.

Дорога. — Лисабонъ, его наружность. — Португальская кухня. — Португальскія женщины. — Португальцы, ихъ самомнѣніе. — Отношенія къ Испаніи и Россіи. — Клубъ.

Въ 1872 году я совсѣмъ собрался посѣтить Португалію и уже выѣхалъ для того изъ Мадрида, но обстоятельства заставили меня направиться прямо въ Андалузію. Съ тѣхъ поръ на моей совѣсти постоянно оставался упрекъ, что есть такая страна въ Европѣ, гдѣ я не былъ, но только въ апрѣлѣ 1883 года довелось мнѣ осуществить свое намѣреніе.

— Какъ, вы ѣдете въ Португалію, говорили мнѣ люди бывалые,—да тамъ теперь такая жара, что яйца пекутся, если ихъ положить на мостовую...

Я поѣхалъ, набравъ полный чемоданъ легкихъ платьевъ, а потомъ пожалѣлъ, что не взялъ шубы. Вотъ и вѣрь бывалымъ людямъ! 1883 годъ былъ, впрочемъ, исключительный. И въ Мадридѣ я засталъ холода, а Сіерра Гвадарама, у подножія ко-

1*

торой проведена на Талаверу и Касересъ новая желѣзная дорога изъ столицы Испаніи въ Лисабонъ, была покрыта снѣгомъ. Даже испанцы ходили съ мѣховыми воротниками изъ шкуръ какихъ-то неизвѣстныхъ звѣрей—вѣроятно, крашенныхъ кошекъ или кроликовъ.

За одиннадцать лѣтъ, что я не былъ въ Испаніи, многое перемѣнилось. Я не говорю уже о правительствѣ. На этотъ счетъ, пожалуй, перемѣны болѣе по наружности, ибо я засталъ Кастеляра въ прежней его квартирѣ на бульварѣ Серрано, гдѣ онъ жилъ до своей диктатуры. Но много перемѣнъ въ нравахъ, костюмахъ и обстановкѣ. Желѣзныя дороги болѣе повліяли на Испанію, чѣмъ всѣ ея конституціи и бюрократическія реформы. Родину Сида скоро нельзя будетъ отличить отъ Южной Франціи, по крайней мѣрѣ изъ оконъ вагона желѣзной дороги и гостинницы: таможенные чиновники стали вѣжливы, улицы Мадрида, гдѣ вода прежде продавалась стаканами, щедро поливаются, поѣзда желѣзныхъ дорогъ аккуратны и даже въ буфетахъ можно что нибудь поѣсть, не рискуя своей жизнью. Только на одной станціи уже близъ португальской границы со мной чуть не случился казусъ. Намъ за табль-д'отомъ подали гороховый супъ совсѣмъ простывшій, я въ попыхахъ глотнулъ ложку слоя жидкости покрывавшей осѣвшій слой зеленаго гороха. О, ужасъ! Это оказалось сквернѣйшее деревянное масло, которымъ

у насъ не захотѣли бы смазывать подшипниковъ. Одну англичанку тутъ же за столомъ вырвало. Shocking!

Въ чемъ, однако, проявляется при путешествіи по Испаніи, что находишься еще въ странѣ дикарей—это въ отсутствіи зелени. Гдѣ еще сохранились деревья, ихъ стараются вырвать или сжечь. Испанскіе мужики—величайшіе враги лѣса; они серьезно убѣждены, что деревья даютъ пріютъ птицамъ, которыя портятъ посѣвы. Отсутствіе растительности сообщаетъ испанскимъ городамъ и селеніямъ, особенно издали, сѣрый и скучный видъ большихъ гнѣздъ термитовъ. Только долетающіе до вашихъ ушей звуки мандолины и гитары и до вашего носа запахъ чеснока наводятъ на мысль, что тутъ скрываются двуногія животныя.

Въ Лисабонъ теперь уже не ѣздятъ по длинному и несносному пути на Алькасаръ и Бадахосъ, а болѣе прямою дорогою, которая, въ свою очередь скоро замѣнится еще болѣе короткимъ новымъ путемъ, мимо Мадрида, отъ Паленсіи на Леонъ и далѣе черезъ Галицію на соединеніе съ сѣверною португальскою дорогою. Нынѣшній рельсовый путь идетъ отъ Мадрида сначала черезъ Ламанчъ, который сильно измѣнился со временъ Сервантеса. Теперь это почти сплошь пашни, засѣянныя пшеницею. Далѣе дорога проходитъ Талаверу, Валенсію, Абрантесъ и Сантаремъ. Всѣ почти города встрѣчающіеся по дорогѣ извѣстны

по войнѣ 1808—1814 годовъ, такъ какъ здѣсь былъ путь, по которому Веллингтонъ побѣдоносно дошелъ изъ Лисабона до Тулузы. Французамъ тутъ ѣхать непріятно: ихъ били чуть не на каждой станціи.

Очень жаль, что въ оба конца „скорый“ поѣздъ, идущій, замѣтимъ въ скобкахъ, почти сутки, наиболѣе красивую часть пути, между Касересомъ и Абрантесомъ, на границѣ Португаліи съ Испаніей, проходитъ ночью. Техническія условія этого участка очень трудныя: уклоны 20 тысячныхъ, радіусы кривыхъ 125 саженъ, много тоннелей, а въ одномъ мѣстѣ путь восемь разъ обходитъ одну и ту же гору, чтобы спуститься внизъ. При лунномъ свѣтѣ я могъ только сообразить, что наиболѣе красивъ долженъ быть видъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ долину Таго.

На разсвѣтѣ уже находишься въ Португаліи. Паспортовъ не спрашиваютъ и таможенныхъ формальностей теперь нѣтъ почти никакихъ (большія вещи осматриваютъ въ Лисабонѣ), а извѣстный таможенный тарифъ не страшнѣе раскрашенныхъ китайскихъ страшилищъ. Сейчасъ же замѣтна перемѣна. Изъ страны сухой попадешь въ мѣстность съ болѣе мягкимъ климатомъ и лучше орошенную. Пейзажъ оживляется и слышенъ шумъ живой воды, чириканіе птицъ, видна зелень, густая трава, а изгороди изъ кактусовъ показываютъ, что приближаешься къ тропикамъ. Измѣняется также и

характеръ станціонныхъ построекъ и костюмъ жителей; карабинеры не встрѣчаютъ уже васъ болѣе на каждой станціи съ ружьями на перевѣсъ, какъ въ Испаніи. Въ Португаліи вообще внѣ большихъ городовъ нѣтъ ни жандармовъ, ни полиціи, ни урядниковъ, ни сельскихъ сторожей; въ селахъ, какъ у насъ до реформы покойнаго Макова, народъ самъ себя охраняетъ. Это объясняется добродушіемъ и вѣжливостью народа и ничтожнымъ числомъ преступленій.

Послѣ перемѣны пейзажа болѣе всего поражаетъ при въѣздѣ въ Португалію счетная единица. Здѣсь считаютъ мильрейсами, то-есть тысячами рейсовъ. Но рейсъ монета совершенно идеальная, существующая только въ воображеніи, ибо тысяча рейсовъ стоитъ 1 руб. 40 коп.! Для чего португальцамъ столько лишнихъ нулей въ счетѣ— неизвѣстно, по всей вѣроятности они сохраняютъ систему рейсовъ ради тщеславія. Пріятно сказать иностранцу: бюджетъ нашего королевства 35-ть милліардовъ, или объявить въ обществѣ: я далъ такой-то женщинѣ 10,000 рейсовъ! Хотя на наши деньги эта щедрая дача равняется пятнадцати рублямъ...

Дорога идетъ по высокому утесистому берегу Таго, который, какъ наши рѣки, имѣетъ лѣвый берегъ совершенно пологій. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, мѣстность еще болѣе оживляется; наконецъ, открывается устье Таго, которое въ сущ-

ности не есть устье, а морской заливъ, настолько широкій, что надобно полчаса ѣхать на пароходѣ, дабы пересѣчь его. Заливъ этотъ, на которомъ и стоитъ столица Португаліи, соединяется потомъ съ моремъ болѣе узкимъ и очень глубокимъ проливомъ (barra). Вода въ заливѣ совершенно соленая и добыча соли составляетъ даже одно изъ важныхъ занятій жителей въ окрестностяхъ Лисабона.

Ничего лучше для торговаго порта, какъ эта мѣстность, вообразить себѣ нельзя: площадь гавани громадна, на ней помѣстятся свободно десятки тысячъ судовъ, глубина значительная, отъ вѣтровъ полная защита, входъ и выходъ облегчаются приливомъ и отливомъ; отъ нападеній огражденіе также не затруднительно. Если бы Португалія давно не была совершенно въ рукахъ англичанъ, то послѣдніе навѣрно и безъ приглашенія влѣзли-бы сюда и заняли такое же прочное стратегическое положеніе какъ на Гибралтарѣ или въ Лавалеттѣ.

Лисабонъ занимаетъ вдоль этого лимана пространство около пяти верстъ, если же считать съ предмѣстіями, растянувшимися по берегу до самаго океана, то около тринадцати верстъ. Какъ всѣ старинные и знаменитые города, Лисабонъ конечно, воздвигнутъ на „семи холмахъ", довольно крутыхъ и недоступныхъ. Множество улицъ проведены зигзагами и то, что по плану кажется рукой подать, требуетъ порядочной прогулки. Городъ

не только, впрочемъ, лѣзетъ въ гору, онъ вытягивается теперь и по бывшему у подножія горъ болоту, обращенному у самаго лимана въ гулянье Атерро де-Боа-Виста.

Понятно, что городъ, построенный на утесистомъ берегу моря амфитеатромъ, долженъ быть красивъ, а особенно при великолѣпномъ освѣщеніи южнымъ солнцемъ, хотя послѣ землетрясенія Лисабонъ не имѣетъ высокихъ колоколенъ. Соборъ и куполъ церкви Estralla чуть ли не единственныя исключенія. Панорамою города лучше всего любоваться съ середины лимана. Отсюда Лисабонъ съ его башнями, дворцами, большими домами, скверами представляетъ прекрасное зрѣлище, отчасти оправдывающее португальскіе стихи:

Quen nao tem visto Lisboa
Noa tem visto cosa boa!

Кто, молъ, не видалъ Лисабона, не видалъ ничего хорошаго. Недуренъ также видъ изъ города, съ маленькой площади Себастіана, несчастнаго короля, погибшаго въ Африкѣ, и котораго неизвѣстная участь подала поводъ къ появленію лже-Себастіановъ, какъ у насъ лже-Димитріевъ. Съ этого пункта лисабонцы въ прежнее время сторожили возвращеніе своего короля. Эти ожиданія продолжались вѣка. Говорятъ, что и до сихъ поръ въ простомъ народѣ есть партія Себастіана—Себастіанистовъ, наивныхъ людей, которые ожидаютъ, что вотъ вотъ вернется изъ Африки леген-

дарный молодой король и водворитъ порядокъ, уменьшитъ налоги и сократитъ чиновниковъ. Себастіанисты думали даже, что ихъ король скрывается на эскадрѣ Сенявина, стоявшей здѣсь въ 1807 и 1808 годахъ!

И съ моря, и съ другихъ пунктовъ Лисабонъ кажется красивѣе, даже чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Каждое зданіе въ отдѣльности не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго въ архитектурномъ отношеніи, хотя общій ансамбль великолѣпный. Исключенія по незначительности стиля не дѣлаютъ ни соборъ, ни королевскіе дворцы, носящіе весьма странныя названія, дающія пищу португальскому остроумію. Одинъ называется Necessidades, другой—Ajuda. Перевода перваго не требуется; если же мы пояснимъ, что ajuda по португальски означаетъ инструментъ столь любимый мольеровскими докторами, то источникъ этого мѣстнаго остроумія достаточно станетъ понятенъ. Въ Ajuda, стоящемъ далеко отъ города на голомъ холмѣ, живетъ король; въ Necessidades, окруженномъ садомъ—отецъ короля, донъ-Фердинандъ.

Отсутствіе оригинальности въ постройкахъ объясняется тѣмъ, что Лисабонъ, который мы теперь видимъ, городъ, въ сущности, очень новый. Кто не знаетъ ужаснаго землетрясенія 1755 года, воспѣтаго Вольтеромъ и произведшаго столь сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Съ перваго подземнаго удара, продолжавшагося не болѣе четырехъ, пяти

секундъ, четыре тысячи домовъ Лисабона повалились, раздавивъ своими развалинами болѣе пятнадцати, а по другимъ исчисленiямъ, сорока тысячъ жителей. Минуту спустя волна въ шесть саженъ высоты ринулась съ моря и затопила несчастныхъ жителей, столпившихся на набережной. Пожаръ, возникшiй изъ развалинъ, докончилъ остатки домовъ, устоявшихъ отъ землетрясенiя. Что еще было цѣло, подверглось грабежу. Рѣдко какой городъ со временъ Карфагена подвергался подобнымъ испытанiямъ.

Наружность Лисабона, впрочемъ, во многихъ отношенiяхъ за послѣднiе годы измѣнилась и разсказъ, что англичанинъ различалъ улицы Лисабона не по надписямъ, а по ихъ запаху, отходитъ въ область преданiй. Большая часть улицъ, по возможности, урегулированы, отлично шоссированы, освѣщены газомъ, поливаются изъ знаменитаго водопровода; въ разныхъ мѣстахъ устроены не только скверы изъ тропическихъ растенiй, но и висячiе сады. Въ тѣхъ пунктахъ, откуда открываются прекрасные виды, а такихъ пунктовъ много, устроены террасы и поставлены скамейки для публики. Не смотря на пересѣченную мѣстность, городъ испещренъ конножелѣзными дорогами, по которымъ во всю прыть носятся вагоны, запряженные мулами. Дебаркадеръ желѣзной дороги построенъ внутри города и черезъ десять минутъ по прiѣздѣ можно уже быть въ отелѣ.

Я остановился въ „Центральной гостинницѣ“. Она вмѣстѣ съ „Гостинницею Браганца“ считается лучшею, но въ то время, какъ послѣдняя, яко бы аристократическая, служитъ пріютомъ скучныхъ англичанъ, „Центральная гостинница“—средоточіе дѣловаго и коммерческаго люда. Нѣмцы, французы и испанцы преобладаютъ въ числѣ пріѣзжихъ и каждая національность за табльд'отомъ образуетъ „симпатичныя группы“. Гостинница находится на берегу Таго, близь таможни, адмиралтейства и нашего консульства; она выходитъ также на площадь do Sodré, украшенную памятникомъ герцогу Терсейра, штурмовавшему въ 1833 году Лисабонъ, чтобы выгнать оттуда мигуелистовъ. Эту постановку монументовъ въ воспоминаніе гражданскихъ войнъ нельзя не признать чрезвычайно нелѣпою, особенно если имѣть въ виду, что Португалія не собралась до сихъ поръ поставить порядочнаго памятника Васко ди-Гама и вовсе не поставила Магелану и Діасу.

Отъ гостинницы рукой подать до центра города, каковымъ считается большая четырехугольная площадь на берегу моря Праса до Комерсіо, гдѣ никакой, впрочемъ, коммерціи нѣтъ, кромѣ торговли совѣстью, ибо на этой площади сосредоточены всѣ португальскія министерства, Отъ площади идутъ единственныя, кажется, совершенно прямыя и ровныя улицы: Золотая, Серебряная и Августа. Если у насъ на Гороховой нѣтъ гороху,

а на Морской—моря, то лисабонцы болѣе добросовѣстны. Золотая улица у нихъ сплошь занята лавками ювелировъ, Серебряная — лавками серебряныхъ вещей; на Августѣ лавки мѣдныхъ издѣлій. Это изобиліе ювелировъ имѣетъ свое основаніе. Страсть къ драгоцѣннымъ украшеніямъ чрезвычайно развита у португальцевъ. И женщины, и мужчины готовы переносить какія угодно лишенія, чтобы купить блестящую бездѣлушку. По воскресеньямъ иныя крестьянки надѣваютъ на нѣсколько тысячъ украшеній, по большей части тяжеловѣсныхъ. Эта же страсть развита и во всѣхъ классахъ, и каждая португалка готова голодать, только бы имѣть возможность походить въ праздникъ на раку для мощей угодника. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ ремесло золотыхъ дѣлъ мастеровъ выгодно и число ихъ должно быть значительно. Страсть къ драгоцѣннымъ украшеніямъ идетъ издавна. По старинной статистикѣ въ 1550 году въ Лисабонѣ было уже 32 брильянтщика и 420 золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Она возникла, говорятъ, послѣ покоренія Индіи.

Послѣ драгоцѣнныхъ издѣлій въ португальскомъ народѣ наиболѣе распространена страсть къ быстрой наживѣ. Соотвѣтственно съ этимъ, въ Лисабонѣ на каждомъ шагу банки, гласныя кассы ссудъ и лавочки для продажи лотерейныхъ билетовъ. Денежныя операціи въ нравахъ португальцевъ почти какъ у евреевъ. Португалецъ, проведя

нѣсколько лѣтъ въ Бразиліи или Африкѣ, если только избѣгнетъ желтой лихорадки, всегда наживетъ деньги. Онъ никогда, однако, не купитъ на-нихъ землю и не устроитъ фабричное заведеніе, но сейчасъ же по возвращеніи въ отечество открываетъ гласную кассу ссудъ и даетъ деньги подъ залогъ за лихвенные проценты. Таковъ источникъ всѣхъ почти состояній въ Португаліи.

Страсть къ наживѣ поощряетъ страсть къ лотереѣ. Послѣдняя въ жизни простонародья и его суевѣріяхъ занимаетъ второе мѣсто послѣ католической религіи. Хотя съ 1834 года лотереи, какъ у насъ продажа картъ, составляютъ монополію Воспитательнаго дома—Casa da Misericordia (правительство обкладываетъ только 15% налогомъ выигрыши), но продажа билетовъ составляетъ предметъ громадной спекуляціи, а именно продажа частицъ билетовъ и въ разсрочку. Тайно продается множество билетовъ и испанскихъ лотерей.

Наружный видъ домовъ въ Лисабонѣ, равно какъ и ихъ внутреннее расположеніе, не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что въ португальскихъ домахъ нѣтъ печей для отопленія, да если бы и были, то топить ихъ было бы нечѣмъ; дрова здѣсь чрезвычайно дороги и продаются на вѣсъ по фунтамъ. Лисабонъ имѣетъ сходство съ Москвою и другими старинными русскими городами по необыкновенной любви къ колокольному звону. Шумъ вообще очень нравится

португальцамъ и они рады при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ палить изъ пушекъ, пускать ракеты и звонить въ колокола. Церквей здѣсь множество и каждая непремѣнно имѣетъ коллекцію колоколовъ, которые не остаются праздными. Но система звонить здѣсь совсѣмъ не наша. Лисабонскіе колокола въ рукахъ руководящихъ ими опытныхъ артистовъ вызваниваютъ самый различный репертуаръ оперъ, оперетокъ и даже плясовыхъ мотивовъ. При мнѣ церковные колокола валяли во всю ивановскую мотивы изъ „Травіаты": Addio del passato и т. п. Случается, что несутъ по улицѣ какому-нибудь умирающему святые дары, а колокола звонятъ гривуазные мотивы Лекока и Оффенбаха; португальцы полагаютъ, вѣроятно, что подъ такіе звуки и умирать веселѣе.

Церквей много потому, что церковная служба принадлежитъ къ числу любимыхъ развлеченій. Я попалъ въ „мѣсяцъ Маріи", когда католическая служба отличается вообще пышностью и разнообразіемъ. Но вечерняя церковная служба въ аристократической церкви Dos Martires превзошла даже мои ожиданія. Церковь была великолѣпно освѣщена газомъ и убрана живыми цвѣтами, множество барынь въ нарядныхъ платьяхъ. Общее впечатлѣніе походило скорѣе на театральную залу въ спектакль gala. Въ придачу органъ игралъ все время оперные и опереточные мотивы. Хотя

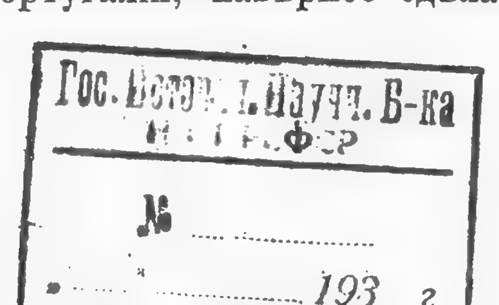
въ объявленіи значилась церковная музыка Франсиско Газуль, maestro portuguez, но мнѣ показалось, что одна молитва, которую пѣли страшно фальшиво, напоминала вальсъ изъ „M-me Angot“. Удивляться этому могутъ только невѣжды. У южныхъ народовъ волненіе страстей изображается всегда въ танцовальномъ ритмѣ, доказательство драматическіе финалы итальянскихъ оперъ на мотивы полекъ и галоповъ. Въ греческой трагедіи въ болѣе патетическихъ мѣстахъ также хоръ начиналъ танцовать.

Улицы, кромѣ ближайшихъ къ порту, довольно пустынны. Онѣ не оживляются, какъ въ другихъ южныхъ городахъ Европы, многочисленными кофейнями: португальцы въ кафе ходить не любятъ. Только рыбачки съ огромными корзинами на головахъ то и дѣло пробѣгаютъ по улицамъ въ своихъ оригинальныхъ черныхъ костюмахъ съ поясомъ и короткими юбками, съ широкими шляпами на головахъ и босыми ногами. Эти рыбачки— ovarinas, самая дѣятельная, а вмѣстѣ съ мужьями и почтенная часть португальскаго населенія. Мужья ихъ съ опасностью для жизни ловятъ рыбу въ океанѣ, а жены цѣлые дни бѣгаютъ по городу для сбыта рыбы, выкрикивая свой товаръ пронзительнымъ голосомъ. Народъ этотъ очень бойкій, но по части нравственности суровый. Впрочемъ, едва ли кто и захочетъ ухаживать серьезно за женщинами, которыхъ предварительно надо было бы вымыть

въ семи щелокахъ. Въ Опорто рыбачки, говорятъ, будто бы красивѣе.

Рыбы, особенно сардинка и треска, такъ усиленно предлагаемыя на улицахъ, составляютъ главную часть португальской кухни. Кулинарное искусство въ Португаліи неизвѣстно, кухня здѣсь одинаково скверна, какъ въ Испаніи, а тамъ она, конечно, самая скверная въ Европѣ. Деревянное масло, стручковый перецъ и т. п. прелести стоятъ у обѣихъ націй на первомъ планѣ. Огурцы также играютъ очень важную роль въ португальскихъ меню и въ пищѣ народа, между тѣмъ, странное дѣло, португальцы не додумались еще до умѣнья солить ихъ, хотя соль здѣсь ни почемъ. Я выслалъ одному португальскому патріоту рецептъ для соленія огурцевъ. Кто знаетъ, можетъ быть, открывъ новую отрасль португальской промышленности, я сдѣлаюсь благодѣтелемъ этой страны?

Но если ѣда въ Португаліи не удовлетворяетъ развитый вкусъ, то, по части выпивки полное раздолье. Я уже не говорю о продуктѣ португальской колоніи—мадерѣ, этомъ нектарѣ, источникъ котораго одно время изсякъ, вслѣдствіе болѣзни винограда, но теперь возобновился и сахарныя плантаціи на островѣ снова смѣнились виноградниками. Различнаго рода винъ и въ самой Португаліи великое множество и они отличнаго качества. Хорошій красный портвейнъ — это главное произведеніе Португаліи, навѣрное сдѣлавшее ее

Гос. Ист. Публ. Б-ка
№ ....
193 г.

болѣе популярною, чѣмъ морскія открытія и стихи Камоэнса — и въ Лисабонѣ довольно дорогъ. Онъ даже въ два раза дороже того, что продается подъ его именемъ братьями Елисѣевыми и другими благодѣтелями нашихъ желудковъ *). Зато недорого и превосходно красное столовое вино—коларесъ, собираемое неподалеку отъ Лисабона, на тѣхъ высотахъ, гдѣ нѣкогда занималъ неприступныя позиціи Веллингтонъ. Имѣя подъ руками такую благодать, англичанамъ естественно не хотѣлось уступать мѣсто французамъ.

---

*) Недавно португальское правительство предписало нѣкоторымъ изъ своихъ консуловъ и, между прочимъ, консуламъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ доставить свѣдѣнія относительно сбыта португальскихъ винъ въ городахъ ихъ пребыванія. Изъ помѣщенныхъ въ оффиціальной португальской газетѣ *Diario do Governo* донесеній сказанныхъ консуловъ оказывается, что въ С.-Петербургъ въ 1883 году привезено непосредственно изъ Португаліи 1,555 пипъ. Вина, привозимыя изъ Португаліи косвенно, черезъ другіе порты, почти всѣ фальсифицированныя и хотя привозятся подъ названіемъ: португальскихъ, на самомъ дѣлѣ однако приготовляются въ Гамбургѣ или въ Бременѣ; небольшое же количество винъ португальскаго происхожденія, но приготовленныхъ на вкусъ англичанъ, привозится изъ Англіи. Привозимыя въ Россію португальскія вина бываютъ четырехъ сортовъ, а именно два сорта портвейна, бѣлый и красный, одинъ лисабонскаго вина, розоваго цвѣта, и мадера. Лисабонское вино продается по весьма дешевой цѣнѣ и, благодаря своему цвѣту, придающему ему видъ стараго вина, оно замѣняетъ для незнатоковъ самые лучшіе сорты портвейна и мадеры.

Коларесъ также всѣ пьютъ въ Лисабонѣ, какъ феслауеръ въ Вѣнѣ, тенедосъ въ Константинополѣ, кіанти во Флоренціи, бароло въ Туринѣ, вальдепеньясъ въ Мадридѣ или кахетинское въ Тифлисѣ. Благодаря этому вину, гораздо болѣе крѣпкому чѣмъ французское, и португальскія кушанья казались мнѣ сносными, да и сами португальцы можетъ быть лучшими, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Нужно, однако, прибавить, что, не смотря на дешевизну и обиліе вина, питье пива распространяется въ Португаліи и нѣмецкія пивныя оскверняютъ въ разныхъ мѣстахъ улицы Лисабона.

Португальцы вмѣстѣ съ русскими, англичанами и американцами принадлежатъ къ народамъ, пьющимъ чай преимущественно передъ кофеемъ. Такая привычка объясняется тѣмъ, что Макао, нѣкогда единственное открытое въ Китай окно принадлежалъ португальцамъ. Послѣдніе въ своихъ колоніяхъ имѣютъ, впрочемъ, и кофейныя плантаціи. Кофе изъ Санъ-Томе даже у нихъ славится, хотя зеленоватый цвѣтъ его настоя напоминаетъ нѣчто весьма неприличное, особенно со сливками.

Я сказалъ уже, что пьютъ и ѣдятъ португальцы, а ничего еще не сказалъ о нихъ самихъ. Начну, конечно, съ прекраснаго пола, всегда болѣе интереснаго; къ тому же ни въ одной странѣ въ мірѣ численность женщинъ такъ не велика относительно числа мужчинъ, какъ въ Португаліи.

На тысячу мущинъ здѣсь приходится 1,084 женщинъ, но какихъ! Португалки по характеру существенно отличаются отъ своихъ сосѣдокъ—испанокъ. Онѣ не такъ подвижны, въ нихъ меньше жизни и онѣ не любятъ общество, а сидятъ больше дома, выходя къ роднымъ да въ церковь. Тамъ, „въ прохладѣ соборовъ, смуглыя синьоры прилежно молятся и охлаждаютъ свои, и безъ того мало возбужденные нервы". Хотя замужнія женщины и здѣсь имѣютъ обыкновенно любовниковъ, но португалки далеко не такъ чувственны, какъ испанки. Правда, и молодые португальцы ужасно скромны. Дамы съ скучающимъ видомъ смотрятъ въ окна на улицу, гдѣ на углахъ молодежь, подобно статуямъ, стоитъ по цѣлымъ часамъ, созерцая выглядывающія личики. Это называется въ Португаліи ухаживаньемъ!

И въ наружности португальскія женщины носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то вялости или болѣзненнаго вырожденія: цвѣтъ лица поблекшій, ростъ маленькій, наклонность къ толщинѣ. Хотя Камоэнсъ говоритъ въ Лузіадѣ: „наши женщины прекраснѣе всѣхъ другихъ женщинъ", но, во-первыхъ, великій поэтъ былъ слѣпъ, а, во-вторыхъ, за триста пятьдесятъ лѣтъ многое могло и перемѣниться. Похвалить можно у португалокъ только блескъ глазъ и волосы. Къ несчастью, растительность такъ велика, что многія дамы имѣютъ усы и даже бакенбарды; но вообще волосы — по

большей части черные — великолѣпны и ихъ съ большимъ тщаніемъ убираютъ, въ чемъ португалки искусны, а для болѣе элегантныхъ барынь существуетъ множество парикмахеровъ и парикмахершъ; послѣднія — cabellereiras, всѣ испанки, ибо нѣтъ на свѣтѣ женщинъ, кромѣ, можетъ быть, японокъ, которыя бы такъ искусно умѣли убирать голову, какъ испанки. Одѣваются португалки безъ вкуса, хотя любятъ наряды.

Кокотки и публичныя женщины въ Лисабонѣ всѣ испанки. Это зависитъ оттого, что онѣ красивѣе португалокъ; португальцы же объясняютъ это нравственностью своихъ женщинъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что по части любви испанки очень распущены и замужнія женщины рѣдко скрываютъ у нихъ свои связи.

Благообразіемъ не могутъ похвалиться и мужчины въ Португаліи. Черты лица ихъ неправильны, носы вздернуты, губы толстыя. Уродливость португальцевъ объясняется примѣсью: въ португальскій типъ вошли не только арабскій и еврейскій элементы, но и негритянскій. Въ прежнее время невольники привозились изъ Африки ежегодно тысячами; вся прислуга состояла изъ чернокожихъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія пятая часть населенія Лисабона состояла изъ цвѣтныхъ жителей. Теперь послѣднихъ нѣтъ, очевидно, они смѣшались и вошли въ составъ кореннаго населенія. Замѣчательную выносливость португальцевъ

въ губительныхъ климатахъ Остъ-Индіи и Гвинеи нѣкоторые объясняли также означенною примѣсью негритянской крови. Реклю отрицаетъ это на томъ основаніи, что большинство португальскихъ эмигрантовъ происходитъ изъ сѣверныхъ провинцій, гдѣ примѣсь африканцевъ не могла быть значительна, и объясняетъ малую смертность португальцевъ подъ тропиками воздержанностью образа жизни.

Лучшая часть португальскаго населенія, по общимъ отзывамъ, крестьяне; они добры, услужливы, умѣренны, привѣтливы, не любятъ ссоръ, хотя, отличаются страстью къ игрѣ. Португальцы, краснорѣчивы, какъ и ихъ сосѣди — испанцы, но въ противоположность съ послѣдними, хорошо обращаются съ домашними животными. Рѣчь португальца отличается цвѣтистостью и церемонностью, а языкъ вычурностью; икры, напримѣръ, въ буквальномъ переводѣ по-португальски значатъ „животы ногъ“ и т. п. Языкъ португальскій очень некрасивъ и непріятенъ для уха, изобилуя носовыми звуками. Камоэнсъ по-португальски — Камоэншъ, но чтобы произнести это имя надлежащимъ образомъ, надобно сильно стиснуть себѣ носъ двумя пальцами. Хотя португальскій языкъ похожъ на испанскій по корнямъ и синтаксису, но не такъ богатъ и звученъ. Кромѣ носовыхъ звуковъ, онъ непріятенъ еще свистящими и шипящими и выпусканіемъ согласныхъ l, j и n,

между двумя гласными; за то у португальцевъ нѣтъ гортанныхъ звуковъ испанскаго языка. Какъ видно изъ книги моего добраго пріятеля Ж. Ж. Маркеса: *) „Origens das linguas neo-latinas“, португальскій языкъ сталъ литературнымъ еще въ XIII вѣкѣ. Классическимъ считается языкъ XVI вѣка. Строгихъ границъ, впрочемъ, нѣтъ, потому что и здѣсь академія свой словарь довела только до буквы А.

Непрезентабельная наружность и скверный языкъ не мѣшаютъ португальцамъ быть очень высокаго о себѣ мнѣнія. Какъ люди маленькаго роста всегда очень тщеславны, такъ и маленькіе народцы обыкновенно ужасно самолюбивы. Хотя Португалія равна площадью нашей Минской губерніи, а населеніемъ—двумъ русскимъ губерніямъ средней величины, но португальцы пресерьезно убѣждены, что если къ нимъ (sic) присоединить Испанію, то Португалія была бы первою страною въ мірѣ по силѣ и значенію!

Такое самомнѣніе заставляетъ ихъ ревниво относиться къ мнѣнію о нихъ иностранцевъ. При мнѣ во всей Португаліи шла агитація о поднесеніи почетной сабли маіору Луису де-Гильинану,

*) Жоакимъ Жозе Маркесъ умеръ скоропостижно въ Лиссабонѣ, 48 лѣтъ, въ октябрѣ 1884 г. Онъ былъ въ послѣднее время редакторомъ музыкальнаго журнала „Amphion“, а лѣтъ десять тому назадъ редактировалъ „A Arte musical“. Въ особенности Маркесъ занимался археологіей музыки.

геройство котораго состояло въ томъ, что онъ напечаталъ въ „Times'ѣ“ письмо противъ Брайта, презрительно отозвавшагося въ англійскомъ парламентѣ о португальцахъ. Всѣ мои португальскіе знакомые возмущались, видя у меня книгу г-жи Ратацци: „Le Portugal à vol d'oiseau“, гдѣ въ сжатомъ видѣ и въ насмѣшливой формѣ содержится множество любопытныхъ свѣдѣній, полученныхъ изъ первыхъ рукъ. Остроуміе книги, понятно, не по сердцу португальцамъ и всѣ отзывались о ней съ негодованіемъ. Лучшее доказательство, что въ книгѣ много правды, ибо правда и въ Португаліи глаза колетъ.

Высокое мнѣніе португальцевъ о себѣ не можетъ опираться на ихъ воинственность. При нынѣшней организаціи португальская армія не въ силахъ выставить въ военное время болѣе 74,000 человѣкъ, что слишкомъ мало относительно населенія страны. Когда Испанія переорганизовала свою армію въ 1882 году, португальское правительство сейчасъ же сочинило проектъ такого же преобразованія, но еще вопросъ, пройдетъ ли когда проектъ въ палатахъ, хотя, по мнѣнію министерства, съ малыми затратами можно довести кадры и резервы португальской арміи до такого состоянія, что въ военное время подъ знамена можно будетъ собирать до 120,000 человѣкъ *).

*) Я былъ не правъ. По декретамъ, опубликованнымъ недавно въ „Diario do Governo“ касательно военной реоргани-

Откровенно, впрочемъ, говоря, независимость Португаліи тверже основана на англійскихъ любителяхъ портвейна, нежели на какихъ-либо законахъ о военной повинности, да и португальскіе солдаты съ виду мелкорослы и слабосильны. Мундиры ихъ похожи нѣсколько на англійскіе, только темнаго цвѣта, но въ то время, когда англійскіе солдаты рослы, португальскіе—мизерны и на противниковъ должны производить скорѣе комическое впечатлѣніе. Поэтому-то, вѣроятно, въ португальскомъ рекрутскомъ уставѣ и сохранилась до сихъ поръ команда при атакѣ: „Смотри страшно на врага!“, заимствованная изъ древняго изрѣченія: Cara feroz ao inimigo, встрѣчающагося еще въ хроникахъ короля Іоанна I. Эта команда напоминаетъ, какъ у насъ когда-то учили молодыхъ сол-

---

заціи, наличный составъ португальской арміи во время войны опредѣленъ въ 120.000 человѣкъ. Главный штабъ будутъ составлять: одинъ генеральный маршалъ—король, два маршала арміи, 9 дивизіонныхъ генераловъ и 24 бригадныхъ генерала. Число пѣхотныхъ полковъ опредѣлено въ 36, изъ коихъ 12 егерскихъ, съ наличнымъ составомъ въ 99.504 человѣка. Полки состоятъ изъ 3 батальоновъ, по четыре роты въ каждомъ. Кавалерійскихъ полковъ будетъ 10, съ наличнымъ составомъ изъ 6.700 человѣкъ и 5.300 лошадей. Артиллерія будетъ состоять изъ 10.175 человѣкъ, при 264 полевыхъ орудіяхъ. Инженерныя войска будутъ составлять одинъ полкъ изъ 2.052 человѣкъ, со включеніемъ полевыхъ телеграфистовъ и желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Это составъ континентальной арміи; заморскія же колоніи имѣютъ спеціальную армію, содержимую на ихъ собственные бюджеты.

датъ смотрѣть на проходящее по фронту начальство съ такимъ выраженіемъ, чтобы глаза говорили: „люблю тебя, начальникъ“...

Я сказалъ, что преобразованіе испанской арміи заставило навострить уши португальцевъ. Боязнь Испаніи это вѣчный кошмаръ португальцевъ и ненависть къ испанцамъ составляетъ одну изъ выдающихся чертъ ихъ характера, проявляющуюся и въ мелочахъ. На наружной сторонѣ собора въ Брага есть маленькій мальчикъ (mannequin pisse), который дѣлаетъ тоже что его брюссельскій собратъ, но глядя на Испанію. Въ свою очередь, испанцы относятся къ португальцамъ съ величайшимъ презрѣніемъ: „Portugueses pocos y locos“— „сумасшедшій маленькій народецъ“, говорятъ они о своихъ сосѣдяхъ. Изъ чего слѣдуетъ мораль, что идея иберійскаго единства могла возникнуть только въ головахъ праздныхъ теоретиковъ.

Въ настоящее время замѣчается, впрочемъ, нѣкоторое сближеніе между Испаніей и Португаліей. Иниціатива этого дѣла въ политическомъ отношеніи принадлежитъ королю Альфонсу, который вообще выказываетъ себя человѣкомъ очень умнымъ. Повліяли также политическія событія въ Испаніи. Именно послѣднія междоусобныя войны принудили выселиться въ Португалію такую массу испанскихъ семействъ, что отъ наплыва ихъ даже нравы въ Португаліи измѣнились. Прежде португальскія женщины еще крѣпче си-

дѣли въ заперти, но примѣръ общительныхъ испанокъ нашелъ подражательницъ, отчего наружность Лисабона, походившая на какой-нибудь городъ въ Марокко, замѣтно выиграла. Впрочемъ, въ Португаліи до сихъ поръ сохранились „полумонастыри“ куда мужья запираютъ своихъ слишкомъ веселыхъ и непокорныхъ женъ. Отличное учрежденіе, которое не худо бы намъ заимствовать.

Послѣ испанцевъ португальцы болѣе всего не любятъ французовъ, вѣроятно, отъ воспоминанія наполеоновскихъ временъ. Frances, по португальски синонимъ лгуна—въ общемъ употребленіи. Между тѣмъ, образованность современныхъ португальцевъ чисто французская: португальская литература и театръ живутъ заимствованіями съ французскаго, политическія учрежденія скопированы съ французскихъ, французскія моды свирѣпствуютъ и знаніе французскаго языка чрезвычайно распространено въ обществѣ. Въ высшемъ слоѣ говорятъ по-французски даже безъ малѣйшаго акцента. Это сословіе образуетъ здѣсь одинъ кружокъ и никого не принимаетъ изъ иностранцевъ и другихъ сословій. Не нужно думать, что это происходитъ отъ его аристократичности. Благодаря вымиранію и тому обстоятельству, что представители древнихъ фамилій, въ томъ числѣ богатѣйшій въ Португаліи человѣкъ, герцогъ Кадаваль, не признали конституціонной монархіи и, оставшись мигуэлистами, живутъ постоянно за-границею, высшее общество

Лисабона состоитъ изъ разбогатѣвшихъ проходимцевъ. Стоитъ накрасть на концессіяхъ и казенныхъ подрядахъ, чтобы безъ особаго труда купить себѣ титулъ барона или виконта, оставаясь ростовщикомъ или же ничего не дѣлая, такъ какъ бездѣльничанье считается въ Португаліи, какъ и во Франціи и Испаніи, признакомъ высшей породы. „Нѣтъ страны, гдѣ было бы болѣе кавалеровъ безъ лошадей, бароновъ безъ бароній, графовъ безъ графствъ, маркизовъ и герцоговъ безъ маркизатовъ и герцогствъ, какъ въ Португаліи", ядовито замѣчаетъ г-жа Ратацци. Любопытно, что вся эта псевдо-аристократія народилась съ либеральнаго XVIII вѣка, съ легкой руки Помбаля, желавшаго создать въ новомъ дворянствѣ противовѣсъ феодаламъ.

Между нынѣшними аристократами Португаліи не мало иностранцевъ. Это объясняется тѣмъ, что богатства наживали въ послѣднее время здѣсь по преимуществу инородцы. Всѣ большія промышленныя предпріятія, а равно торговля находятся въ рукахъ англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и шведовъ. Впрочемъ, иностранцы иногда быстро принимаютъ національную окраску. Какъ у насъ самые рьяные славянофилы были Гильфердингъ изъ евреевъ и О. Миллеръ изъ нѣмцевъ, такъ самаго величайшаго португальскаго патріота я встрѣтилъ въ Португаліи изъ ирландцевъ. Это г. О'Нейль Тоорладесъ. Хотя онъ человѣкъ прекрасно обра-

зованный, милліонеръ и генеральный консулъ разныхъ націй, но одѣвается въ костюмъ португальскаго крестьянина: куртку съ серебряными пуговицами и штаны до колѣнъ съ штиблетами; сыновей же воспиталъ, какъ простыхъ крестьянъ.

Кромѣ г. Тоорладеса, я, при помощи привезенныхъ съ собою рекомендательныхъ писемъ, познакомился съ представителями разныхъ слоевъ лисабонскаго общества. Нашъ посланникъ, г. Глинка, въ это время умиралъ, но я пользовался услугами секретаря нашего посольства, г. Кудрявскаго, милѣйшаго и образованнаго молодаго человѣка, и русскаго консула, г. Лакснера, болѣе двадцати лѣтъ живущаго въ Лисабонѣ. Чтобы поближе показать мнѣ здѣшнюю интеллигенцію, меня записали въ клубъ Gremio litterario. Клубовъ въ Лисабонѣ, конечно, очень много, но вышеозначенный лучшій. Онъ помѣщается въ собственномъ прекрасномъ домѣ съ садомъ; съ террасы его чудный видъ на восточную часть города. Въ клубѣ болѣе 500 членовъ, такъ какъ годовой взносъ незначителенъ; члены эти собираются не для упражненія на зеленомъ полѣ, а для болтовни о политикѣ, чтенія массы газетъ и журналовъ получаемой клубомъ, слушанія публичныхъ чтеній. Если прибавить къ этому питье безчисленнаго множества стакановъ свѣжей воды, то дѣятельность клуба, по наружности довольно соннаго, будетъ вполнѣ охарактеризована.

Здѣсь я познакомился съ португальскою печатью, о которой еще поговорю подробнѣе; здѣсь же я узналъ воззрѣнія португальцевъ на наше отечество. О Россіи они имѣютъ понятія весьма приблизительныя. Единственное обстоятельное португальское сочиненіе о Россіи „Quadros da litteratura, dos sciencias e artes na Russia“ издана въ Лиссабонѣ въ 1868 г. нашимъ соотечественникомъ, молодымъ дипломатомъ г. Вакселемъ. Въ то время, когда тотъ же г. Ваксель написалъ исторію португальской музыки, князь Гедройцъ—исторію порпортугальскаго народа, а покойный Соболевскій былъ замѣчательнымъ знатокомъ португальскаго языка и литературы, едва ли когда какой-нибудь португалецъ дѣлалъ серьезныя изслѣдованія о Россіи. Существуетъ только португальскій переводъ 1816 г. похвальнаго слова Петру Великому сочиненія Ломоносова. Латино Коэльо знаетъ по русски и переводилъ въ стихахъ отрывки изъ Пушкина и другихъ поэтовъ, но его переводы не изданы. Есть два напечатанныхъ перевода оды *Богъ*. Въ послѣднее время уроженецъ Мадеры и извѣстный португальскій публицистъ Фаріо и Кастро перевелъ и напечаталъ „Пиковую даму“. Болѣе португальцы интересуются нашими нигилистами и извѣстная книга г. Степняка: „Подземная Россія“ переведена на португальскій языкъ съ итальянскаго.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, и наши познанія

о Португаліи, за исключеніемъ немногихъ указанныхъ выше лицъ, недалеко ушли. Самые образованные люди смутно припоминаютъ имена Генриха Мореплавателя, Магелана, Васко ди-Гама, Камоэнса и Помбаля. Теперь къ этимъ гимназическимъ познаніямъ прибавились свѣдѣнія изъ „Африканки“ да стихи изъ оперетки:

Les Portugais sont toujours gais
Qu'il fasse beau, qu'il fasse laid.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія. И то послѣднее еще, къ сожалѣнію, ложно. Между тѣмъ, хотя никогда ни Россія не присоединится къ Португаліи, ни Португалія къ Россіи, нѣкоторое сближеніе двухъ странъ вовсе не лишнее. Португалія государство для насъ вдвойнѣ интересное: и въ торговомъ, и политическомъ отношеніи. Въ торговомъ она важна потому, что было бы очень легко завести прямыя сношенія моремъ съ Португаліей на судахъ подъ русскимъ флагомъ. Португальцы нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ, спиртѣ, лѣсѣ, пенькѣ, мы—въ португальскихъ винахъ, соли, пробкѣ, апельсинахъ. Здѣсь вполнѣ возможенъ обоюдовыгодный обмѣнъ безъ малѣйшей эксплоатаціи одной стороны другою. Теперь нашъ оборотъ съ Португаліей не превосходитъ 850 тысячъ рублей въ годъ, но его легко утроить и учетверить. Въ политическомъ отношеніи Португалія важна не по своей малочисленной военной силѣ, а по ея колоніальному положенію въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ случаѣ

крейсерской войны португальскіе порты могли бы намъ быть очень полезными. Правда, мы уже однажды потеряли въ устьяхъ Таго всю эскадру Сенявина, но это прискорбное событіе не должно умалять нашу энергію въ будущемъ.

Конечно, Португалія почти вассалъ въ политическомъ отношеніи Англіи, но тѣмъ умнѣе и искуснѣе долженъ быть дипломатъ, котораго мы назначаемъ въ Лисабонъ представителемъ русской политики. До сихъ поръ же Португалія считалась для нашей дипломатіи или богадѣльней, или мѣстомъ ссылки. Послѣдній изъ нашихъ посланниковъ, покойный Глинка, хотя и авторъ философскаго сочиненія о строеніи человѣческаго общества,—которое всѣ критики хвалили, такъ какъ никто его ни прочесть, ни понять не былъ въ силахъ,—во время своего пребыванія въ Лисабонѣ, по преклонности лѣтъ, впалъ почти въ дѣтство, жилъ буквально взаперти и ничѣмъ не интересовался. Съ такими представителями, конечно, наши связи съ Португаліей далеко не уѣдутъ. Захожденіе отъ времени до времени военныхъ судовъ также не поможетъ. Моряки всѣхъ націй, извѣстно, въ иностранныхъ портахъ моютъ только бѣлье и ищутъ такія заведенія, которыя въ сферахъ международной политики вѣса не имѣютъ.

II.

Теофило Брага.— Положеніе литератора въ Португаліи.— Періодическая печать.— Королевская фамилія.— Палата депутатовъ, распредѣленіе политическихъ партій.— Фонтесъ.— Палата перовъ.— Португальскіе чиновники.

Чтобы узнать истину по отношенію къ внутренней политикѣ какой-либо страны, надобно всегда обращаться къ представителямъ оппозиціи: къ либераламъ, если министерство консервативное, къ консерваторамъ, если министерство либеральное. Я такъ и поступилъ въ Лисабонѣ. Прежде чѣмъ ознакомиться съ португальскими палатами, я сдѣлалъ визитъ Теофило Брага, первому писателю въ Португаліи и одному изъ предводителей республиканской партіи. Хотя у меня было къ нему письмо изъ Петербурга, но одинъ знакомый предложилъ мнѣ пойти вмѣстѣ. По дорогѣ знакомый встрѣтилъ пріятеля, по португальской манерѣ разболтался съ нимъ, тотъ присоединился къ намъ, далѣе имъ попался кто-то изъ друзей, такъ что къ лисабонскому Кастелару мы пришли уже толпою.

Красивая толстая горничная отворила намъ

дверь, изъ чего я заключилъ, что республиканцы въ Португаліи отрицаютъ только формы правленія, но относятся съ уваженіемъ къ прочимъ „формамъ“... Живетъ Брага въ отдаленной части города и занимаетъ самое скромное помѣщеніе; пріемная его есть и его кабинетъ, который состоитъ изъ простого деревяннаго стола, нѣсколькихъ плетеныхъ стульевъ, какіе у насъ употребляются для кухни, и деревянныхъ некрашенныхъ полокъ съ книгами по всѣмъ стѣнамъ до потолка; валяются книги и на полу. Брага происходитъ изъ очень бѣднаго семейства; онъ былъ въ молодости наборщикомъ, чтобы имѣть средства содержать себя въ коимбрскомъ университетѣ.

Не смотря на свои сорокъ четыре года, Теофило имѣлъ въ короткомъ полотняномъ пиджачкѣ видъ студента лѣтъ двадцати шести. Онъ маленькаго роста, говоритъ необыкновенно быстро; наружность—человѣка добродушнѣйшаго, который, кажется, не обидитъ мухи, и какъ бы усталая. Да какъ не устать, когда Брага успѣлъ уже, занимая профессорскую каѳедру и принимая участіе въ газетахъ, написать болѣе сорока томовъ, въ томъ числѣ исторію португальской литературы «Historia da Litteratura portugueza», десятилѣтній трудъ въ 20 томахъ. Когда онъ мнѣ подарилъ только тѣ сочиненія, которыя ему случайно попались подъ руку, то вышелъ порядочный грузъ. Кромѣ исторіи, Брага писалъ также книги стиховъ, фило-

софскія сочиненія, (онъ позитивистъ школы Огюстъ Конта), этюды по естественнымъ наукамъ, филологіи и т. д. и т. д.

Само собою, разговоръ не замедлилъ перейти къ политикѣ. Брага страстно нападалъ на правительство.

— Наша конституція, говорилъ онъ,—чистѣйшая комедія. Нигдѣ нѣтъ такой разницы между тѣмъ, что написано на бумагѣ, и существуетъ въ дѣйствительности. Никакой оппозиціи въ палатахъ нѣтъ, оппозицію дѣлаетъ само министерство для закрытія глазъ народу, сажая однихъ друзей налѣво, другихъ направо, но всегда сохраняя огромный численный перевѣсъ въ друзьяхъ. Правительство всемогуще. Король, конечно, лично не управляетъ и думаетъ только, какъ бы собрать деньги для безопаснаго помѣщенія въ англійскомъ банкѣ, но Фонтесъ распоряжается какъ диктаторъ. Это совершенно „палатный мэръ" временъ Меровинговъ. Выборы въ парламентъ нечестны, при томъ правительство на нихъ производитъ давленіе. Когда на Мадерѣ выбрали, наконецъ, депутатомъ единственнаго республиканца, моего друга Родригеса де-Фрейтасъ, правительство послало туда фрегатъ въ видѣ угрозы!.. Я самъ баллотировался на Асорскихъ островахъ (Брага уроженецъ Санъ-Мигуэля, одного изъ этихъ острововъ), но получилъ только 1,500 голосовъ,—такъ сильно вліяніе на выборахъ администраціи...

Я спросилъ Брагу, почему съ такимъ талантомъ онъ находится, повидимому, не въ блестящемъ матеріальномъ положеніи.

— Помилуйте, заговорилъ онъ еще болѣе нервно. Да у насъ кто не королевской партіи, тотъ никогда не можетъ разсчитывать на вниманіе. Ни академіи, ни ученыя общества не рѣшатся протянуть ему руку помощи. Чтобы сдѣлаться профессоромъ Атенея съ грошевымъ вознагражденіемъ, я долженъ былъ выдержать страшную борьбу и былъ принятъ только потому, что пріемъ былъ заранѣе назначенъ по конкурсу. Сочиненія мои не приносятъ мнѣ ни копѣйки, потому что въ Португаліи книги издаются самое большее въ 1,000 экземпляровъ, издатели г. Лопесъ и др. печатаютъ ихъ почти изъ милости, а объ гонорарѣ никто здѣсь не слыхалъ. Только еще и спасаетъ насъ Бразилія...

Я узналъ потомъ, что въ Бразиліи Брага вообще очень популяренъ. Оттуда ему и помогаютъ, тамъ же было празднуемо, 24 февраля 1883 г., съ большимъ торжествомъ сороколѣтіе дня его рожденія. Описаніе юбилея составило курьезную книгу изданную sinceros admiradores этого preclaro escriptor moderno. Въ Бразиліи, особенно въ Багіи, имѣется республиканская партія... между богатыми рабовладѣльцами! Это странное сочетаніе идей радикализма съ защитою невольничества объясняется тѣмъ, что въ Бразиліи реформы идутъ свыше и богатые помѣщики,

отстаивающіе выгодное для ихъ интересовъ невольничество, охотно примыкаютъ, изъ оппозиціи къ правительству, къ республиканской партіи.

Брага не единственный писатель въ Португаліи. Не смотря на малый кругъ читателей, португальская литература, возродившаяся въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, подъ вліяніемъ французскаго романтизма, насчитываетъ очень много талантливыхъ представителей. Лучшіе португальскіе писатели XIX вѣкъ — поэтъ Гарретъ (его можно назвать португальскимъ Пушкинымъ, такая же многосторонность, такой же умъ), и историкъ Геркулано (глубокая критика фактовъ и чудный слогъ). Къ нимъ присовокупляютъ обыкновенно Кастильо, но это лишь блестящій переводчикъ латинскихъ классиковъ, что то вродѣ Жуковскаго, безъ его индивидуальности. Удивительно даже, какъ такой маленькій и малограмотный народецъ создалъ столько поэтовъ, историковъ, романистовъ и особенно драматурговъ. Но главныя литературныя силы поглощаются и здѣсь газетами. Журналистика скорѣе открываетъ путь къ политической карьерѣ; многіе люди, бывшіе потомъ министрами, начинали свою дѣятельность газетными сотрудниками. Впрочемъ, два популярныхъ писателя послѣдняго времени: Ребелло да Сильва и Мендесъ-Леаль сдѣлались также министрами, первый — морскимъ, послѣдній теперь посломъ въ Парижѣ.

Ребелло да-Сильва въ особенности историкъ; написалъ также одинъ историческій романъ: „Юность Д. Жуана V.“; Мендесъ-Леаль, наиболѣе извѣстенъ какъ драматургъ — подражатель Дюма — сына; онъ былъ простымъ наборщикомъ газеты „Jornal do Commercio“. Случаи подобнаго возвышенія въ Португаліи теперь не рѣдки. Маркизъ-де Пенафіель, представитель Португаліи на конговской конференціи въ Берлинѣ, былъ garçon въ кафе. Титулъ же получилъ отъ жены.

Какъ во всѣхъ странахъ съ парламентарною формою правленія, газетъ въ Португаліи превеликое множество и каждая старается говорить если не умнѣе, то громче другихъ. Поэтому, отъ сотрудниковъ требуется не образованіе или принципы, а рѣзкость языка. Въ одномъ Лисабонѣ болѣе полутора десятковъ газетъ. Большая часть поддерживается извѣстными политическими партіями. Реформаторы имѣютъ здѣсь органами: „Jornal do Commercio“, „Diario de Portugal“, „Diario de Noticias“, „A Revoluçao de Setembro“; прогрессисты — „Diario Popular“, „O progresso“, „Correo da Noite„; конституціоналисты — „Diario de Manha“; независимые — „O Economista“, „Commercio de Portugal“, „O Figaro“; республиканцы — „O seculo“, „Democracia Portugueza“; мигуэлисты — „A Naçao“, „A Restauraçao“; нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ газетъ мѣняютъ свои направленія сообразно министерскимъ измѣненіямъ. Словомъ, чего хочешь,

того просишь, и читатель будетъ скорѣе обремененъ въ Лисабонѣ изобиліемъ, нежели недостаткомъ органовъ печати.

Газеты выходятъ и днемъ, и вечеромъ, сбываются главнымъ образомъ на улицѣ въ розничной продажѣ. По наружности португальскія газеты напоминаютъ дешевые французскіе листки; по объему онѣ въ половину менѣе нашихъ большихъ газетъ, а по содержанію походятъ скорѣе на мелкую прессу, давая политику рядомъ съ анекдотами и большую часть листа посвящая городской хроникѣ и любовной перепискѣ. Есть, впрочемъ, и исключенія.

„Jornal do Commercio", нѣкогда первая газета въ Португаліи по значенію, теперь потеряла часть читателей, потому что принадлежитъ, говорятъ, Бюрнею, представителю одного бельгійскаго семейства, котораго члены давно эксплоатируютъ въ разныхъ видахъ Португалію и не пользуются популярностью. „Journal do Commercio" остается, впрочемъ, самою большою газетою въ Португаліи по формату, какъ „Commercio do Porto" остается лучшею провинціальною газетою, пользующеюся значеніемъ и въ столицѣ, благодаря блестящему перу своего главнаго сотрудника Мигуэль Лобо.

„Diario Popular"—оппозиціонный органъ, редактируемый Карвальо, очень нравится лисабонцамъ по злобнымъ нападкамъ на правительство, причина которыхъ лежитъ, говорятъ, въ оскорб-

ленномъ женскомъ самолюбіи. „Revoluçao de Setembro“ и „Progresso“ также пользуются успѣхомъ, но „Diario de Noticias“, редактируемая гг. Eduardo Coelho и Thomaz Quintiono Antunes, несомнѣнно самая распространенная въ Лисабонѣ газета; она имѣетъ 26,000 подписчиковъ,—цифра громадная для населенія, грамотностью не блещущаго. По своему содержанію, это лисабонскій „Петербургскій Листокъ“.

Имѣется, конечно, не мало и сатирическихъ, и каррикатурныхъ изданій съ раскрашенными иллюстраціями, занимающихся главнымъ образомъ политикою. Наиболѣе распространенные „Trinta Diabas“, „Pimpao“ и „Antonia-Maria“,—послѣдній республиканскаго направленія. Благодаря полнѣйшей свободѣ печати, здѣсь постоянно печатаются про королевскую фамилію разныя сплетни. То на каррикатурѣ изображенъ король, прячущійся отъ своего министра подъ тронъ, съѣденный мышами. то разсказывается о вліяніи при дворѣ какой-то актрисы Розы, или о неумѣренномъ образѣ жизни короля и т. п. гнусности.

Предметъ этихъ нападковъ Луисъ-Филиппъ-Марія-Фердинандъ-Петръ д'Алькантара-Антонъ-Михаилъ-Рафаилъ-Гавріилъ-Гонзаго-Ксаверій-Франсиско д'Ассизъ-Иванъ-Юлій-Августъ-Вальфандо де-Браганса-Бурбонъ король Португальскій и Алгарвскій, по эту и по ту сторону моря въ Африкѣ, государь Гвинеи, герцогъ Саксонскій и пр., и пр.,

небольшаго роста, толстый блондинъ съ свѣтлоголубыми глазами, обличающими его нѣмецкое происхожденіе. Донъ-Луисъ происходитъ изъ того саксенъ-кобургскаго герцогскаго семейства, которое пресловутый докторъ Штокмаръ, при помощи англійской дипломатіи, посадилъ на столько троновъ въ Европѣ. Германская кровь видна и въ наслѣдникахъ короля,—почему дѣтей его, курчавыхъ свѣтлыхъ блондиновъ, зовутъ въ лисабонскихъ радикальныхъ листкахъ весьма непочтительно „мериносами“. Она сказывается и въ любви короля къ музыкѣ: Донъ-Луисъ играетъ на всѣхъ, кажется, инструментахъ. Онъ носитъ форму адмирала съ эполетами, которыя, по величинѣ, какъ замѣтила m-me Ратацци, напоминаютъ формы для приготовленія charlottes russes. Король извѣстенъ среди англійскихъ филантроповъ уничтоженіемъ невольничества въ португальскихъ колоніяхъ, а въ португальской литературѣ хорошимъ переводомъ „Гамлета“. Онъ любитъ и другія искусства, что не мѣшаетъ ему сильно скучать въ своемъ скучнѣйшемъ дворцѣ Ажуда. По поводу эмансипаціи невольниковъ надобно замѣтить, что первымъ освободителемъ ихъ былъ Помбаль. Какъ часто бываетъ въ Португаліи реформы дѣлаются лишь на бумагѣ и къ нимъ возвращаются неоднократно. Такъ и въ этомъ случаѣ—невольниковъ освобождали раза два, три (Са-да-Бандейра) и едва-ли они теперь вполнѣ свободны.

Королева Марія-Пія, младшая дочь Виктора-Эммануила, высокая, рыжая, худая и съ длиннымъ лицомъ, покрытымъ веснушками,—женщина умная, но своенравная; ходили даже слухи послѣ ея замужества, что она страдала душевною болѣзнью; королева скучаетъ еще больше короля и живетъ уединенно, въ обществѣ нѣсколькихъ приближенныхъ, между которыми болѣе всего вліянія имѣетъ герцогъ Лоле. Любимѣйшія ею вещи — наряды и охота.

Безчисленное множество именъ не составляетъ привилегіи короля. Португальцы обыкновенно имѣютъ множество именъ и столь же длинныя фамиліи, что зависитъ отъ обычая, существующаго и въ Испаніи, къ своему имени прибавлять фамилію матери, иногда жены, а также родственниковъ по восходящей мужской и женской линіи, если они были чѣмъ-либо извѣстны. Одинъ португальскій фидальго имѣлъ столько именъ, что на могилѣ его было написано извиненіе, что монументъ не можетъ вмѣстить ихъ.

Въ старые годы лисабонскій дворъ отличался роскошью; объ этомъ можно судить, напр., по коллекціи золотыхъ придворныхъ каретъ, сохраняемыхъ для обозрѣнія публики; теперь, хотя liste civile не малъ, при дворѣ образъ жизни чрезвычайно скромный, почти буржуазный. Пріемовъ почти не бываетъ, мебель, обстановка не мѣняются по сорока лѣтъ.

Палаты засѣдали во время моего пребыванія въ Лисабонѣ, и я, конечно, не могъ себѣ отказать въ удовольствіи видѣть португальскихъ „отцевъ-отечества“ въ ихъ „говорильняхъ“. Мѣсто въ дипломатической трибунѣ было въ моемъ распоряженіи, и я выбралъ день, когда ожидалось нѣкоторое оживленіе въ преніяхъ по случаю обсужденія бюджета—предмета, всегда доставляющаго для депутатовъ удобный случай покритиковать администрацію.

Конгрессъ помѣщается въ громадномъ зданіи, превращенномъ въ законодательное собраніе изъ бенедиктинскаго монастыря. Палата пэровъ занимаетъ одну сторону зданія, выходящую въ садъ, палата депутатовъ — другую, обращенную на площадь, украшенную неважнымъ монументомъ знаменитаго португальскаго оратора, José Estevao. Своимъ расположеніемъ, формальностями при входѣ и т. п. лисабонскія палаты напоминаютъ другіе, видѣнные мною, многочисленные парламенты. По своей отдѣлкѣ, зала засѣданій палаты депутатовъ чрезвычайно проста: для ораторовъ устроена трибуна, передъ трибуной, по обычаю, министерская скамья, сзади президентскаго кресла портретъ короля. Несмотря на начавшееся засѣданіе, въ залѣ былъ порядочный шумъ отъ частныхъ разговоровъ и полное невниманіе къ рѣчамъ депутатовъ.

Послѣ реформы 1878 года, португальская па-

лата депутатовъ должна состоять изъ 149 членовъ (12 отъ колоній), избранныхъ по округамъ одиночною баллотировкою на четыре года, причемъ правомъ голоса могутъ пользоваться и священники, и военные, при условіи извѣстнаго ценза. Прислуга не допускается, однако, до подачи голосовъ; съ другой стороны всѣ отцы семейства и лица, умѣющія читать и писать (кромѣ военныхъ), имѣютъ право голоса, хотя бы не имѣли ценза. Депутаты для своего избранія также нуждаются въ цензѣ; они получаютъ во время сессій жалованья по 220 р. въ мѣсяцъ, но не могутъ занимать мѣстъ въ нѣкоторыхъ частныхъ компаніяхъ и при дворѣ. Въ вопросахъ о налогахъ и военной повинности только палата депутатовъ имѣетъ законодательную иниціативу.

Въ засѣданіи налицо не было и половины вышеозначеннаго числа депутатовъ; послѣдніе большую часть времени пребываютъ въ отсутствіи, подъ предлогомъ, что имъ нечего дѣлать. Палата вообще посѣщается лѣниво, хотя на бумагѣ существуетъ строгій законъ, по которому депутатъ, три раза пропустившій засѣданіе безъ уважительной причины, можетъ быть лишенъ своихъ полномочій. Законъ, который не худо бы, конечно не по-португальски, примѣнить и къ нашимъ нерадивымъ городскимъ и земскимъ собраніямъ.

Депутаты, какъ вездѣ, засѣдаютъ группами, согласно раздѣленію политическихъ партій; тако-

выхъ, если не считать оттѣнковъ, въ Португаліи теперь четыре: двѣ крайнихъ, такъ сказать революціонныхъ, находящихся внѣ правительства — легитимистовъ и республиканцевъ, и двѣ умѣренныхъ, въ которыхъ сосредоточивается поочередно власть—прогрессистовъ и реформаторовъ (regeneradores), какъ называютъ себя въ Португаліи для благозвучія консерваторы.

Легитимисты, бывшіе мигуэлисты, защитники абсолютной монархіи и теократіи, — партія, постоянно теряющая почву и которой важнѣйшіе представители, въ родѣ Рибейро Сарайва, живутъ заграницею. Заграницею, именно въ Австріи, живетъ и сынъ дона-Мигуэля, также донъ-Мигуэль, капитанъ австрійскихъ драгунъ и родственникъ австрійскаго императорскаго дома. Въ палатѣ роль мигуэлистовъ незначительна, но, благодаря духовенству и нѣсколькимъ искусснымъ публицистамъ (талантливѣйшій изъ нихъ Бруски—умеръ), партія не можетъ считаться окончательно умершею. Духовенство хотя лишилось поземельной собственности, но стало богаче прежняго, такъ какъ взятыя у него и проданныя казною земли были замѣнены процентными бумагами съ бо̀льшимъ доходомъ.

Республиканская партія создалась только въ 1870 году, подъ вліяніемъ учрежденія республикъ во Франціи и въ Испаніи, и хотя въ палатѣ она не имѣетъ еще никакого значенія, но въ народѣ мало-по-малу пускаетъ корни. Послѣднее возстаніе

въ 1883 году въ сѣверной Португаліи произошло при крикахъ: „да здравствуетъ республика!“ До 1884 года только Мадера имѣла представителя республиканца. На послѣднихъ же выборахъ попало въ палату уже двое республиканцевъ. оба избранныхъ въ Лисабонѣ. Республиканцы, дѣлятся на умѣренныхъ и соціалистовъ. Брага. Латино Коэльо, тотъ самый что переводилъ Пушкина, Гарсіа—корифеи первыхъ, Мартинсъ и да-Куэнталь—вторыхъ. Латино Коэльо одинъ изъ лучшихъ писателей Португаліи и въ то же время профессоръ минералогіи. Антеро да-Куэнталь—поэтъ.

Вліяніе принадлежитъ двумъ центральнымъ партіямъ, которыя не отличаются почти по принципамъ, но скорѣе представляютъ извѣстные интересы, группирующіеся вокругъ нѣкоторыхъ лицъ. Образовались эти партіи изъ бывшей либеральной партіи, отстаивавшей конституцію 1826 года противъ деспотизма донъ-Мигуэля. Тогда въ первый разъ партія распалась на два оттѣнка — хартистовъ и сентябристовъ. Королева Марія да-Глоріа поддерживала первыхъ, но переворотъ 1846 года привелъ къ власти послѣднихъ. Борьба продолжалась до 1852 года, когда маршалъ Сальданья, послѣ измѣненія конституціи, соединилъ ихъ въ одну партію, но въ 1855 году изъ-за финансоваго вопроса партія распалась снова на двѣ, принявшія свои нынѣшнія названія: реформаторовъ и

прогрессистовъ. Одно время прогрессисты раздѣлялись еще на двѣ партіи, но сначала болѣе консервативная часть присоединилась къ реформаторамъ, а затѣмъ и всѣ партіи слились въ одну. Новый переворотъ, сдѣланный Сальданьей въ 1870 году, окончательно разъединилъ обѣ партіи.

Впрочемъ, и теперь, какъ я сказалъ, обѣ онѣ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Перебѣжчики изъ обѣихъ партій встрѣчаются постоянно, а потому и министерское большинство мѣняется безпрерывно; случается, что̂ подчиненные министровъ подаютъ противъ нихъ голоса; бываетъ, что министерство, располагающее огромнымъ большинствомъ голосовъ, выходитъ по собственному желанію въ отставку и замѣняется коалиціоннымъ министерствомъ. Тайна всѣхъ этихъ перемѣнъ, облегчаемыхъ существованіемъ въ партіяхъ фракцій, остается неизвѣстною и шутники въ Лисабонѣ объясняютъ ее „зубною болью“ Фонтеса. Когда у послѣдняго начинаютъ болѣть зубы, онъ выходитъ въ отставку впредь до выздоровленія.

Если въ самой Англіи парламентарная форма правленія уже выказываетъ многія неудобства, и публицисты такого столпа доктринерства, какъ „Journal des Débats“, дерзаютъ порицать ее, то понятно, сколько въ этой формѣ непрактичнаго и неприложимаго къ условіямъ страны въ родѣ Португаліи. Государство, гдѣ высшее сословіе или эмигрировало, или совершенно равнодушно къ по-

литикѣ, гдѣ среднее сословіе состоитъ изъ ростовщиковъ и иностранныхъ авантюристовъ, а низшее лишено земли,—имѣетъ весьма мало элементовъ для прочнаго парламентарнаго правительства. Бюрократіи здѣсь открытъ полный просторъ, и она, подавъ руку плутократіи, должна невольно стать всемогущею, не встрѣчая никакихъ ограниченій, а только прикрываясь громкими фразами изъ доктринерскаго лексикона о правовомъ порядкѣ и т. д.

И въ строго конституціонныхъ государствахъ личный элементъ всегда играетъ огромную роль, потому, несмотря на множество фигурантовъ парламентской сцены, въ каждой изъ нихъ одинъ, рѣдко два человѣка забираютъ власть и становятся безусловно необходимыми. Бисмаркъ въ Германіи, Тисса въ Венгріи, Депретисъ въ Италіи, Братіано въ Румыніи, Гладстонъ въ Англіи, Жюль Ферри во Франціи, Кановасъ въ Испаніи, Эрструпъ въ Даніи и т. д. управляютъ страною съ большимъ авторитетомъ, чѣмъ прежніе властители par droit divin. Въ Португаліи такой диктатурѣ образоваться было еще легче, и роль ея неограниченнаго вершителя судебъ занялъ Фонтесъ, глава партіи реформаторовъ.

Сынъ адмирала и морскаго министра, Antonio Fontes Pereira de Mello, или, по португальскому произношенію, Фòнтешъ, быстро сдѣлалъ карьеру, и въ 1848 году, въ чинѣ инженернаго полков-

ника, попалъ въ депутаты. Правительство тогда было въ рукахъ ультра-консерваторовъ, съ графомъ Томаромъ во главѣ. Фонтесъ прямо сѣлъ въ оппозиціи и произнесъ замѣчательную рѣчь о свободѣ печати. Онъ быстро обратилъ на себя вниманіе практическими познаніями, и уже въ 1852 году сдѣлался министромъ морскимъ, а затѣмъ финансовъ. Съ 1871 г. онъ съ небольшими перерывами является въ качествѣ перваго министра. Человѣкъ такого значенія имѣетъ, конечно, массу друзей-хвалителей и враговъ-порицателей.

Друзья увѣряютъ, что Фонтесу Португалія обязана своимъ настоящимъ положеніемъ. По его-де инициативѣ построились желѣзныя дороги и телеграфы, сооружены новый портъ въ Порто, казармы для войскъ, маяки; имъ введена метрическая система, учреждено министерство торговли и публичныхъ работъ, создались торговыя палаты, преобразованъ государственный долгъ, отчего поднялся кредитъ, увеличено содержаніе чиновникамъ, улучшена техническая часть въ арміи, пересмотрѣнъ сводъ законовъ, отмѣнена смертная казнь и изданъ законъ о печати, одинъ изъ либеральнѣйшихъ въ Европѣ. Кромѣ искусства администратора, друзья признаютъ у Фонтеса отличный ораторскій талантъ; они увѣряютъ также, что онъ превосходный музыкантъ, а въ свое время былъ пѣвцомъ и имѣлъ успѣхъ у прекраснаго пола. Касательно властолюбиваго характера при-

водятъ афоризмъ Дидро, что „трудно государственному человѣку, который сознаетъ, что онъ дѣлаетъ добро, не быть немного деспотомъ“.

Послушаемъ теперь враговъ. По ихъ словамъ, Фонтесъ человѣкъ ловкій, ничѣмъ не брезгающій для своего честолюбія; онъ выдаетъ легко друзей и ухаживаетъ за врагами, стараясь соблазнить ихъ. Подкупъ—главное орудіе его политики. Казенныхъ денегъ онъ не жалѣлъ и отъ всѣхъ крупныхъ затратъ ему кое-что перепадаетъ. Каждое министерство Фонтеса дѣлаетъ сейчасъ же заемъ, чтобы подѣлиться съ друзьями. Займы были въ 1876 году 5-процентный, въ 1877 г.—3-проц., въ 1879 г.—5 проц., въ 1880 году опять 3-процентный. Отъ этого займа самъ Фонтесъ получилъ двѣсти съ чѣмъ-то тысячъ. Недавно опять былъ заключенъ 3-проц. заемъ. Португалія, начавшая дѣлать долги еще съ конца XV столѣтія, беретъ деньги на условіяхъ довольно тяжелыхъ, именно не дешевле 6 проц. годовыхъ. Всѣ депутаты, поддерживающіе министерство Фонтеса, получаютъ тайно подачки, а нѣкоторые и состоятъ на жалованьи. Въ свою очередь, нельзя быть избраннымъ въ депутаты, не подкупивъ избирателей. Газеты постоянно указываютъ на случаи подкупа, даже со стороны оппозиціонныхъ депутатовъ, но всѣ ихъ разоблаченія остаются втунѣ. Займы, конечно, требуютъ на уплату процентовъ денегъ, а для добыванія послѣднихъ усиливаются налоги. Подати очень тя-

желы для простаго народа. Истощивъ всѣ почти способы обложенія, Португалія приступила къ введенію солянаго налога, котораго у нея еще не было. Тяжестью налоговъ объясняютъ часто повторяющіяся возстанія и усиленную эмиграцію въ Бразилію.

Въ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ, на министерской скамьѣ засѣдалъ только министръ торговли, промышленности и публичныхъ работъ, адвокатъ Гинце-Рибейро, молодой человѣкъ съ усиками, говорящій весьма бойко. Это португалецъ изъ нѣмцевъ: онъ правая рука Фонтеса, такъ какъ въ его-то министерствѣ и «зимуютъ раки». Министру пришлось нѣсколько разъ говорить рѣчи, потому что на трибунѣ выступилъ самъ Маріанно Карвальо, представитель оппозиціи, остроумный журналистъ и первый ораторъ Португаліи—лысая фигура съ большими усами (усы, повидимому, спеціальная принадлежность португальскихъ государственныхъ мужей).

Карвальо—одинъ изъ корифеевъ прогрессистской партіи, предводителемъ которой, за смертью герцога Лоле, считается Ансельмо Браамкампъ, имѣющій репутацію человѣка спокойнаго, скромнаго, довольно либеральнаго и совершенно честнаго и не честолюбиваго; только ораторъ онъ посредственный. Глава партіи реформаторовъ герцогъ Авила э-Болата, предсѣдатель палаты пэровъ, пользовавшійся также общимъ уваженіемъ, хотя и служив-

шій мишенью всѣхъ каррикатурныхъ журналовъ въ Португаліи, умеръ, и послѣ Фонтеса наиболѣе выдающимися представителями этой партіи остаются графъ Казаль Рибейро, маленькій человѣчекъ съ репутаціею находчиваго оратора и талантливаго публициста, министра и дипломата, и Антоніо де-Серпа Пиментель. Серпа—бывшій профессоръ математики и радикальный журналистъ, а также драматургъ и анакреонтическій поэтъ. Онъ измѣнилъ убѣжденіямъ молодости, чтобы пристать къ реформаторамъ, почему и занималъ важный постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Его португальское правительство посылало въ 1884 году въ Парижъ для улаженія важнаго для Португаліи вопроса о Конго, т. е. о границахъ своихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ.

Изъ палаты депутатовъ удобно пройти въ палату пэровъ по ряду залъ и корридоровъ, мимо помѣщеній разныхъ парламентскихъ коммиссій, кабинетовъ предсѣдателей и квесторовъ. Залы эти украшены бюстами знаменитыхъ португальскихъ государственныхъ дѣятелей, между которыми наибольшую извѣстность въ Европѣ имѣлъ герцогъ Сальданья-Оливейра-э-Даунъ, въ Португаліи столь же популярный герой, какъ Гарибальди въ Италіи, Эспартеро въ Испаніи или Бисмаркъ въ Германіи. Маршалу Сальданьѣ, внуку знаменитаго Помбаля, португальцы обязаны торжествомъ либерализма надъ абсолютной монархіей, но за свое содѣйствіе къ

изгнанію дона-Мигуэля, послѣ капитуляціи Эвора-Монте, маршалъ—величайшій кутила и мотъ, заставилъ щедро заплатить свое отечество. Вѣчно въ долгу Салданья при каждомъ настоятельномъ требованіи кредиторовъ пугалъ правительство что сдѣлаетъ новое pronunciamento, и каждый разъ угроза эта приносила плоды. Маршалъ не ограничивался, впрочемъ, однѣми угрозами; онъ сдѣлалъ переворотъ въ 1851 г. для изгнанія реакціоннаго министерства Коста-Кабраля и въ 1870 году, для изгнанія министерства герцога Лоле, сократившаго число депутатовъ въ палатѣ и продавшаго имущества духовенства. Безпокойный старикъ умеръ только въ 1876 году, на 86 году жизни, сохранивъ въ народѣ хорошую память о себѣ, хотя въ сущности это былъ только честолюбивый искатель приключеній, безъ всякой серьезной подкладки.

Палата пэровъ гораздо роскошнѣе отдѣлана и омеблирована, нежели палата депутатовъ. Удобнѣе также и мѣста для публики, которой въ засѣданіи было достаточно. Трибуны у пэровъ не полагается и свои рѣчи они должны говорить съ мѣста, но охотниковъ произносить рѣчи и здѣсь, видно, немного, ибо множество мѣстъ въ палатѣ было пустыхъ.

Палата пэровъ также преобразована въ 1878 году въ томъ смыслѣ, что хотя число пэровъ оставлено неограниченнымъ и король можетъ назначать ихъ наслѣдственными и пожизненными, но самое избра-

ніе должно дѣлаться лишь изъ извѣстной категоріи лицъ: равнымъ образомъ и наслѣдственные пэры только тогда получаютъ это званіе, если удовлетворяютъ цензу. Вмѣстѣ съ принцами и епископами, палата пэровъ заключаетъ теперь 116 членовъ. Права этой палаты схожи съ правами сенатовъ итальянскаго и французскаго: бюро назначается королемъ.

Мнѣ показали нѣсколько знаменитостей, между прочимъ престарѣлаго Агіяра, одного изъ старѣйшихъ португальскихъ либераловъ, и одного либеральнаго епископа, очень толстаго, имѣющаго въ своей фигурѣ мало португальскаго, а скорѣе поразительно похожаго на покойнаго адвоката Лохвицкаго. На министерской скамьѣ возсѣдалъ самъ Фонтесъ. Лысый, съ крашенными большими усами по виду онъ соотвѣтствуетъ своему чину бригаднаго генерала. Фонтесъ говоритъ звучнымъ голосомъ и спокойно, какъ человѣкъ, который съ молоду привыкъ командовать. По наружности видѣнъ дѣлецъ, каковъ и есть португальскій премьеръ, врагъ всякихъ фантазій и въ томъ числѣ, конечно, фантазіи иберійскаго единства.

Рядомъ съ Фонтесомъ сидѣлъ де-Мелло Гувеа, небольшой человѣкъ съ козлиной бородой. Это морской министръ, бывшій профессоръ... ботаники! Подъ руководствомъ этого натуралиста португальскій флотъ не возстановилъ репутацію, созданную ему Васко-да-Гамой и Магеланомъ. Вмѣсто необ-

ходимыхъ для колоній крейсеровъ и транспортовъ португальцы обезьянства ради обзавелись броненосцемъ, который стоилъ доходовъ нѣсколькихъ провинцій, но красуется безъ дѣла на якорѣ противъ Лисабона. Злые языки увѣряютъ даже, что португальскіе моряки больше всѣхъ боятся собственнаго броненосца и не рѣшаются на немъ плавать, чтобы какъ-нибудь не утопить себя и другихъ.

Португальскій военный флотъ славится еще изобиліемъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ, въ Лисабонѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить адмираловъ, офицеровъ и гардемариновъ; матросовъ же совсѣмъ не видать. Школа, приготовляющая эту массу морскихъ офицеровъ, помѣщается въ адмиралтействѣ, находящемся въ двухъ шагахъ отъ Центральной гостинницы. Такое близкое сосѣдство адмиралтейства нисколько не безпокоитъ постояльцевъ гостинницы, ибо въ немъ царитъ вѣчная тишина.

Въ засѣданіи палаты пэровъ при мнѣ длинную рѣчь говорилъ Перейра де-Миранда, пэръ изъ партіи прогрессистовъ, т. е. изъ оппозиціи. Онъ, повидимому, краснорѣчиво разглагольствовалъ на тему объ увеличеніи расходовъ, приписывая ихъ тому, что Фонтесъ одновременно занималъ должности министра финансовъ и военнаго; дѣйствительно, соединеніе довольно странное и для казны небезопасное *).

*) Съ осени 1884 г. министромъ финансовъ сталъ Гинте-Рибейро, его въ министерствѣ торговли замѣнилъ Агіяръ, а морское министерство досталось драматургу Пиньейро-Шагасу.

После власти законодательной оставалось еще познакомиться съ властью исполнительною. Меня интересовало положеніе соляного дѣла въ Португаліи. Я отправился на Коммерческую площадь, гдѣ всѣ министерства помѣщаются рядомъ съ биржею, городскою думою и колоніальнымъ совѣтомъ въ огромномъ зданіи съ аркадами, окружающемъ въ видѣ покоя пустынную площадь, украшенную монументальною конною статуею короля дона-Жозе, того самаго, что былъ покровителемъ маркиза Помбаля, врагомъ іезуитовъ и первымъ изъ государей XVIII вѣка, умѣвшимъ удивительнымъ образомъ сочетать крутой деспотизмъ съ репутаціей философа, заботившагося о благѣ человѣчества.

На дѣлѣ онъ былъ кажется вовсе не философъ, а просто слабоумный человѣкъ какъ большинство членовъ браганцкаго дома. Изъ этой династіи донъ-Жуанъ IV былъ слабый человѣкъ, но отличный музыкантъ-композиторъ, сочиненія котораго въ стилѣ Палестрины исполняются до сихъ поръ въ духовныхъ концертахъ; Донъ-Педро II ловкій малый, а братъ его Альфонсъ VI кретинъ; донъ-Жуанъ V полукретинъ, святоша и расточитель; донъ-Жозе, о которомъ сказано выше, новѣйшими португальскими историками выставляется идіотомъ; донна-Марія I—умалишенная; донъ-Жуанъ VI (наполеоновской эпохи)—добродушный кретинъ; донъ-Мигуэль и донъ-Педро IV (въ Бразиліи онъ именовался донъ-Педро I)—оба полудикіе по нраву.

Донъ-Цедро IV, чтобы поразить молодую жену, разорвалъ передъ ней живую собаку! Онъ былъ музыкантъ, сочинилъ какую то увертюру и португальскій національный гимнъ... въ честь конституціи! Національныхъ гимновъ, впрочемъ, въ Португаліи десятки. Донъ-Мигуэль былъ что-то въ родѣ Людовика XI или Іоанна Грознаго... насколько это возможно въ нашъ вѣкъ, онъ любилъ давить народъ на улицахъ Лисабона. Дона-Марія II, сестра нынѣшняго бразильскаго императора, и донъ-Педро V просвѣщеннѣе остальныхъ, въ особенности послѣдній. Этотъ юноша, отравленный по слухамъ герцогомъ Лоле, былъ по характеру аккуратнымъ и скромнымъ нѣмцемъ.

Я легко отыскалъ министерство публичныхъ работъ, торговли и промышленности. Ничего внушительнаго оно изъ себя не представляетъ. Толпа просителей и чающихъ получить мѣста стояла у входа и ходила свободно по лѣстницамъ; курьеровъ никакихъ, комнаты небольшія, оклеенныя простенькими обоями. Министръ Гинце-Рибейро, мною уже описанный, очень сконфузился моими вопросами. Онъ послалъ за своимъ товарищемъ или генеральнымъ секретаремъ Виріато Луисъ Ногейра. Послѣдній, весьма почтенной наружности старикъ, затруднился разъяснить мнѣ, кто вѣдаетъ солью въ Португаліи и послалъ за директоромъ департамента горнаго и публичныхъ работъ Марзіоки: этотъ также не могъ ничего объяснить и призвалъ начальника горнаго отдѣленія Брагу.

Послѣдній, вмѣсто, отвѣта принесъ пять огромныхъ томовъ оффиціальной enquête португальской промышленности, произведенной недавно парламентской коммисіей. Въ этомъ отчетѣ, по словамъ чиновниковъ, я „все долженъ былъ найти“, что меня интересовало. Повѣривъ на слово, я свезъ тяжеловѣсныя книги въ Центральную гостинницу и не нашелъ о требуемомъ предметѣ ни одной строчки!

Впослѣдствіи, уже въ министерствѣ финансовъ, мнѣ разъяснили, что я напрасно обращался въ министерство Гинце-Рибейро. Соляное дѣло никакого отношенія къ послѣднему не имѣетъ. Немногимъ успѣшнѣе была моя прогулка и въ министерство финансовъ. Прошло уже четыре мѣсяца, какъ соляной налогъ былъ утвержденъ палатами почти безъ преній, послѣ двухъ-трехъ возраженій со стороны оппозиціи, а акцизные чиновники еще только собирались приступить къ составленію той инструкціи, которая должна была организовать сборъ новаго налога.

— Промысловъ такъ много, а исключеній изъ налога, по размѣру невысокаго, сдѣлано столько, что придется учреждать армію надсмотрщиковъ для предупрежденія корчемства, говорилъ мнѣ съ отчаяніемъ одинъ администраторъ.—Если же эту армію собрать, то не хватитъ и всего сбора отъ налога для ея содержанія. Вотъ мы и не торопимся: можетъ быть налогъ и отмѣнятъ, такъ какъ кстати

для установленія его никто ни съ кѣмъ не совѣщался...

Слушая эти рѣчи, я вспомнилъ разсужденія одного путешественника. Въ Португаліи чрезвычайно мало лошадей и оселъ все исполняетъ: на немъ ѣздятъ верхомъ, перевозятъ тяжести, пашутъ; онъ мелетъ муку, поднимаетъ воду изъ колодцевъ, его запрягаютъ въ экипажи. „Если бы правительство,—говоритъ остроумный туристъ,—поручало въ Португаліи ослу важные административные посты, онъ навѣрно занималъ бы ихъ къ общему удовольствію"... Во всякомъ случаѣ, онъ занималъ бы ихъ не хуже тѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться.

III.

Искусство въ Португаліи.– Театры въ Лисабонѣ, испанская оперетка.–Бой быковъ.—Окрестности Лисабона.—Белемъ, воспоминанія о Помбалѣ.—Синтра.—Король Фердинандъ и графиня Эдла.

Португалія произвела на свѣтъ великаго поэта, десятую музу (Віоланте де Шео—поэтесса XVII вѣка), нѣсколько отличныхъ ораторовъ, но „сомнительно, говоритъ Реклю, чтобы она могла создать артистовъ“. До сихъ поръ въ Португаліи не было ни знаменитыхъ живописцевъ, ни скульпторовъ, ни архитекторовъ. Самъ Камоэнсъ замѣтилъ еще, что хотя португальская нація „первая по своимъ достоинствамъ“, но не отличается искусствомъ живописи. Только искусство танцевъ одно время блистало въ Португаліи, даже черезчуръ.

Танцы (danças e folias) употреблялись въ церковныхъ процессіяхъ, въ особенности Corpus Christi, еще въ 1264 г., они сохранились въ этомъ видѣ до начала XIX столѣтія; танцы играли также роль при въѣздахъ королей и принцевъ. Знаменитый

король донъ-Мануэль любилъ чтобы во время его обѣда придворные танцовали.

По сохранившейся старой статистикѣ, о которой я упоминалъ, въ 1550 году въ Лисабонѣ было только 7 учителей грамматики и 34 учителя грамотности, между тѣмъ 14 школъ танцевъ, а передъ королемъ донъ-Педро Справедливымъ блѣднѣютъ всѣ балетоманы и горячіе любители танцевъ всѣхъ временъ, не исключая Людовика XIV. Мишле въ „Histoire de France“, со словъ португальской хроники, разсказываетъ, что донъ-Педро, предаваясь по случаю смерти своей жены безпредѣльной горести, получилъ удивительную склонность къ музыкѣ и танцамъ. Иногда въ безсонныя ночи онъ выходилъ изъ дворца и плясалъ на улицахъ подъ звуки трубъ и при свѣтѣ факеловъ. Разбуженные шумомъ и свѣтомъ, обыватели португальской столицы выходили на улицу, образовывали хороводы и мало-по-малу, увлекаясь примѣромъ танцующаго короля (soit compassion soit entrainement méridional, говоритъ Мишле), тоже пускались въ безумный плясъ, который продолжался иногда всю ночь на пролетъ. При донъ-Жуанѣ IV давались уже настоящіе балеты (bayles), постановкой которыхъ занимался Тавора де-Абреу. Теперь, увы! обстоятельства перемѣнились и хореграфія представляется въ Лисабонѣ лишь нѣсколькими танцовщицами при итальянской оперѣ, уродливыми и старыми. „Только почтенный воз-

растъ, — замѣтилъ одинъ острякъ, — доставляетъ имъ уваженіе въ глазахъ публики"...

Зато другія искусства какъ будто бы возрождаются въ Португаліи и суровый приговоръ Реклю можетъ и не оправдаться. Въ Португаліи даже есть свои скульпторы, по крайней мѣрѣ на послѣдней парижской всемірной выставкѣ статуи Нунеса—Музыка и Симоэнса д'Альмейда—Puberté заслужили одобреніе экспертовъ элегантностью контуровъ и натуральностью позъ. Оба они принадлежатъ къ современной французской школѣ.

Слабѣе живопись. Современные португальскіе живописцы ужасны, исключеніе—недавно умершій портретистъ и историческій живописецъ Лупи. Графъ Рачинскій написалъ книгу „Les beaux arts en Portugal", гдѣ очень много страницъ посвящено миѳическому живописцу, извѣстному въ Португаліи подъ именемъ Grao Vasca. Въ Визіу въ половинѣ XVI вѣка жилъ дѣйствительно живописецъ Васко, но ему приписываютъ всѣ картины въ полувизантійскомъ стилѣ сохранившіяся въ португальскихъ церквахъ. Ученикъ Рафаэля Alonso Sanches Coelho, придворный живописецъ Филиппа II, былъ португалецъ. Въ Лисабонѣ жилъ одно время и Ванъ-Эйкъ. Королева дона-Марія I основала академію художествъ, прозябающую до сихъ поръ. При ней состоялъ знаменитый граверъ Бартелоцци. Лучшій португальскій живописецъ начала XIX столѣтія—Секейра, воспитанный и умершій въ Римѣ.

Національный театръ также заявляетъ о своемъ существованіи. Драматическія представленія давались издавна въ Португаліи, но особыя зданія для театра появились только въ концѣ прошлаго столѣтія. Издревле давались фарсы (autos) въ дворцахъ (извѣстнѣйшіе Жиля Висенте) и въ процессіяхъ; вильянсики (пасторальныя и комическія сцены съ музыкой) представлялись въ церквахъ между службами, ихъ запретилъ донъ-Жуанъ V въ 1723 г. Трагикомедіи разыгрывались въ школахъ іезуитовъ. Публичныя сцены назывались pateos (дворы). Стариннѣйшая называлась: „Pateo das Arcas“ и существовала съ 1591 до 1755 г., для представленія народныхъ комедій. Передъ знаменитымъ землетрясеніемъ славился еще театръ do Bairro alto, гдѣ давались пьесы съ музыкой и богатой обстановкой еврея Antonio José, сожженнаго инквизиціей въ 1739 г.

Старѣйшій изъ существующихъ нынѣ театровъ въ Лисабонѣ—Санъ-Карлосъ; онъ отданъ итальянской оперѣ, потому остается закрытымъ большую часть года. Итальянская опера и здѣсь развлеченіе высшаго общества, но развлеченіе весьма популярное: поэтому человѣкъ, желающій принадлежать въ Лисабонѣ къ хорошему кругу общества, готовъ переносить всякія лишенія, только бы имѣть возможность абонировать во время сезона ложу или кресло въ Санъ-Карлосъ. Благодаря такому настроенію, лисабонская опера всегда считалась од-

ною изъ лучшихъ въ Европѣ и всѣ извѣстные итальянскіе артисты до Решке, Маркони и Ферни-Джермано включительно распѣвали здѣсь поочередно. Впрочемъ, ни по репертуару, ни по внутреннему устройству, ни по характеру залы и наружности публики лисабонская опера отъ другихъ итальянскихъ оперъ не отличается.

Итальянская опера въ Португаліи имѣетъ свою исторію. Первая настоящая итальянская опера (частная) явилась въ 1735 году, хотя намеки на итальянскую оперу встрѣчаются уже въ 1578 г. Блестящій періодъ придворной оперы (съ величайшими по искусству кастратами: Джиціелло, Гвадагни, Каффарелли, и пр.), подъ управленіемъ неаполитанца Давида Перезъ, длился съ 1752 по 55 г. На сценѣ протекали рѣки и выводилась кавалерія въ 400 лошадей,—въ оперѣ „Александръ въ Индіи". Послѣ землятресенія устроилось нѣсколько придворныхъ оперныхъ театровъ въ Лисабонѣ и въ окрестностяхъ, въ Сальватерра и Келужѣ. Таже труппа переѣзжала со дворомъ и пѣла не только въ театрѣ, но и въ церкви. Въ это время много итальянскихъ оперъ были сочинены португальцами.

Въ 1774 г. Помбаль закрылъ частную итальянскую оперу въ театрѣ Rua dos Condes и выслалъ изъ Португаліи примадонну Цамперини, за то что она вовлекла его сына графа Уейрасъ—ея любовника—въ афферы окончившіеся дефицитомъ. Цамперини съ ума сводила лисабонскую аристократію

въ продолженіи четырехъ лѣтъ (1770—74). Въ то время королевская опера была плоха и безъ пѣвицъ, пѣли въ ней одни кастраты. Въ 1793 году всѣ оперные театры замѣнены театромъ S. Carlos (для 1,200 зрителей). Блестящій періодъ его въ 1798 1806 гг., когда отличались кастратъ Крементини и знаменитая Каталани.

Исторія собственно португальской музыки скромнѣе. Португальскіе органисты и церковные композиторы имѣли успѣхъ съ конца XVI вѣка. Ихъ было много и въ Испаніи. Король донъ-Жуанъ IV собралъ всѣ эти музыкальныя сочиненія — колоссальная библіотека, по большей части остававшаяся въ манускриптахъ. Она сгорѣла въ 1755 г. и съ ней почти что всѣ творенія португальскихъ композиторовъ. Послѣ катастрофы началось преобладаніе итальянской музыки въ театрѣ и церкви и явилось, какъ я сказалъ, нѣсколько португало-итальянскихъ оперныхъ композиторовъ, изъ которыхъ самый извѣстный Marcos Antonio Portugal (въ Италіи Portogallo). Три его оперы давались и въ Петербургѣ по-русски. Онъ умеръ въ 1830 г. въ Ріо-де-Жанейро. Carlos Gomes, авторъ „Guarani", оперы, которая также шла у насъ не безъ успѣха — бразилецъ. Изъ пѣвицъ самое знаменитое имя въ Португаліи,—Луиза Тоди (рожд. Агіяръ), соперница Марра въ Парижѣ и Берлинѣ; она родилась въ Сетубалѣ въ 1753 г., училась у Переза и была субреткой въ театрѣ do Bairro Alto. Оставивъ Пор-

тугалію въ 1777 г., такъ какъ дона-Марія I не-допускала женщинъ на сцену, Тоди пѣла между прочимъ въ Петербургѣ при Екатеринѣ II. Въ Лисабонъ она вернулась въ 1793 г. и тамъ умерла слѣпой только въ 1833 г.

Если итальяноманія свирѣпствуетъ зимою, то весною и лѣтомъ лисабонцы услаждаются по преимуществу испанскою опереткою, такъ называемыми сарсуэлами. Если не ошибаюсь, первая сарсуела пріѣхала въ Лисабонъ въ 1864 г. съ прелестною пѣвицей Замакоисъ, хотя сарсуелы давались тамъ при дворѣ съ 1712 года, а испанскія труппы пріѣзжали съ 1672 года. Испанскій языкъ былъ вообще въ модѣ въ Португаліи въ концѣ XVII столѣтія. Такъ какъ оперетка теперь повсюду злоба дня, а въ Россіи едва ли не важнѣйшій вопросъ въ искусствѣ, то, я думаю, нѣкоторыя свѣдѣнія объ опереткѣ въ Лисабонѣ, хотя бы испанской, будутъ не лишними. Оперетка давалась на театрѣ, называемомъ „Colyseu dos recreios“. Этотъ театръ находится близъ площади Донъ-Педро IV, того самаго короля, который въ 1826 году даровалъ Carta da lei, открывшую новые горизонты доктринерамъ и осчастливившую концессіонеровъ, стѣснивъ португальскихъ крестьянъ и вообще бѣдныхъ людей. Насчетъ послѣднихъ площадь эта—продолговатый четырех-угольникъ—называемая лисабонцами Rocio, т. е. Большая площадь, украшена монументомъ королю, изваяннымъ

однимъ французскимъ скульпторомъ. Это довольно невзрачная колонна, украшенная сверху бюстомъ, а внизу четырьмя аллегорическими статуями. Нѣсколько деревьевъ и мозаичная мостовая безъ цемента дополняютъ декорацію площади, наиболѣе оживленной изъ пустынныхъ площадей столицы и составляющей съ близлежащимъ бульваромъ Passeu publico и улицею do Chiado, занятою роскошными магазинами, любимое мѣсто прогулки для фланеровъ, ищущихъ томныхъ глазъ и черныхъ усовъ лисабонскихъ дамъ.

„Колизей", очевидно, обращенъ въ театръ изъ коннаго цирка. Деревянное зданіе громадно, по крайней мѣрѣ въ полтора раза болѣе нашего цирка Чинизелли, обстановка весьма простенькая, оркестръ не важный, освѣщеніе удовлетворительно. Мѣста стоятъ отъ 200 до 600 рейсовъ, ложи 2,500 рейсовъ, кромѣ того платится, подобно Италіи, особая плата за входъ въ театръ. Представленіе начинается въ $8^1/_2$ часовъ вечера, какъ и въ другихъ лисабонскихъ театрахъ. Народу всегда много; въ ложахъ я видѣлъ короля и молодыхъ бѣлокурыхъ принцевъ, въ креслахъ множество солдатъ. Въ антрактахъ между креслами идетъ дѣятельная продажа вечернихъ газетъ, фруктовъ и прохладительныхъ напитковъ; испанскія кокотки также занимаютъ стратегическіе пункты въ проходахъ.

Я видѣлъ поочередно два представленія: ко-

мическую оперу историческаго содержанія: „La Marsellesa“, сочиненіе Рапсосъ Карпіона, музыка Кабаллеро, весьма скверную и дурно исполненную. и извѣстную оперетку Варнея: “Les mousquetaires au couvent“, перекрещенную въ „Los Mosqueteros grises“. Спектакль ничего особеннаго не представлялъ. Оперетка какъ всѣ оперетки, исполненіе веселое, но довольно заурядное, хористки поражали своею старостью и уродливостью. Главная примадонна, г-жа Джулія Чифуентесъ, не молодая женщина, показалась мнѣ талантливою. Она мастерски спѣла вставные испанскіе куплеты съ залихватскими манерами испанской гризетки, причемъ особый эффектъ производило энергическое сморканіе пальцами въ концѣ куплета. Куплеты были многократно повторены по требованію публики. Свое одобреніе послѣдняя здѣсь выражаетъ плесканіемъ рукъ, криками и маханіемъ платковъ, но топаніе ногами и стучаніе палками у португальцевъ не считается лестнымъ выраженіемъ восторга, а равносильно нашему шиканію. Я замѣтилъ еще, что испанскія танцовщицы танцовали испанскіе танцы совершенно по балетному. Впрочемъ, въ Испаніи искусства танцованія народныхъ танцевъ никогда не слѣдуетъ искать на театрахъ.

Португальцы не довольствуются опереткою только на испанскомъ языкѣ; изъ афишки театра „Recreios“ я могъ видѣть, что оперетка Варнея, подъ именемъ „Os dragoes d'el-Rei“, давалась съ

большимъ успѣхомъ и по португальски въ Лисабонѣ на театрахъ „Da Trindade“ и „Dos Recreios“ и въ Порто на театрѣ „Do Principe Real“.

Театръ „Trindade“ нарочно выстроенъ для оперетки и представленій пьесъ въ родѣ: „Въ 80 дней вокругъ свѣта“ и т. п. Онъ дѣлаетъ сильную конкурренцію португальскимъ драматическимъ представленіямъ, дающимся зимою въ театрахъ: „Дона Марія II“ (репертуаръ серьезный) и „Gymnasio“ (водевили), а лѣтомъ въ театрѣ „Do Principe Real“. Театръ Дона Маріи, основанный, въ 1847 году, на мѣстѣ бывшаго дворца Инквизиціи, долженъ былъ служить для поднятія національной сцены; правительство поддерживаетъ его. Португальцы имѣютъ нѣсколько драматическихъ писателей, не лишенныхъ таланта: Альмейда Гарретъ, отца, такъ сказать, современной португальской драматической литературы, романтика старой школы, затѣмъ Мендесъ Леаля также романтика, Лициньо Карвальо, Тейшейра де Васконселлоса, Пиньейро Шагаса, Эрнеста Бистера; но публика очень плохо поддерживаетъ свою Александринку. Она въ театръ „Дона Маріи“ заглядываетъ столь же неохотно, какъ въ прежній дворецъ Инквизиціи, а особенно когда даются произведенія національныхъ драматурговъ, любящихъ страшные сюжеты. Поэтому португальскіе драматическіе театры только и пробавляются, что переводами и передѣлками съ французскаго, для чего въ Лисабонѣ заведены собственные Вик-

торы Александровы, напримѣръ, Ранхель де Лима, обирающій наравнѣ съ французскимъ и испанскій репертуаръ.

Лучшіе драматическіе артисты въ Португаліи въ послѣднее время были: на театрѣ Дона-Марія трагическая актриса Эмилія-дасъ-Невесъ, отличавшаяся и въ Бразиліи и умершая въ нынѣшнемъ году, на театрѣ Gymnasio—комикъ Таборда.

Нельзя сказать, чтобы португальцы не любили вообще спектаклей. Въ томъ же Лисабонѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ, при мнѣ работали еще второстепенные театрики: „Chalet“, „Uniao e Capricho“. „Alliança“, „Infantil“, но или серьезный репертуаръ не по росту публикѣ, или португальскіе писатели недостаточно умѣютъ приноровиться ко вкусамъ послѣдней, только ихъ произведенія не находятъ себѣ достаточно цѣнителей.

Инструментальная музыка въ Португаліи только еще пріобрѣтаетъ право гражданства, хотя уже въ XVIII вѣкѣ была въ Лисабонѣ отличная музыкальная школа „Патріаршая Семинарія“. Ее закрыли въ 1822 г. и съ 1835 г. замѣнили консерваторіей, имѣющей только 5 преподавателей! Классическая музыка проникла въ Португалію всего десять лѣтъ тому назадъ сначала въ Порто, потомъ въ Лисабонъ. Въ первый разъ лисабонцы услыхали симфонію Бетховена (пасторальную) въ 1878 году. Съ тѣхъ поръ они познакомились и съ Глинкой и съ Чайковскимъ и съ Рубинштейномъ. По-

слѣдній далъ въ Лисабонѣ концертъ въ 1881 г. Ранѣе его большой успѣхъ имѣла тамъ г-жа Есипова.

Изъ всѣхъ зрѣлищъ и увеселеній Лисабона, любимымъ, наиболѣе посѣщаемымъ и единственно дающимъ доходъ своимъ предпринимателямъ остается бой быковъ.

Бой быковъ описывался тысячу разъ. Интересъ, съ которымъ къ нему относились всѣ путешественники, лучше всего доказываетъ, какъ жалки тѣ вопли, которые издаютъ по поводу этого развлеченія псевдоморалисты. Въ дѣйствительности не много существуетъ на свѣтѣ зрѣлищъ, болѣе величественныхъ и болѣе захватывающихъ душу и увлекающихъ, какъ бой быковъ. Удовольствіе видѣть борьбу человѣка съ разъяреннымъ звѣремъ громадно, а равно несомнѣнно возвышаетъ насъ это торжество ловкости и смѣтливости надъ грубою силою. Эстетическій элементъ также не чуждъ бою быковъ. Здѣсь все дѣлается по правиламъ искусства и ничего похожаго на живодерню нѣтъ. По справедливости говоря, публика даже строже относится къ промахамъ людей, нежели къ промахамъ животныхъ и тореросы должны употреблять сверхъестественныя усилія, чтобы заслужить одобреніе толпы.

Опасность боя быковъ для его участниковъ также преувеличена. Смертные случаи на аренѣ чрезвычайно рѣдки, навѣрное рѣже чѣмъ на скач-

кахъ съ препятствіями, на представленіяхъ въ циркѣ, на представленіяхъ акробатовъ и на охотѣ. Самое же важное, что можно сказать въ пользу боя быковъ, это — что онъ есть не развлеченіе привиллегированнаго кружка, „сливокъ общества“, какъ всѣ наши развлеченія, а по истинѣ народное зрѣлище. Со времени римскаго цирка не было такого общедоступнаго спектакля. За то и надобно видѣть города Пиренейскаго полуострова въ день боя быковъ. Все населеніе съ утра на ногахъ, шумъ, гамъ, споры, пари; толпа стоитъ вокругъ цирка и, даже не видя боя, интересуется малѣйшими его подробностями. Въ самомъ циркѣ все время слышатся громкія разсужденія, торересы получаютъ совѣты, указанія и замѣчанія со всѣхъ сторонъ и въ особенности съ верховъ, гдѣ сидятъ такіе специалисты, отъ глазъ которыхъ не ускользаютъ никакія мелочи боя, какъ отъ уха меломановъ не ускользаетъ фальшь на четверть тона какой-либо примадонны. Оттуда же летятъ апельсинныя корки и цѣлые апельсины въ провинившагося матадора.

Къ сожалѣнію, лисабонскіе бои быковъ мало похожи на испанскіе бои. Настоящіе бои быковъ въ Португаліи прекратились еще въ прошломъ столѣтіи. Маркизъ Помбаль и тутъ проявилъ свое вліяніе. Предлогомъ для воспрещенія была смерть на аренѣ молодаго графа Д'Аркоса. Стоявшій сзади короля, отецъ убитаго быкомъ графа, оберъ-

шталмейстеръ двора престарѣлый маркизъ Маріалва, бросился изъ ложи и своею придворною шпагою положилъ быка на мѣстѣ. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе на общество и Помбаль воспользовался имъ, чтобы убѣдить короля Жозе, обожавшаго бой быковъ, что „Португалія не такъ населена, чтобы жертвовать по человѣку за каждаго быка“.

Такимъ образомъ, благодаря мелочному деспотизму Помбаля, португальцы лишены самой интересной части боя. У нихъ послѣдній состоитъ изъ столкновенія быка съ чулосами, пикадоровъ въ Португаліи нѣтъ; матадоръ же ограничивается только легкою раною, и такъ какъ на концы роговъ быка привязываются шары, то состязаніе неопасно для обѣихъ сторонъ, хотя, конечно, при неопытности и тупымъ рогомъ быка можно получить такой ударъ въ бокъ, отъ котораго не оправишься во всю жизнь.

Арена для боя быковъ въ Лисабонѣ: Praça do Campo Sant'Anna, принадлежитъ извѣстному уже намъ Воспитательному дому, который отдаетъ ее въ аренду. При мнѣ представленія давалъ Антоніо Монтейро. 6-го мая новаго стиля происходило, какъ выражалась афиша: Attrahente, magestoso-aprazivel torneio tauromachico, при участіи двухъ испанскихъ espadas: Габріеля Лопеса, El Mataito изъ Мадрида и Педро Кампоса, El Pollito изъ Севильи. Это не такія знаменитости, какъ Фраску-

эло или Лахартихо, которые зарабатываютъ по сту тысячъ въ годъ и у которыхъ состоять въ любовницахъ считаютъ за величайшую честь испанскія grandes dames, но тоже своего рода извѣстности. Съ ними соперничать долженъ былъ мѣстная знаменитость Маноэль Мориско.

Дорога къ обширной деревянной аренѣ для боя быковъ далеко до пяти часовъ вечера—начала боя—была полна народу и экипажей. Съ трудомъ я досталъ мѣсто, ибо хорошія мѣста всѣ абонированы. Здѣсь на бои быковъ абонируются, какъ у насъ въ итальянскую оперу, хорошими же мѣстами считаются тѣ, гдѣ нѣтъ солнца, и такія мѣста стоютъ дороже. Ложи были полны нарядными дамами, между которыми, своими яркими цвѣтными туалетами выдѣлялись испанскія кокотки.

Въ оффиціальной ложѣ сидѣлъ представитель городской управы, который и распоряжался боемъ. Въ антрактахъ публика ходила внизъ въ стойла смотрѣть поближе на героевъ дня—быковъ. Португальскіе быки отличной породы, красивые и сильные, съ длинными рогами, они въ ярости дѣлаются чрезвычайно легкими и при мнѣ быкъ легко перескочилъ черезъ высокій барьеръ, но сейчасъ же былъ выведенъ изъ корридора, окружающаго барьеръ, снова на арену.

Представленіе началось процессіональнымъ выходомъ всѣхъ бойцевъ, причемъ Мориско выка-

зывалъ необыкновенное искусство въ управленіи лошадью, три раза отступая задомъ отъ муниципальной ложи черезъ всю арену. Самою интересною частью представленія и было состязаніе Мориски. Онъ обязанъ верхомъ подскочить къ быку, воткнуть ему въ шею съ двухъ сторонъ остроконечныя стрѣлы—farpas, а затѣмъ ускакать, держась впереди быка. Чтобы достигнуть желаемой скорости онъ долженъ былъ такъ сильно шпорить лошадь, что изъ лѣваго бока ея кровь струилась ручьемъ. Каждый разъ Мориско выѣзжалъ на свѣжей лошади, ибо прежняя была совершенно заѣзжена; лошади у него кровныя, арабскія, съ необыкновеннымъ огнемъ.

Самые бои далеко не такъ интересны, какъ испанскіе, потому что все оканчивается дразненіемъ быка помощью стрѣлъ и затѣмъ втыканіемъ въ шею быка шпаги, имѣющей очень близко къ концу шарикъ, почему шпага держится прямо, но быкъ ранится очень легко. Вслѣдъ за моментомъ, когда шпага воткнута, отпираются ворота арены и влетаетъ стадо ручныхъ быковъ, которыхъ погоняютъ длинными хворостинами два пастуха въ живописныхъ національныхъ костюмахъ. Разъяренный быкъ, который не подпускалъ никого близко, совершенно машинально примыкаетъ сейчасъ же къ стаду и вмѣстѣ съ нимъ погоняемый спокойно уводится съ арены, а вмѣсто его появляется новый быкъ. Воткнутыя стрѣлы и шпага изъ

не вынимаются, пока онъ не успокоится, быку, также не даютъ сутки ничего ѣсть, а затѣмъ раны заживаютъ, быкъ выздоравливаетъ и можетъ снова употребляться въ бой.

Всѣхъ быковъ по очереди было выпущено тринадцать и спектакль затянулся до ночи. Если бы онъ шелъ и цѣлыя сутки, нашлись бы охотники смотрѣть на него. Въ португальскихъ газетахъ попадаются отъ времени до времени замѣтки противъ боевъ быковъ, съ просьбою къ правительству запретить ихъ, но на дѣлѣ португальцы обожаютъ этотъ видъ спорта. До сихъ поръ португальскіе аристократы берутъ уроки тавромахіи, какъ въ другихъ странахъ молодежь учится фехтованію, и бываютъ бои, гдѣ въ роли тореросовъ являются представители высшаго лисабонскаго общества. Эти любительскіе бои быковъ привлекаютъ всегда массу публики, не смотря на высокую входную плату, составляющую обыкновенно фунтъ стерлинговъ съ человѣка. Относительно такого тарифа надобно замѣтить, что англійская золотая монета свободно обращается въ Португаліи наравнѣ съ собственною.

Кого быки не интересуютъ, можетъ любоваться природой. Прогулки по окрестностямъ Лисабона, по берегу моря или среди садовъ и дачъ (quintas), гдѣ на открытомъ воздухѣ растутъ пальмы, агавы, необыкновенно красивыя камеліи, индійская смоковница, манговое дерево и апельси-

ны, очень пріятны. Я предпринялъ въ веселомъ сообществѣ двѣ подобныя экскурсіи: одну въ Синтру, другую вдоль по берегу Таго къ Кашкаесу, небольшому порту, гдѣ лисабонцы купаются и гдѣ имѣется загородный королевскій дворецъ, весьма скромный съ виду. Онъ перестроенъ изъ казармы и бѣдно меблированъ. Кромѣ песка и вида на океанъ, ничего въ Кашкаесѣ нѣтъ, но онъ оживляется осенью, потому что португальцы купаются въ морѣ не лѣтомъ, когда жарко, а въ октябрѣ и ноябрѣ, увѣряя, что это болѣе здорово.

Почему—Богъ вѣсть! Что городъ—то норовъ, у каждаго народа всегда не мало своихъ обычаевъ. Такъ, у португальцевъ между другими оригинальными привычками нельзя не отмѣтить одной, всегда поражавшей иностранцевъ,—что дѣти не провожаютъ своихъ родителей на кладбище. Это не принято и за гробомъ должны слѣдовать только друзья и болѣе отдаленные родственники. „Не принято“ и у португальцевъ великое слово, разрѣшающее самыя головоломныя задачи. Еще черта португальскихъ нравовъ: крестные отцы играютъ важную роль въ Португаліи; ихъ выбираютъ очень тщательно и они нерѣдко оставляютъ наслѣдства своимъ крестникамъ.

По дорогѣ къ Кашкаесу можно видѣть бывшій дворецъ инфанта, нынѣ принадлежащій спекулятору Бюрнею, и обязательно посѣщаются три

пункта, знаменитые въ португальской исторіи. Во-первыхъ, великолѣпный монастырь іеронимитовъ, построенный Маноэлемъ Счастливымъ въ честь случившагося при немъ открытія пути въ Индію, въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ. Соборъ монастыря въ мавританскомъ стилѣ, необыкновенно пышно украшенномъ, обширенъ и богатъ; онъ теперь реставрируется. Нѣкоторыя части зданія построены въ стилѣ ренесанса. Такая смѣсь противоположныхъ пошибовъ не производитъ, однако непріятнаго впечатлѣнія. Нѣсколько несвязный ансамбль выкупается изяществомъ отдѣльныхъ частей. Изъ камней высѣчены тончайшіе кружевные узоры и камни получили отъ вѣкового стоянія красивый оттѣнокъ древности. Между статуями, украшающими главный порталъ, замѣчательна статуя Генриха Мореплавателя, а внутри собора можно видѣть могилу злополучнаго короля Себастіана.

Белемскій монастырь превращенъ съ 30-хъ годовъ въ большой пріютъ для подкидышей и глухонѣмыхъ: Casa Pia, гдѣ воспитывается 1,000 дѣтей обоего пола. Это одинъ изъ многихъ пріютовъ Лисабона, гдѣ дѣло призрѣнія отлично организовано, а ежегодная раздача королевой премій выпускаемымъ изъ пріютовъ напоминаетъ большой праздникъ. Толпа черномазыхъ дѣтей веселыхъ и довольныхъ окружила меня въ patio монастыря. Они смѣло болтали съ моими спутниками. На во-

просъ мой по-французски: знаютъ ли они Россію? дѣти хоромъ закричали, что знаютъ.—Гдѣ же она? спросилъ я.

— Въ Европѣ, громко отвѣчали они, видимо довольные своими глубокими географическими познаніями.

Недалеко отъ монастыря находится то именно мѣсто, откуда Васко да-Гама отплылъ въ свою достопамятную экспедицію, открывшую португальцамъ и Европѣ морской путь вокругъ мыса Доброй Надежды.

Далѣе у самаго моря красуется перлъ португальскаго зодчества, построенная королемъ Іоанномъ „Великолѣпнымъ Принцемъ", четырехугольная, многоэтажная башня Белемъ (Виѳлеемъ) въ готическо-арабскомъ стилѣ съ выступающими башенками и балконами, массивная и вмѣстѣ съ тѣмъ изящная. Я ѣхалъ изъ Парижа до Мадрида съ знаменитымъ французскимъ живописцемъ Жеромомъ и онъ мнѣ съ восхищеніемъ говорилъ нѣсколько разъ о Белемѣ, рекомендуя осмотрѣть ее подробно. Португальскій стиль у насъ мало извѣстенъ, между тѣмъ онъ не лишенъ оригинальности, если судить по знаменитому монастырю Баталья близъ Леиры, по Томару и Белему; наиболѣе въ этомъ стилѣ замѣтно вліяніе испанско-мавританское и англійской готики. Замѣчательно, что башня, какъ и весь кварталъ Белемъ, не пострадала во время знаменитаго землетрясенія, когда однихъ коронныхъ

брилліантовъ погибло на 32 милліона рублей. Чтобы попасть въ башню недавно реставрированную, надобно получить позволеніе въ караулкѣ, лежащей около батареи, одной изъ охраняющихъ Лисабонъ, и пройти черезъ эту батарею. Башня также служила прежде для охраны входа въ Таго. Затѣмъ она была превращена въ государственную тюрьму и еще въ 30-хъ годахъ, во время кратковременнаго господства дона Мигуэля, казематы или вѣрнѣе ямы въ подземеліи башни, сообщающейся изъ этажа въ этажъ и къ наружи узенькими лѣстницами, были набиты государственными преступниками, содержавшимися на цѣпяхъ, какъ дикіе звѣри. Теперь башня превратилась въ оптическій телеграфъ для указанія національности судовъ, идущихъ съ моря.

Жестокость дона Мигуэля блѣднѣетъ однако передъ жестокостью либеральнаго Помбаля. 13-го января новаго стиля 1759 года Белемъ былъ свидѣтелемъ одного изъ самыхъ возмутительныхъ событій всемірной исторіи—лютой казни семейства маркиза Таворы по обвиненію въ преступленіи, въ которомъ оно было неповинно. Въ каждомъ учебникѣ исторіи разсказывается, какъ Помбаль воспользовался нѣсколькими пистолетными выстрѣлами, сдѣланными по каретѣ дворянина Тейшейра, въ которой ѣхалъ король отъ своей любовницы, молодой и красивой Терезы де-Тавора, чтобы сломить своихъ враговъ іезуитовъ и португальскихъ

аристократовъ, но не многимъ извѣстна драматическая развязка процесса. Послѣ процесса, для котораго было арестовано четыре тысячи человѣкъ и гдѣ пытка играла главную роль, всѣ болѣе или менѣе близкіе къ семейству Таворы люди были обвинены въ покушеніи на цареубійство и приговорены экстраординарнымъ судилищемъ къ смерти.

Эшафотъ былъ построенъ на платформѣ въ 18 футовъ высоты, два полка наемныхъ солдатъ охраняли его отъ толпы, которая была возмущена строгостью рѣшенія. Заливъ Таго покрылся лодками полными людей, желавшими посмотрѣть на казнь, Король помиловалъ только свою любовницу. Казнь началась съ того, что вся прислуга герцога Авейро, дяди мужа Терезы, была сожжена живою! Затѣмъ привели въ одной рубашкѣ престарѣлую мать Терезы, маркизу Элеонору Тавора. Палачъ хотѣлъ связать ей ноги.

— Не трогай меня иначе, какъ только чтобы убить меня, сказала она палачу, пишетъ Помбаль въ своихъ запискахъ.—Вотъ тебѣ мое кольцо съ просьбою хорошо исполнить свою обязанность. прибавила маркиза.

Старухѣ отрубили голову. Затѣмъ были казнены ея мужъ, старый маркизъ Тавора, зять его, мужъ Терезы—предполагаемый авторъ покушенія. Затѣмъ были казнены всѣ братья, младшему изъ нихъ было только двадцать лѣтъ, и сестры. Далѣе слѣдовалъ длинный рядъ служащихъ и прислуги;

всѣ они вынесли мучительныя казни съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. Послѣднимъ былъ приведенъ или принесенъ герцогъ Авейро, глава португальскихъ fidalgo, оберъ-камергеръ двора и верховный судья, старикъ, который, не выдержавъ пытокъ, оговорилъ своихъ родственниковъ. Несчастнаго пришлось колесовать въ теченіи цѣлаго часа. Стоны его доносились до Лисабона.

Въ заключеніе эшафотъ и всѣ трупы были сожжены и пепелъ брошенъ въ Таго. Дома казненныхъ были срыты и мѣсто посыпано солью. Я думаю, въ самыя мрачныя времена итальянской исторіи трудно найдти такое преступленіе, какъ эта казнь невинныхъ людей, учиненная маркизомъ-философомъ, обиженнымъ, говорятъ, тѣмъ, что дона Тереза отказала въ рукѣ его сыну. За то уже въ современной Португаліи ничего подобнаго случиться не можетъ, ибо смертной казни болѣе не существуетъ. Она осталась въ военномъ уставѣ, но и въ единственномъ случаѣ, когда судъ примѣнилъ ее, король донъ Луисъ рѣшительно отказался утвердить приговоръ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что каторжниковъ португальцы ссылаютъ въ Африку въ такія пріятныя мѣста, откуда живымъ труднѣе вернуться, чѣмъ съ плахи. Это то, что во Франціи называется „сухою гильотиною".

Къ сѣверу отъ Белема весь полуостровъ между устьемъ Таго и Атлантическимъ океаномъ образуетъ лабиринтъ невысокихъ холмовъ, представ-

ляющихъ большія затрудненія для сообщенія, вслѣдствіе узкихъ долинъ съ ломанными очертаніями. Въ этомъ-то лабиринтѣ Веллингтонъ и устроилъ во время войны за освобожденіе Пиренейскаго полуострова свои знаменитыя Торресъ-Ведрасскія линіи, преобразившія окрестности Лисабона въ обширный укрѣпленный лагерь, о который въ 1810 году разбилась вся мощь полчищъ Массены.

Мѣстность постепенно повышается отъ города до живописныхъ базальтовыхъ горъ Синтры, столь извѣстной своими дворцами, тѣнистыми долинами, чудеснымъ климатомъ и историческими воспоминаніями. Здѣсь была подписана, между прочимъ, въ 1808 году извѣстная конвенція, по которой армія маршала Жюно въ числѣ 22,000 человѣкъ капитулировала и была на англійскихъ корабляхъ перевезена во Францію. Еще Байронъ воспѣлъ Синтру какъ восьмое чудо свѣта въ XVII—XXVIII пѣсняхъ „Childe-Harold'a".

Рабы презрѣнные, къ которымъ
Такъ щедры были небеса,
Природа... ихъ ли, ихъ ли взорамъ
Цѣнить всѣ эти чудеса?
Здѣсь Синтра смотритъ новымъ раемъ
Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ,
Обвороженный этимъ краемъ
Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
Хотя намекъ на ту природу,
Передъ которою блѣдна

Та неизвѣстная страна,
Пѣвцомъ открытая народу,
Когда онъ смертныхъ удивилъ
И имъ элизiумъ открылъ?

„Какъ бы въ вознагражденiе за всю грязь Лисабона и его жителей, пишетъ Байронъ въ примѣчанiи къ своей поэмѣ, еще болѣе грязныхъ, деревня Синтра, лежащая миляхъ въ 15 отъ столицы, представляетъ быть можетъ во всѣхъ отношенiяхъ прелестнѣйшее мѣсто во всей Европѣ. Она соединяетъ въ себѣ всевозможныя красоты, какъ природныя, такъ и искусственныя... всю дикость западной Шотландiи и всю свѣжесть растительности южной Францiи“...

Описанiе Байрона и слишкомъ мрачно сравнительно съ веселымъ видомъ Синтры. Можетъ быть, впрочемъ, разросшаяся зелень сдѣлала ее еще красивѣе со временъ Байрона, какъ она заставила умыться жителей Лисабона, на необычайную неопрятность которыхъ жалуется великiй аристократъ-поэтъ.

Въ Синтрѣ удивительно соединено на маломъ пространствѣ все, что можетъ тѣшить глазъ человѣка: горы, зелень, вода, богатый пейзажъ, роскошныя постройки, видъ вдали обширной столицы и наконецъ океанъ. Такое сочетанiе дѣлаетъ изъ Синтры одинъ изъ очень немногихъ по своей красотѣ пунктовъ въ цѣломъ свѣтѣ, и быть въ Лисабонѣ и не заѣхать въ Синтру положительное

святотатство. Напротивъ, бываютъ люди—конечно между англичанами, которые нарочно ѣдутъ въ Португалію, только для того, чтобы погулять по рощамъ и скаламъ очаровательнаго замка.

На старыхъ желѣзнодорожныхъ картахъ фигурируетъ желѣзная дорога изъ Лисабона въ Синтру, но ее нѣтъ. Дѣло въ томъ, что деньги на ея постройку были отпущены, а дорога не строилась. Въ кортесахъ спрашивали объ этомъ министерство: оно просило не настаивать. Деньги говорятъ пошли на поѣздку короля донъ-Луиса на парижскую всемірную выставку 1868 года. Въ Синтру изъ Лисабона проведена недавно конножелѣзная дорога, но, я предпочелъ отправиться въ открытомъ экипажѣ. Секретарь нашей миссіи, одинъ нѣмецкій путешественникъ, везшій больную жену на Мадеру, и одинъ португальскій виконтъ, служившій въ германской кавалеріи и получившій совершенно наружность прусскаго офицера, совсѣмъ не идущую къ владѣльцу десятковъ тысячъ десятинъ земли, гдѣ-то на западномъ берегу Африки, отправились одновременно со мною. Въ этомъ пріятномъ обществѣ день пролетѣлъ незамѣтно и лазаніе по горамъ казалось забавою.

По прекрасному шоссе быстро проѣхали мы мимо дачъ Бемфика, королевскаго дворца Келужъ, нѣсколько разъ пересѣкая гигантскій водопроводъ das Agoas livres, питающій Лисабонъ водою изъ Канешаса. Этотъ водопроводъ, выдержавшій безъ

всякаго повреждения ужасное землетрясеніе—одно изъ чудесъ строительнаго искусства начала прошлаго столѣтія. На протяженіи семнадцати верстъ аквадукъ пересѣкаетъ горы, идетъ на столбахъ мѣстами въ 37 саженъ высоты и стоилъ въ свое время болѣе тридцати милліоновъ рублей. Сооруженіе его потребовало девятнадцать лѣтъ. Сама Синтра окружена садами и дачами, гдѣ живутъ лѣтомъ богатые жители столицы. Для пріѣзжихъ имѣется и нѣсколько гостиницъ. Мы остановились въ одной изъ нихъ, гдѣ подкрѣпивъ свои силы отличнымъ обѣдомъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ колареса, который тутъ же собирается по сосѣдству въ знаменитой своими садами и апельсинными рощами долинѣ Коларесъ, и поспоривъ о португальской политикѣ и будущихъ судьбахъ лузитанскаго королевства, сѣли верхомъ наословъ, безъ которыхъ экскурсія въ Синтрѣ невозможна.

Осмотръ начинается со стараго королевскаго дворца. Это зданіе состоитъ изъ соединенія построекъ разныхъ вѣковъ и стилей. Каждый король въ Синтрѣ дѣлаетъ пристройку. Преобладающій стиль мавританскій и дворецъ въ глазахъ художниковъ имѣетъ цѣну не менѣе севильскаго Альказара. Внутри дворецъ, гдѣ живетъ лѣтомъ королевское семейство, необыкновенно скромно отдѣланъ, а мебель поражаетъ даже простотою и ветхостью. Каждая комната дворца имѣетъ свое названіе и свою исторію. По очереди можно видѣть

„комнату лебедей“, оригинально раскрашенную, залу королевскаго совѣта, „комнату сорокъ“ съ прекрасными картинами и портретами любовницъ Іоанна. Гербовая зала содержитъ, какъ Riddarsholmskyrkan въ Стокгольмѣ, гербы всѣхъ аристократическихъ фамилій Португаліи. Только одинъ гербъ замаранъ черной краской, какъ гербъ Марино Фальери во дворцѣ дожей, это гербъ маркизовъ Тавора, печальную судьбу которыхъ, я разсказалъ выше. Гербъ остается подъ краскою, хотя еще въ 1781 году верховный судъ призналъ семейство Тавора невиннымъ въ покушеніи на жизнь короля. Изъ оконъ этой залы необыкновенный видъ на развалины, на верху горы, мавританскихъ укрѣпленій съ высокими стѣнами съ бойницами. Далѣе вамъ показываютъ баню дворца, отдѣланную разноцвѣтными глазурными кирпичами, по стѣнамъ которой струится вода, оригинальные трубы на крышѣ въ видѣ шампанскихъ бутылокъ, наконецъ, тюрьму Альфонса VI, даже ту дорожку, которую король протопталъ въ полу, разгуливая шесть лѣтъ подъ рядъ по одному и тому же направленію. Альфонсъ VI и есть тотъ король, который отдалъ англичанамъ въ приданое Бомбей и тѣмъ пустилъ ихъ въ Остъ-Индію, т. е. „козла въ огородъ“.

Послѣ десятилѣтняго царствованія Альфонсъ былъ низложенъ своимъ братомъ донъ-Педро въ 1667 г. за неспособность и развратное поведеніе; онъ умеръ въ темницѣ.

Рядомъ съ дворцомъ на видномъ мѣстѣ можно также видѣть тюрьму, но уже современную. Это обыкновенное зданіе, въ окнахъ котораго толстѣйшія рѣшетки. Сквозь нихъ видно, что арестанты въ большомъ числѣ помѣщаются въ общихъ палатахъ. Открытыя окна придаютъ зданію видъ клѣтки. Въ жаркомъ климатѣ оно можетъ быть и хорошо въ гигіеническомъ отношеніи, такая откровенность, но видъ тюремнаго „нутра" производитъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе въ pendant къ красотамъ Синтры.

Если тюремная часть въ Португаліи напоминаетъ, по крайней мѣрѣ по наружности, устройство таковой въ Турціи, то въ отношеніи къ системѣ уголовныхъ наказаній Португалія ушла, какъ я говорилъ, далеко впередъ, если, впрочемъ, отмѣну смертной казни можно считать дѣйствительнымъ прогрессомъ.

Отъ дворца надобно уже ѣхать зигзагами, вьющимися спиралью по крутымъ скаламъ, покрытымъ лѣсомъ и необыкновенно богатымъ ключами, образовавшими мѣстами огромные пруды. Попадая сюда, чувствуешь то же впечатлѣніе рѣзкаго и пріятнаго перехода, какъ когда изъ сухой Инкерманской долины или изъ разлива Салгира вступаешь въ богатыя водою и зеленью предгорья Крыма. Главная цѣль прогулки высокій холмъ съ великолѣпнымъ и оригинальнымъ замкомъ Пенья, представляющимъ фантастическую смѣсь стилей готи-

ческаго, индѣйскаго и ренесанса и убраннымъ тѣнистыми деревьями и вьющимися растеніями. Прежде здѣсь былъ монастырь, но король Фердинандъ, отецъ нынѣ царствующаго короля—артистическая натура, построилъ зданіе, издали напоминающее рыцарскій замокъ въ его родинѣ Германіи, на Рейнѣ. Изъ каждаго окна этого фантастическаго зданія, покрытаго мѣстами вьющимися растеніями, окруженнаго цвѣтниками, рощами, прудами и каскадами и похожаго на декорацію изъ оперетки, открываются во всѣ стороны виды, одинъ удивительнѣе другого, и я, вписывая свою фамилію въ книгу, имѣющуюся во дворцѣ для записи именъ посѣтителей, чуть не разрѣшился стихами во вкусѣ графа Алексиса де-Жасминова.

Владѣлецъ этого замка одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей въ Европѣ. Насколько непопуляренъ донъ Луисъ, настолько любимъ донъ Фердинандъ, носящій титулъ короля, пожалованный ему какъ второму мужу королевы Маріи да-Глоріи. По ея смерти, вслѣдствіе малолѣтства донъ Петро V, король былъ два года регентомъ. Это тотъ самый Фердинандъ, котораго маршалъ Примъ хотѣлъ-было сдѣлать королемъ Испаніи, но осторожный принцъ, зная испанскія воззрѣнія на португальцевъ, благоразумно отказался, предпочитая блестящимъ почестямъ спокойную жизнь. Онъ страстный собиратель коллекцій, любитель художествъ и рѣдкостей, предсѣдатель португальской акаде-

міи наукъ, музыкантъ, живописецъ и образцовый, скромный семьянинъ. Король женатъ во второй разъ морганатическимъ бракомъ на бывшей второстепенной пѣвицѣ итальянской оперы въ S.-Carlos ирландкѣ Генслеръ, которая послѣ довольно бурнаго прошлаго носитъ теперь титулъ графини Эдла и весьма буржуазно варитъ въ Пенья собственными руками варенье, въ то время, когда донъ Фердинандъ занимается охотою или рисуетъ.

Послѣ осмотра дворца Пенья можно взобраться на холмъ, гдѣ стоитъ единственный, кажется, въ Португаліи памятникъ Васко да-Гама, въ видѣ мраморнаго рыцаря, затѣмъ на высоты, гдѣ находятся развалины старинныхъ мавританскихъ укрѣпленій, полюбоваться причудливой алебастровой часовней, влѣзть въ подземелье, такъ называемую „цистерну мавровъ“, которую по изслѣдованіямъ ученыхъ, выстроили римляне... Но самое главное развлеченіе—это со всѣхъ высотъ открывающіеся великолѣпные виды. Особенно грандіозенъ видъ съ высоты береговыхъ утесовъ, заканчивающихся скалою Кенуль — это самая западная точка на европейскомъ континентѣ, имѣющая болѣе правъ называться „концомъ земли“, нежели извѣстный мысъ въ Испаніи. Стоя здѣсь и любуясь какъ волны океана разбиваются въ мелкія брызги объ основаніе скалъ и превращаясь въ пѣну, съ ревомъ бѣгутъ въ береговыя пещеры, въ которыхъ кружатся стаи морскихъ птицъ, пребываешь въ

пріятномъ сознаніи, что находишься дѣйствительно „на краю Европы“ и можешь воскликнуть вмѣстѣ съ Байрономъ, исправленнымъ г. Минаевымъ:

...Здѣсь все ново!
Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
И восхищаетъ и дивитъ.

V.

Португальская провинція. — Земскія учрежденія. — Желѣзныя дороги.— Сетубаль. — Суды. — Рыбаки и соляные промыслы. — Португальскіе рабочіе. — Эмиграція и колоніи. — Замокъ Пальмелла.

Я сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о португальской столицѣ, которая поглощаетъ по крайней мѣрѣ половину экономической и двѣ трети общественной жизни страны; надобно познакомить читателей и съ португальской провинціей. Общественная жизнь въ португальской провинціи идетъ довольно вяло, хотя по организаціи провинціальныхъ административныхъ и земскихъ учрежденій мѣстному самоуправленію дано гораздо болѣе простора, чѣмъ во Франціи или Испаніи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ португальцы въ своей муниципальной и земской жизни имѣютъ тѣ же права, что бельгійцы или скандинавы, нѣтъ только охоты этими правами пользоваться.

Въ Португаліи, на основаніи закона 1878 года, земская жизнь сосредоточена, главнымъ образомъ, въ уѣздѣ (concelho), а волости или приходы (paro-

chia) имѣютъ очень немного значенія; впрочемъ, и португальскіе уѣзды имѣютъ начальниковъ, независимыхъ отъ земскихъ собраній. Хотя собранія здѣсь лишены права обжалованія въ судѣ, въ случаѣ распущенія ихъ центральнымъ правительствомъ, но кругъ дѣятельности португальскихъ земствъ гораздо шире, чѣмъ французскихъ; равнымъ образомъ и земскія управы или постоянныя комиссіи, выбираемыя собраніями, имѣютъ болѣе власти, хотя не касаются административной юстиціи, которая принадлежитъ conselho de district, соотвѣтствующему нашему губернскому правленію,

Португалія раздѣлена на губерніи (districtos), которыя, кромѣ губернатора и его совѣта, имѣютъ также земскія собранія — junta geral съ избранными изъ среды ихъ земскими управами. Губернаторъ одобряетъ постановленія этихъ собраній, но безусловное вето его очень ограничено по закону. Правительство можетъ распустить собраніе, но обязано въ теченіе 40 дней сдѣлать новые выборы. Счеты расходовъ земскихъ учрежденій контролируются, однако, высшею счетною палатою въ Лисабонѣ. Приходы или волости, а также городскіе округа имѣютъ свои собранія, только старшина—regedor назначается правительствомъ; онъ можетъ быть одновременно и мировымъ судьею. Роль приходскаго собранія сводится къ наблюденію за дѣлами церковными, благотворительными и къ завѣдыванію общинными имуществами.

Первое мое знакомство съ жизнью въ португальской провинціи произошло въ Сетубалѣ, куда я ѣздилъ изъ Лисабона.

Еще тридцать лѣтъ назадъ въ Португаліи не было ни одной порядочной дороги, не ходили даже мальпосты, запряженные тощими мулами: безопаснѣе всего было путешествовать верхомъ. Тогда Португалія была, конечно, интереснѣе для туриста; но и теперь, несмотря на легкость и удобство сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, она сохраняетъ еще много дорогой для путешественника couleur locale.

Такой, впрочемъ, почти нѣтъ ни на пароходѣ, на которомъ я переѣхалъ устье Таго, ни на желѣзной дорогѣ, которая ведетъ отъ Баррейро въ Сетубаль, по тому клочку Эстремадуры, который переходитъ по другую сторону залива. Море у этого берега очень мелко, а низменное песчаное побережье прорѣзано болотами и ручьями. Только оно и оживляется сосѣдствомъ столицы, жители которой настроили здѣсь дачъ; имѣется также нѣсколько верфей, соляныхъ и рыбныхъ промысловъ.

Дебаркадеръ желѣзной дороги, давно существующей, все еще строится и мнѣ пришлось дожидаться довольно долго поѣзда у временного деревяннаго балагана, замѣняющаго станцію. Португальскіе вагоны небольшихъ размѣровъ и тѣсноваты, станціи очень скромны на видъ, хотя и

уютнѣе испанскихъ, скорость движенія незначительная. Несмотря на подобныя условія, желѣзныя дороги обошлись постройкою не дешево; новѣйшія линіи Торресъ-Ведрасъ-Аффареллосъ и Бейра-Байша стоили отъ 166,166 до 198,888 франк. за километръ, вѣтвь въ Коимбрѣ въ 127,777 франк. за километръ. Эти высокія цѣны объясняютъ гористою мѣстностью, но вѣрнѣе, что административныя и парламентскія закорючки, описанныя мною во второй главѣ, также не остаются безъ вліянія на увеличеніе расходовъ концессіонеровъ. За то всѣ португальскія желѣзныя дороги построены при помощи правительства, которое гарантируетъ акціонерамъ 5 и $5^1/_2$ проц. чистаго дохода, независимо отъ погашенія. Капиталы на эти дороги дали по большей части французы и теперь идетъ ожесточенная война между португальскими правленіями и французскими акціонерами желѣзныхъ дорогъ.

На протяженіи 25 верстъ, отдѣляющихъ Сетубаль отъ Баррейро, поѣздъ останавливался многократно. У станціи меня ожидалъ экипажъ, который во всю прыть помчался по узкимъ и грязноватымъ улицамъ города, обстроеннаго старинными бѣлыми зданіями. И церкви, и дома въ томъ португальскомъ стилѣ, который долженъ въ ужасъ приводить профессоровъ академіи—пуристовъ, потому что онъ соединяетъ самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ стили романскій и готическій съ арабскимъ.

Домъ моего гостепріимнаго хозяина былъ на набережной, которая очень широка, вымощена и засажена мѣстами деревьями. Это лучшая часть Сетубаля. Домъ старинный; расположеніемъ онъ очень напоминалъ жидовскія гостинницы юга Россіи. Входъ изъ-подъ воротъ велъ по сторонамъ наверхъ въ комнаты, а прямо въ конюшню, и такъ какъ ворота на-глухо заперты снаружи, то легкій запахъ навоза распространяется по комнатамъ. Послѣднія отдѣланы по португальской методѣ глазированными кирпичами, полы кирпичные же, крытые цыновками, дикій виноградъ вьется по наружнымъ стѣнамъ; въ комнатахъ много chinoiseries изъ Макао; картины и другіе продукты европеизма комично-ужасны. Гарусомъ вышитыя картины напоминаютъ наши старые помѣщичьи дома. Сходство выражается и въ полномъ отсутствіи самыхъ необходимыхъ гигіеническихъ приспособленій.

Англичане хвастаются своимъ гостепріимствомъ въ Остъ-Индіи, мы гордимся воспоминаніями о гостепріимствѣ временъ крѣпостного права, когда помѣщики останавливали проѣзжающихъ, вовсе имъ незнакомыхъ, и угощали на славу; гостепріимство португальцевъ въ провинціи достигаетъ такихъ же миѳическихъ размѣровъ. Мой хозяинъ не зналъ, чѣмъ выразить свое вниманіе. Въ спальнѣ было приготовлено сразу двѣ кровати, для выбора какая мнѣ болѣе понравится! А когда начался обѣдъ, то меня обуялъ страхъ; кажется, вся порту-

гальская поваренная книга была исчерпана мѣстнымъ cordon bleu, который, впрочемъ, искусствомъ не могъ бы поспорить ни съ Вателемъ ни съ барономъ Бриссомъ.

Такое же изобиліе было насчетъ выпивки. Цѣлая батарея бутылокъ разныхъ португальскихъ винъ была принесена для меня. Тутъ былъ и Bairrada, считамое въ Португаліи лучшимъ виномъ послѣ портвейна, и бѣлыя вина: Bucellas и Carcavelos и красныя Barra-a-Barra, Torres, Lavradio и знакомый намъ Colares. Но гордость Сетубаля составляетъ мушкатель, собираемый въ самомъ небольшомъ количествѣ въ окрестныхъ виноградникахъ и распиваемый только ихъ владѣльцами.

Послѣ экспертизы всѣхъ этихъ благородныхъ напитковъ я незамѣтно очутился въ собраніи, гдѣ стрѣлялъ изъ пистолета въ цѣль, пилъ пиво и говорилъ рѣчи о прошломъ величіи Португаліи. По крайней мѣрѣ двадцать разъ мнѣ былъ заданъ вопросъ: какъ мнѣ нравится Португалія? На что я могъ только отвѣчать, что если выѣду живой послѣ столькихъ угощеній, то сохраню самыя теплыя воспоминанія, ту reconaissance d'estomac, которая иногда дороже сердечной признательности.

Женщины по португальской методѣ не показывались за столомъ; вообще онѣ въ провинціи сидятъ еще въ заперти; да и отъ мужчинъ немного толку. Какъ я говорилъ, клубы посѣщаются неохотно. Кафе и пивныя, гдѣ таковыя есть,

служатъ болѣе для иностранцевъ. Мелкая же буржуазія, интересующаяся новостями, предпочитаетъ получать ихъ, по старой привычкѣ, въ аптекахъ, которыя по части политики превосходятъ даже цирюльни.

Въ отсутствіи женщинъ, которыя прятались отъ иностранца, разговоры велись по преимуществу дѣловые. Шведскій консулъ объяснялъ мнѣ положеніе португальской промышленности и роль, которую играютъ въ ней иностранные капиталы; французскій купецъ, весьма бывалый, прогоравшій въ разныхъ частяхъ свѣта и желавшій поправиться устройствомъ въ Сетубалѣ фабрики вермута, разсказывалъ анекдоты по части португальской и испанской торговли; наконецъ, молодой португальскій адвокатъ, просвѣщенный всею мудростью коимбрскаго университета, конечно, ярый радикалъ, посвятилъ меня въ тайны португальскаго судопроизводства.

Судебная часть преобразована въ Португаліи въ 1876 году; подобно нашей, она похожа на французскую, но напоминаетъ и англійскую организаціей суда первой инстанціи, а также прежнюю англійскую организаціей коммерческихъ судовъ. Отъ испанской португальская юстиція отличается тѣмъ, что у испанцевъ съ 1875 года нѣтъ присяжныхъ. Судьи въ Португаліи могутъ быть смѣняемы, если просидѣли на мѣстѣ болѣе шести лѣтъ, или съ согласія верховнаго суда. Въ Испа-

ніи судья дѣлается смѣняемымъ даже если женился или пріобрѣлъ недвижимую собственность въ томъ городѣ, гдѣ занимаетъ мѣсто. Мировые судьи въ Португаліи выбранные, но ихъ дѣло примирять стороны и охранять имущество, судятъ же въ первой инстанціи особые судьи juiz ordinario, бывшіе прежде выборными, но теперь назначаемые отъ правительства. Суды окружные состоятъ изъ одного судьи и прокурора. Прежде по гражданскимъ дѣламъ могли быть приглашаемы присяжные, но не было примѣра, чтобы къ последнимъ прибѣгали. Для уголовныхъ дѣлъ отъ присяжныхъ требуется довольно высокій цензъ, кромѣ того имѣются особые составы присяжныхъ для суда надъ фальшивыми монетчиками и для англичанъ! Для послѣднихъ, по договору 1842 года, шесть присяжныхъ должны быть непремѣнно изъ англичанъ, кромѣ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Англичане, словомъ, смотрятъ еще на португальское правосудіе какъ на юстицію Марокко или Маската. Вотъ такъ друзья!

Апелляціи очень облегчены въ Португаліи по гражданскимъ дѣламъ и стѣснены по уголовнымъ. Въ устройствѣ кассаціоннаго трибунала и судебныхъ палатъ особыхъ отличій очень мало. Кассація не допускается для незначительныхъ гражданскихъ дѣлъ и судъ можетъ налагать штрафъ въ 10% цѣнности иска, въ случаѣ признанія просьбы о кассаціи недобросовѣстною. Это сдѣ-

лано въ виду того, что португальцы, какъ всѣ южные народы, любятъ посутяжничать.

Но вернемся къ Сетубалю; это по торговымъ оборотамъ третій городъ королевства. Онъ удачно расположенъ на правомъ берегу Садо или Садано при заливѣ, но не можетъ развиться вслѣдствіе близкаго сосѣдства столицы. Португалія не настолько богата, чтобы питать торговлю двухъ портовъ, стоящихъ рядомъ. Между тѣмъ долина Садо очень плодородна, а портъ Сетубаля хорошо защищенъ утесистою горною цѣпью на сѣверо-западѣ и длиннымъ песчанымъ мысомъ, изгибающимся къ юго-западу. Только входъ въ портъ нѣсколько затруднителенъ отъ песчаныхъ банокъ, мѣняющихъ свои мѣста. Въ древности пунктъ этотъ былъ гораздо болѣе оживленъ. Если вѣрить португальцамъ, то Сетубаль основанъ библейскимъ Тубаломъ, т. е. до потопа! Несомнѣнно, что во времена римлянъ на мѣстѣ Сетубаля стоялъ городъ Цетобрига, рядомъ къ западу городъ Сецимбра, а напротивъ, теперь засыпанный песчаными дюнами, городъ Троя, основанный еще финикіанами. Развалины послѣдняго видны до сихъ поръ; ихъ описаніемъ занято мѣстное археологическое общество.

Жительницы Сетубаля ходятъ въ церкви, имѣющія интересные образчики португальскихъ картинъ, и плетутъ хорошія кружева, а жители при помощи иностранцевъ: англичанъ, шведовъ, фран-

цузовъ торгуютъ своими винами, пробкою и др. произведеніями окружающей мѣстности. Апельсины превосходнаго качества также составляютъ одну изъ статей вывоза. Товаромъ этимъ набиваются огромные винтовые пароходы, но вывозъ португальскихъ апельсинъ, страдающихъ говорятъ, отъ измѣненія климата, ничто передъ размѣрами вывоза апельсинъ, напримѣръ, изъ Грао—порта Валенсіи, въ Испаніи, гдѣ знаменитая huerta—просто лѣсъ апельсинныхъ деревьевъ.

Но важнѣе всѣхъ другихъ отпускныхъ товаровъ для Сетубаля соль, которая считается въ цѣломъ свѣтѣ лучшею для соленія рыбы. Подъ именемъ „St. Ubes“, соль эта очень цѣнится въ Бразиліи, въ Соединенныхъ Штатахъ, на Нью-Фаундленскихъ островахъ, а также во всѣхъ странахъ, имѣющихъ большія рыбныя ловли: въ Норвегіи, Голландіи, и пр. Къ намъ ее привозятъ въ Либаву, Нарву и въ финляндскіе порты.

Для осмотра соляныхъ промысловъ, которые только приготовлялись къ очисткѣ отъ наливаемой въ нихъ на зиму морской воды, насъ собралась порядочная компанія и г. Торладесъ предложилъ любезно свой пароходъ. Гордо поднявъ португальскій бѣлый съ голубымъ флагъ, поплыли мы рано утромъ по гладкой, какъ зеркало, поверхности лимана Садо по направленію къ Алькасару до Саль. Погода была дивно хороша, берега океана отчетливо обрисовывались на огромное разстояніе,

Сетубаль издали казался красивымъ и большимъ городомъ, а море пестрѣло рыбачьими лодками.

Изо всѣхъ водъ, омывающихъ западную Европу, моря у португальскихъ береговъ самыя богатыя животною жизнью, что объясняютъ встрѣчею морскихъ теченій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою фауну. Но изъ португальскихъ водъ сетубальскія наиболѣе богатыя и въ сравненіи съ ними Средиземное море и Бискайскій заливъ можно назвать безжизненными. За то и рыболовство развито тутъ чрезвычайно: сардинками, считающимися у насъ предметомъ роскоши, откармливаютъ свиней! Сетубальскіе рыбаки славятся издавна искусствомъ. Только теперь ученые, послѣ долгихъ споровъ, признали, что органическая жизнь возможна на большихъ глубинахъ въ океанѣ, а сетубальскіе рыбаки, не знавшіе ничего объ этихъ спорахъ зоологовъ, много вѣковъ подъ рядъ вылавливали на глубинѣ 250—300 саженъ огромныхъ акулъ, которыя отъ напора внутреннихъ газовъ лопались, когда ихъ вытаскивали на палубу.

Рыба изъ Сетубаля и вообще изъ Португаліи развозилась прежде по всей Европѣ до Норвегіи. Португальцы имѣли родъ монополіи въ этомъ отношеніи и въ XIV столѣтіи Лисабонъ пріобрѣлъ по договору право рыбной ловли даже у англійскихъ береговъ. Теперь, сравнивая англійскій торговый флотъ слишкомъ въ 9 милліоновъ тоннъ съ португальскимъ флотикомъ въ 120.000 тоннъ, труд-

но повѣрить, что англичане были когда-то экономическими данниками португальцевъ по части морскихъ промысловъ.

Послѣ полутора-часоваго плаванія облегчаемаго легкими закусками, которыя не должны были компрометировать основательнаго завтрака, готовившагося на обратномъ пути, пароходъ нашъ бросилъ якорь. Выйти на берегъ намъ помогли крестьяне, собиравшіе выбрасываемыя моремъ водоросли, идущія на удобреніе, далѣе пришлось отправляться per pedes apostolorum. Побережье, по которому мы пошли, состояло изъ мощныхъ пластовъ тонкаго песку, который покоится на плотной глинѣ и поросъ морской сосной и пробковымъ дубомъ—остатками большихъ лѣсовъ, покрывавшихъ всю эту мѣстность. Пробковыя деревья съ ободранною корою уныло глядѣли на насъ, а сопровождавшій насъ словоохотливый французъ увѣрялъ, что пробка недавно только стала въ Португаліи предметомъ огромнаго дохода и даже спекуляціи; ранѣе португальцы не придавали ей большого значенія.

Вотъ добычу соли около Сетубаля описалъ еще Плиній. Пріемы добычи и не измѣнились нисколько за семнадцать слишкомъ вѣковъ. Для полученія соли вырываютъ на берегу бассейнъ величиною отъ одной до двухъ десятинъ и раздѣляютъ глиняными валами на квадраты. Помощью морскаго прилива вода входитъ въ бассейны безъ

очистки и сгущенія, жаркая погода и сѣверо-западные вѣтры, постоянно дующіе лѣтомъ въ Португаліи, живо испаряютъ ее и черезъ три недѣли садка соли превосходнаго качества готова. Соль выволакиваютъ рабочіе, тутъ же на базарѣ нанимаемые, напускаютъ вновь воду изъ океана и получаютъ вторую садку. Если погода благопріятна, то стараются получить третью садку соли *).

Такъ какъ означенные незамысловатые техническіе пріемы повторяются изъ года въ годъ и маточные щелока остаются въ бассейнахъ, то казалось бы въ послѣднихъ должно быть много горькихъ солей, которыя портятъ достоинство соли первой садки. На дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго и первая соль самая чистая. Дѣло въ томъ, что какъ португальскіе рыбаки опередили зоологовъ, такъ сетубальскіе солепромышленники обогнали химиковъ. Они даютъ заростать бассейнамъ особымъ видомъ микроскопическаго водоросля, который и производитъ во время зимы распаденіе магнезіальныхъ солей, поглощаемыхъ почвой. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ гг. химики. Португальскіе же крестьяне никакъ не объясняютъ, а знаютъ только, что ихъ продуктъ горькихъ солей почти не содержитъ.

*) Добыча соли въ Сетубалѣ и др. мѣстахъ Португаліи подробно описана мною въ техническомъ отношеніи въ „Горн. Журналѣ“, февраль 1884 г.

Соль должна, конечно, обходиться очень дешево при подобныхъ техническихъ пріемахъ и никакая конкуренція поэтому Португаліи въ будущемъ не опасна. Солнце и океанъ у нея въ распоряженіи; дешевизнѣ соли содѣйствуетъ также дешевизна рабочихъ рукъ.

Португальскій рабочій трудолюбивѣе испанскаго; онъ не болѣе его невѣжественъ и точно также удивительно трезвъ и воздержанъ. Никогда не работаетъ онъ менѣе десяти часовъ въ сутки и хотя въ году празднуетъ семьдесятъ праздниковъ (русскій мужикъ празднуетъ 84 дня), зато не знаетъ понедѣльничныхъ прогуловъ — нашего „узенькаго воскресенья“. Онъ вѣжливъ, смышленъ и если ему не достаетъ техническаго образованія, то потому только, что о послѣднемъ никто не заботился. И первоначальное образованіе въ Португаліи хромаетъ, профессіональныя же школы совсѣмъ въ зародышѣ.

Промышленность вообще не велика и Португалія, несмотря на самый высокій таможенный тарифъ въ Европѣ, страна по преимуществу земледѣльческая. Изъ $4^1/_2$ милліоновъ ея населенія рабочихъ, фабричныхъ и ремесленниковъ, насчитывается не болѣе 200,000. Самое большое промышленное предпріятіе въ странѣ рудники мѣдныхъ рудъ въ Санъ-Домингосъ, на нижней Гвадіанѣ, одни изъ самыхъ обширныхъ въ Европѣ. Заработная плата чрезвычайно низка въ Португаліи:

сельскіе рабочіе получаютъ отъ 30 до 45 коп. въ день, работницы отъ 18 до 25 коп. На фабрикахъ рабочіе получаютъ отъ 40 до 50 коп. въ день, рѣдко отъ 60 до 1 руб. 20 коп., работницы отъ 20 до 30 коп., малолѣты отъ 8 до 18 коп.

Изворачиваться при такой низкой платѣ фабричный и промысловый рабочій можетъ только довольствуясь сквернымъ помѣщеніемъ (по субботамъ онъ обыкновенно возвращается въ деревню) и питаясь крайне скудно. Пища крестьянъ и рабочихъ состоитъ исключительно изъ broa—хлѣба изъ ржи и кукурузы, сухой трески, маринованныхъ сардинокъ и похлебки, куда входитъ много луку, рѣпы, кабачковъ, бобовъ и очень мало деревяннаго масла, сала, ветчины или говядины. Питьемъ служитъ мѣстное красное вино, кислое и молодое; водки, чая, кофе низшіе классы населенія никогда не видятъ.

Рѣдкость стачекъ показываетъ какъ будто бы довольство своимъ положеніемъ, но есть другія признаки, по которымъ можно думать, что и въ Португаліи не все такъ хорошо, какъ кажется. „Интернаціоналка" уже проникла сюда въ 1872 году и съ того времени она укрѣпилась при помощи разныхъ обществъ и періодическихъ изданій, между прочимъ „Jornal do trabalho", „Tribuna", „O Rebate" въ Лисабонѣ, „Clamor do povo", „O Protesto" въ Порто. Программа португальскихъ соціалистовъ изложена была въ 1880 году въ ма-

нифестѣ Куэнталя, кандидата „Клуба 93 года". Онъ защищаетъ коллективизмъ и анархію, но умѣренную, безъ угрозъ экспропріаціи, убійствъ и поджоговъ. Въ этомъ его программа очень отличается отъ программы испанскихъ монархистовъ; причиною такой разницы, вѣроятно, болѣе мягкій характеръ португальцевъ, сравнительно лучшее экономическое положеніе страны и бо̀льшая свобода, которою она пользуется. Португалецъ не увлекается. Еще въ XVII вѣкѣ извѣстный итальянскій писатель Гирарделли замѣтилъ, что „въ Лузитаніи люди родятся меланхолическими, полнокровными и крѣпкими, но съ умомъ медленнымъ и не воспріимчивымъ".

Проповѣдь соціальныхъ и радикальныхъ теорій не остается впрочемъ безъ вліянія и телеграфъ неоднократно приносилъ извѣстія о возстаніяхъ крестьянъ въ Португаліи, имѣвшихъ республиканскій характеръ. Движеніямъ этимъ, до сихъ поръ безуспѣшнымъ, слѣдуетъ приписать не политическій, а именно экономическій и аграрный характеръ, такъ какъ республиканская партія хотя, какъ я говорилъ, и существуетъ въ Португаліи, но численно очень слаба. Республика только предлогъ для возставшихъ крестьянъ, интересуетъ же ихъ поземельный вопросъ.

Дѣло въ томъ, что положеніе португальскихъ крестьянъ весьма незавидно. На сѣверѣ королевства населеніе очень плотно и поземельная соб-

ственность чрезвычайно раздроблена. Въ провинціи „Между Миньо и Дуро“ населеніе въ два раза плотнѣе, чѣмъ во Франціи; вся площадь земли обращена въ одинъ садъ и жители придумываютъ остроумные способы для орошенія и воздѣлыванія верхнихъ склоновъ скалистыхъ холмовъ. Хотя крестьяне пожизненно пользуются здѣсь землею, уплачивая помѣщику лишь маленькую подать, и даже передаютъ аренду по наслѣдству, но вслѣдствіе избытка рукъ они вынуждены постоянно эмигрировать въ Бразилію и другія части Южной Америки. Въ южныхъ провинціяхъ Португаліи, Алентежо и Алгарвіи, положеніе еще хуже. Здѣсь огромныя пространства земли захвачены издревле нѣсколькими знатными фамиліями и такъ какъ въ Португаліи до сихъ поръ существуютъ майораты, то означенныя земли остаются необработанными пустынями, крестьяне же не имѣютъ вовсе земли и съ трудомъ находятъ себѣ работу въ качествѣ батраковъ. Работаютъ они при такихъ условіяхъ неохотно, да и влажная почва означенныхъ провинцій порождаетъ лихорадки, между тѣмъ во времена римскаго владычества тѣ же области были густо населены.

Если къ этому прибавить конкуренцію въ предложеніи труда со стороны испанскихъ крестьянъ изъ Галиціи, столь же бѣдныхъ, но весьма трудолюбивыхъ и что болѣе богатые и образованные крестьяне въ Португаліи сейчасъ же обращаются

въ кулаковъ-ростовщиковъ, то несносное положеніе массы весьма легко объяснимо. Торговля и промышленность Португаліи находятся, какъ я говорилъ, въ рукахъ иностранцевъ, денежныя дѣла въ рукахъ евреевъ и бразильцевъ.

Португальскія палаты почти безсильны сдѣлать что-либо въ пользу крестьянъ. Парламентъ представляетъ исключительно интересы буржуазіи, а министры покорные слуги парламентскаго большинства. Едва ли какая нибудь реформа конституціи тутъ и помогла бы, ибо еще Тацитъ высказалъ глубокую мысль, что „легче восхвалять правительство, основанное на соединеніи монархіи съ учрежденіями аристократическими и демократическими, нежели осуществить его".

Гораздо болѣе помогла бы народному благосостоянію хорошая колоніальная политика. Къ сожалѣнію, въ настоящее время португальскія колоніи занимаютъ большое пространство ($^2/_3$ европейской Россіи) только на картѣ. Въ дѣйствительности, власть Португаліи скорѣе номинальна. Кое гдѣ на обширныхъ берегахъ Африки находятся развалившіеся форты, въ которыхъ какъ бы въ осадѣ сидятъ губернаторы въ вышитыхъ серебромъ мундирахъ, при нихъ два-три десятка солдатъ, вокругъ же негры, власти этихъ губернаторовъ въ шитыхъ мундирахъ не признающіе. Изрѣдка пройдетъ близъ берега военная канонерка. Таковы португальскія колоніи! Торговля производится здѣсь

же португальцами, а голландцами, англичанами, нѣмцами; торговля невольниками производится довольно открыто. Въ торговлѣ чернымъ мясомъ португальцы постоянно играли важнѣйшую роль. Англійскій морской судъ надъ негріерами и находится въ ихъ колоніальномъ городѣ Лоандо, поэтому забавно было читать, какъ португальцы недавно открывали съ большимъ паѳосомъ въ Лисабонѣ монументъ Са-да-Бандейрѣ, внесшему одинъ изъ проектовъ закона объ уничтоженіи въ ихъ колоніяхъ невольничества.

Португальцы не проявляютъ искусства въ управленіи остатками своихъ заморскихъ владѣній, хотя исторія Португаліи доказываетъ, что они имѣютъ колонизаторскіе таланты. Кромѣ созданія Бразильской имперіи, португальцы оставили необыкновенно прочные слѣды своего хотя и кратковременнаго владычества въ Азіи. До сихъ поръ въ Остъ-Индіи, напримѣръ, есть огромное населеніе португальскихъ креоловъ, говорящее по португальски, но у котораго не сохранилось въ жилахъ и тысячной части португальской крови. Затѣмъ во всѣхъ странахъ Индѣйскаго архипелага, отчасти въ Китаѣ и Японіи, въ языкѣ удерживается очень много португальскихъ словъ, доказывающихъ, что цивилизующее вліяніе португальцевъ прочно пустило корни. Уоллесъ въ своемъ описаніи Малайскаго архипелага нѣсколько разъ обращаетъ на это обстоятельство вниманіе.

Для поддержанія ея колоній Португаліи недостаетъ флота надлежащаго устройства. Нѣкоторыя колоніи имѣютъ между тѣмъ удобныя земли сравнительно въ сносномъ климатѣ и немалочисленное населеніе, которое изъ Мозамбика, напримѣръ, вынуждено даже за недостаткомъ работъ эмигрировать на острова Маврикія и Реюніонъ. Эти рабочія руки, оставаясь у себя дома, могли бы обрабатывать съ выгодою сахарный тростникъ и кофейныя плантаціи. Они могли бы сѣять табакъ, разведеніе котораго въ самой Португаліи, въ интересахъ казны, строго воспрещено. Но некому дать дѣлу надлежащаго направленія. Правительство пробовало раздавать большіе участки земель въ видѣ концессій, но подобныя раздачи вызвали только много жалобъ на пристрастіе; земли же остались въ запущеніи.

Эмигранты изъ Португаліи, съ материка и съ Ассорскихъ острововъ, собственныхъ колоній пока избѣгаютъ, а направляются въ Бразилію, гдѣ пріѣзжіе могутъ работать болѣе мѣстныхъ жителей, особенно изъ достаточнаго класса, которые истощены излишествами. Въ Бразиліи каждый, по обычаю, заводитъ по крайней мѣрѣ двухъ любовницъ изъ красивыхъ мулатокъ, нерѣдко съ вѣдома своей супруги. Эти гаремы отвлекаютъ отъ болѣе скучныхъ занятій по земледѣлію и торговлѣ, за то и лишаютъ бразильцевъ должной энергіи.

Послѣ прогулки по морю оставалось сдѣлать

экскурсію по сухому пути, что не сопряжено ни съ какими затрудненіями, такъ какъ около Сетубаля дороги въ большомъ порядкѣ и гдѣ нужно шоссированы. Послѣ осмотра подгородныхъ дачъ, разбросанныхъ среди тщательно обработанныхъ полей и виноградниковъ, мы предприняли поѣздку въ замокъ Пальмелла, одинъ изъ величественныхъ остатковъ среднихъ вѣковъ. Семейство Пальмелла существуетъ и представительница его герцогиня Пальмелла одно изъ украшеній лисабонской аристократіи, замокъ же составляетъ казенную собственность и поддерживается отъ разрушенія.

Это монументальная постройка, начатая еще маврами и вѣнчающая вершину высокой горы, на которую подъемъ и по сдѣланной дорогѣ весьма труденъ; прямо же замокъ неприступенъ. Стѣны, толщины и крѣпости невѣроятной, идутъ спиралью, такъ что непріятель, который ворвался бы въ него, долженъ былъ проходить по узкимъ ущельямъ подъ градомъ стрѣлъ и камней. На верху горы, между зданіями, высѣчена въ скалѣ огромная цистерна для скопленія дождевой воды, которою питался гарнизонъ во время осады. Теперь гарнизонъ замка состоитъ изъ двухъ сторожей, которые замѣтно обрадовались давно невиданному случаю получить на водку.

Самое интересное въ Пальмеллѣ, впрочемъ, не замокъ, а видъ изъ замка на Атлантическій океанъ и окружающую мѣстность, видъ нисколько не уступающій чудному виду съ высотъ Синтры.

Равнины Алентежо, растилающіяся у подножія, имѣютъ совершенно африканскій характеръ по своей монотонности и общему виду растительности, состоящей изъ кустарниковъ. Глазъ невольно поражается мертвыми, почти пустынными пространствами, называемыми шарнеками (charnecas) гдѣ кое-гдѣ бродятъ пастухи со стадами свиней и овецъ. Лѣтомъ и этихъ кочевниковъ мало, они уходятъ въ горы Бейры. Флора равнины состоитъ изъ различныхъ верескообразныхъ породъ ладанника, можжевельника, розмарина. Ихъ густая блѣднозеленая листва съ бѣлыми цвѣтами не подымается выше чѣмъ на сажень отъ земли, холмы также покрыты кустарникомъ. Вдали изъ замка виденъ Лисабонъ, долина Таго и горы, прочно отдѣляющія Португалію отъ Испаніи, откуда, по мѣстной пословицѣ, „не жди ни хорошаго вѣтра, ни семейнаго счастья“.

Изъ замка по моей просьбѣ мы нарочно спустились по горѣ самыми бѣдными улицами городка Пальмеллы и зашли въ видахъ изученія нравовъ жителей въ лавочку выпить вина и поѣсть овечьяго сыру. Городъ расположенъ крутыми уступами и нѣкоторыя улицы прямо лѣстницами высѣчены въ скалѣ. Дома жителей никакой, можно сказать, архитектуры, каждый проламываетъ себѣ дверь изъ оконъ, не заботясь о симметріи. Всякаго рода остатки кухни и другой соръ валится прямо на улицу. Большая часть домовъ состоитъ изъ од-

ной почернѣвшей комнаты безъ всякой мебели. Такъ какъ свѣтъ слабо проникаетъ сквозь рѣдкія окна, заклеенныя промасленною бумагою, то двери раскрыты настежъ и у дверей сидятъ женщины, лѣниво вяжущія грязный чулокъ, окруженныя толпою дѣтей. Дѣтей вообще въ Португаліи изобиліе. Ихъ появленію на свѣтъ содѣйствуетъ и климатъ, и дешевизна воспитанія, а также нравы. Я нѣсколько разъ упоминалъ о громадныхъ привиллегіяхъ Воспитательнаго дома. Эта роль имѣетъ свое значеніе; нѣтъ страны, гдѣ законодательство и общественное мнѣніе были бы такъ снисходительны къ незаконнымъ дѣтямъ, какъ въ Португаліи. Даже основатель древней португальской династіи Авизовъ, Іоаннъ I, былъ незаконнорожденнымъ.

Мужчинъ попадалось вообще въ городѣ очень мало, они вѣроятно были на заработкахъ, оставивъ дома на попеченіе женщинъ. Послѣднія и здѣсь отличаются простотою своего костюма. Онѣ носятъ длинные темные плащи и все кокетство ихъ сводится къ убору головы. Кромѣ искусной прически онѣ ловко повязываютъ голову свѣтлымъ платкомъ-lenço. Этотъ платокъ покрываетъ высокій гребень и подвязывается подъ подбородкомъ, гдѣ укрѣпляется металлическою булавкою. Въ такомъ видѣ португалки кажутся очень соблазнительными для мѣстныхъ, неприхотливыхъ донъ-жуановъ. Когда косоглазая, рыжеватая бабенка съ смуглымъ цвѣтомъ лица налила намъ въ харчевнѣ вина.

— А! каковъ лакомый кусочекъ женщины! подмигивая сказалъ мнѣ сетубальскій амфитріонъ.

— Ему простительно находить подобныхъ женщинъ красивыми, сентенціозно замѣтилъ мой французъ. Онъ кромѣ своей жены никого не видалъ, никогда не былъ въ Парижѣ, а здѣсь и съ милліонами ничего не сыщешь...

Ну, я думаю, что нѣтъ надобности видѣть Парижъ, чтобы не считать красивыми подобныхъ уродливыхъ соотечественницъ поэтической Инесы де-Кастро...

ВО ФРАНЦІИ.

I.

Публичное чтеніе въ Парижѣ во время войны.

Въ № 261 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ 1872 году, неизвѣстный авторъ, описывая скандалъ, сдѣланный г-жѣ Андре Лео, въ засѣданіи лозанскаго Конгресса Мира, по поводу прочитанной ею записки, оправдывающей Коммуну во взведенныхъ на нее обвиненіяхъ по убійствамъ и поджогамъ, замѣтилъ, что г-жа Андре Лео мѣняла не разъ фамилію, и называлась прежде Олемпъ Одуаръ, подъ именемъ которой написала нѣсколько романовъ.

Объясненіе это принадлежало пылкой фантазіи автора. Всѣмъ извѣстно, что Андре Лео есть псевдонимъ одной изъ романистокъ Франціи, г-жи Шампсе (Champseix). Жена радикальнаго журналиста, она осталась въ 1861 г. молодою вдовою (28-ми лѣтъ), безъ всякихъ средствъ къ существованію, и принялась за перо, подписывая псевдонимомъ André Léo — именами двухъ своихъ дѣтей. Въ 1862 году явился ея романъ „Un mariage

scandaleux“, который хотя сильно напоминалъ жоржъ-сандовскую „Valentine“, однако обратилъ всеобщее вниманіе талантомъ автора, смѣлостью и теплотою. Съ тѣхъ поръ г-жа Шампсе написала много романовъ и повѣстей, изъ которыхъ болѣе всѣхъ понравились „Deux filles de M. Plichom“ и „Jacques Galeron“, и выступила также, какъ публицистка, горячею защитницей женскаго вопроса. Какъ ни судить о дѣятельности г-жи Шампсе, но нельзя не признать, что это одна изъ самыхъ видныхъ литературныхъ личностей современной Франціи, составляющая рѣзкій контрастъ съ бульварными драматургами и романистами, идеализирующими кокотокъ.

Совершенно другой репутаціей пользуется г-жа Олемпъ Одуаръ (Audouard), значительно обязанная своею извѣстностью скандалу. Бросивъ своего мужа, скромнаго нотаріуса, г-жа Одуаръ изъѣздила Европу, Востокъ и Америку, написала нѣсколько книгъ, и обратила на себя вниманіе публичными чтеніями въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Дюма-отца, репутація котораго въ послѣдніе годы жизни была весьма сомнительна.

Изъ книгъ г-жи Одуаръ „Comment aiment les hommes“ и „Guerre aux hommes“ представляютъ рѣзкій обвинительный актъ противъ непрекраснаго пола, а „Les mystères du Sérail“ имѣютъ цѣлью доказать, что положеніе женщинъ въ Турціи несравненно свободнѣе и почетнѣе, нежели въ Евро-

пѣ. Подобными парадоксами переполнены и другія сочиненія г-жи Одуаръ, которыя имѣли то, что называютъ французы, effet du scandale, и разошлись во многихъ изданіяхъ

Случайно познакомился я съ г-жею Одуаръ въ 1871 году въ Парижѣ, и такъ какъ это знакомство произошло при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, то я позволилъ себѣ описать ихъ *), какъ матеріалъ для характеристики настроенія Парижа въ началѣ войны. Читатель увидитъ съ какимъ малымъ сочувствіемъ относились парижане къ войнѣ, которая окончилась для нихъ такъ печально.

Война кипѣла уже на рейнской границѣ; каждый день проходили по парижскимъ бульварамъ линейныя войска и мобили, отправлявшіеся на театръ войны; каждую ночь ходили по улицамъ, нанятыя по всей вѣроятности не въ мѣру усердной полиціей, толпы гаменовъ и пьяныхъ рабочихъ, распѣвая съ гамомъ и свистомъ первый куплетъ марсельезы и à Berlin; подъ звуки знаменитаго гимна ежедневно отплясывали канканъ и вальсъ веселые посѣтители Мабиля и Closerie des Lilas, какъ вдругъ было объявлено огромными афишами, наклеенными на всѣхъ углахъ Парижа, что г-жа Одуаръ прочитаетъ лекцію объ участіи женщинъ

*) Въ письмѣ помѣщенномъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1872 г.

въ войнѣ. Предметъ, казалось, какъ нельзя болѣе современный и подходящій.

Я ожидалъ большой толпы, читая въ „Figaro“ описаніе ея прежнихъ конференцій, касавшихся болѣе хлесткихъ вопросовъ, и заблаговременно запасся билетомъ;но, къ моему удивленію, ярко освѣщенная газомъ зала конференціи на бульварѣ des Capucines была совершенно пуста. Только нѣсколько англичанъ терпѣливо сидѣли, не шевелясь и не моргая, на своихъ стульяхъ. Потолокъ и стѣны залы были разрисованы небесными свѣтилами и мистическими знаками, показывая, что она служила прежде для собранія какой нибудь франъ-масонской ложи.

Послѣ небольшаго ожиданія, появился господинъ во фракѣ, ведя за руку г-жу Одуаръ, одѣтую въ изящное бальное платье, очень сильно декольтированное. Она была очень красива собою, роскошно сложена, имѣла прекрасные бѣлокурые волосы, и вообще на видъ ей казалось не болѣе тридцати лѣтъ, хотя безпощадный Вапрò изобличалъ ее въ томъ, что ей уже подъ сорокъ. Разсѣвшись весьма кокетливо, расправивъ складки платья, поигравъ вѣеромъ и обшивкой своего декольте, снявъ перчатку и выпивъ немного сахарной воды, г-жа Одуаръ, не обращая никакого вниманія на совершенно пустой залъ, начала читать, или, вѣрнѣе, разсказывать содержаніе небольшой рукописи, написанной на изящной почтовой бумагѣ и лежавшей передъ нею.

Читала она очень хорошо, пріятно картавя и съ притворнымъ чувствомъ. Для сильнѣйшаго эффекта, окончивъ рукопись, она взяла извѣстную книгу Шеню, и прочла въ ней описаніе поля сраженія подъ Сольферино тономъ актрисы, убивающейся въ трагедіи надъ трупомъ своего милаго. Комизмъ заключался въ томъ, что въ рукописи стояли безпрерывныя обращенія: Vous, femmes francaises!, а между тѣмъ въ залѣ не было ни одной женщины. Нѣсколько разъ повторила также г-жа Одуаръ, что она ррррреспубликанка и ненавидитъ вторую имперію, и закончила выраженіемъ пуассардки: Sus aux prussiens, произнесеннымъ, впрочемъ, любезнымъ тономъ француженки, посѣтившей уже всѣ столицы Европы и, вѣроятно, Берлинъ.

Англичане выслушали конецъ, не поморщась; я похлопалъ въ ладоши, имѣвъ случай прослушать conférence, почти спеціально для меня произнесенную. Затѣмъ г-жа Одуаръ вынула изъ портмоне 20 франковъ и положила ихъ на столъ въ пользу раненыхъ; англичане мгновенно опустили руки въ карманы и вынули по наполеону. Собравъ наши приношенія, г-жа Одуаръ скромно замѣтила, какъ ей пріятно, что слова ея не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо, за всѣми расходами, доставили бѣднымъ раненымъ 120 франковъ, которые будутъ переданы Международному Обществу вспоможенія раненымъ.

Мнѣ очень понравилось спокойствіе, съ которымъ г-жа Одуаръ перенесла неуспѣхъ своего предпріятія, и очень деликатно отнеслась къ своимъ немногочисленнымъ слушателямъ, не сокращая и не измѣняя чтенія.

Я подошелъ къ проповѣдницѣ женской эмансипаціи, изящная наружность которой такъ сильно не согласовалась съ ходящими понятіями объ отталкивающей внѣшности *синихъ чулковъ*, и старался, дѣлая комплементы ея таліи и наряду, утѣшить разсказами объ успѣхѣ романовъ ея въ Россіи, гдѣ нѣкоторые переведены и на русскій языкъ. Оказалось, что г-жа Одуаръ бывала въ Петербургѣ и знаетъ нѣсколько Россію. Мы поговорили также о войнѣ, и я узналъ, что она „ненавидитъ“ пруссаковъ, не будучи однако въ состояніи объяснить причины своей ненависти.

Случай этотъ, который я припомнилъ, читая замѣтку „Биржевыхъ Вѣдомостей“, показываетъ, съ какимъ равнодушіемъ относились французы къ существеннѣйшимъ вопросамъ войны; въ запискѣ г-жи Одуаръ были очень хорошо собраны примѣры дѣятельности на пользу раненыхъ въ Америкѣ въ 1861—1865 годахъ и Пруссіи въ 1866 году, съ указаніемъ на то, чѣмъ не худо было бы воспользоваться...

II.

Въ Версальскомъ Національномъ Собраніи.

Быстро перенесся я въ маѣ 1874 года съ естественнаго асфальта Баку на искусственные асфальты Парижа, конечно, не съ цѣлью проскучать, но попалъ не совсѣмъ удачно, во время сильнѣйшихъ жаровъ, вызвавшихъ остроумный отвѣтъ одного депутата, который, на вопросъ: „Pourquoi vous ne fondez rien“ (отчего вы не основываете ничего, т. е. монархіи или республики), отвѣчалъ: „Mais parce que nous fondons nous même“ (потому что мы сами таемъ). Рискуя точно также растаять, я просидѣлъ нѣсколько вечеровъ въ „Palais Royal“ „Gymnase“ и „Porte Saint-Martin“, единственныхъ театрахъ, привлекавшихъ еще публику. Затѣмъ, кромѣ кафешантановъ въ Елисейскихъ поляхъ и публичныхъ баловъ, ничего болѣе къ обозрѣнію не оставалось. Мнѣ пришло тогда на мысль посѣтить болѣе обширный театръ, гдѣ семьсотъ актеровъ ежедневно разъигрываютъ передъ всей Франціей трагикомедію, которой не предвидится конца и которая

порядкомъ уже надоѣла публикѣ. Какъ нарочно, въ версальскомъ собраніи въ это время одно засѣданіе было интереснѣе другаго; я, однако, колебался ѣхать, зная, что охотниковъ посѣщать интересныя засѣданія очень много, а прогуляться понапрасну по жарѣ въ Версаль не казалось мнѣ очень заманчивымъ.

Въ первый разъ я поѣхалъ, когда былъ назначенъ къ слушанію докладъ Вантавона, имѣя рекомендательное письмо къ одному радикальному депутату департамента Эро́. Нужно замѣтить, что мѣста для публики раздаются по билетамъ, права на которые принадлежатъ депутатамъ поочереди, въ алфавитномъ порядкѣ. Попасть этимъ путемъ въ собраніе очень трудно; гораздо проще поѣхать на-авось, и тамъ, при помощи какого-либо знакомаго депутата, отыскать гдѣ-нибудь свободное мѣстечко. Такъ я и сдѣлалъ. Изъ Парижа въ Версаль каждый часъ отходитъ по поѣзду, съ праваго и лѣваго берега Сены. Въ особенности много публики, и особенно депутатовъ, ѣдутъ въ поѣздѣ, отходящемъ въ половинѣ перваго отъ дебаркадера „Saint-Lazar“, гдѣ побили Гамбетту. Расположенный вблизи новый кварталъ, такъ-называемый „Европейскій“ — отъ названія улицъ по именамъ всѣхъ европейскихъ столицъ — населенъ преимущественно депутатами. На дебаркадерѣ дается билетъ съ правомъ обратнаго проѣзда; поѣздъ идетъ прямо въ Версаль въ полчаса, не заходя ни на одну

промежуточную станцію. Народу на поѣздѣ множество; депутаты отличаются фантастическими костюмами и связками разныхъ отчетовъ, стенограмъ и другихъ произведеній государственной типографіи; чиновники, ѣдущіе съ докладами—черными сюртуками и ленточками Почетнаго Легіона; дамы—шикарными нарядами, заставляющими предполагать, что даже на законодательное собраніе онѣ смотрятъ только, какъ на средство выставлятъ издѣлія своихъ модистокъ. Во время пути всѣ читаютъ газеты отъ „Union“ до „Rappel“ включительно, такъ что убѣжденія каждаго у всѣхъ въ рукахъ и на яву.

По приходѣ въ Версаль, толпа бросается въ омнибусы съ надписью Assemblée; при этомъ почтенные виконты съ правой стороны, по свойственной французамъ разсчетливости, не брезгаютъ взбираться на имперіалъ. Въ нѣсколько минутъ, по подстриженнымъ бульварамъ, омнибусъ доѣзжаетъ до Cour du Maroc, откуда входятъ въ трибуны національнаго собранія. Входъ не имѣетъ ничего представительнаго: низкая дверь, нѣсколько темныхъ корридоровъ и лѣстницъ, огромная кордегардія, гдѣ рота солдатъ, какъ бы молча, говоритъ депутатамъ: „Mandataires du pays, deliberez en paix!“, наконецъ, прихожая. Тутъ величественные лакеи, въ черныхъ фракахъ съ красными воротниками, служатъ посредниками между публикою и депутатами. Публику запираютъ въ особую ком-

мату съ окнами въ роскошный версальскій садъ, и въ изобиліи предлагаютъ бумагу, перья и чернила. Каждый по приходѣ пишетъ своему знакомому депутату болѣе или менѣе убѣдительное письмо. Въ прихожей всегда можно найти одного или двухъ блузниковъ, пришедшихъ посмотрѣть на Monsieur Ordinaire-fils или Бароде—смирнѣйшаго человѣка, которому Тьеръ создалъ почему-то репутацію страшнаго революціонера, нѣсколькихъ аббатовъ и множество разряженныхъ барынь.

Дожидаться приходится довольно долго, потому что засѣданіе начинается не ранѣе половины третьяго, а большинство депутатовъ еще запаздываютъ. Время между вторымъ и третьимъ часами очень интересно въ прихожей; тогда всѣ вызванные депутаты выходятъ объясняться съ своими друзьями, а вызываютъ ежедневно, по крайней мѣрѣ, половину членовъ Собранія. Лакеи торжественно провоглашаютъ: „Monsieur, qui a demandé M. le generale Mazure! Monsieur, qui a demandé M. le marquis de Lur-Saluces!“ и т. д. При этомъ по очереди можно видѣть большинство членовъ собранія и ознакомиться съ ихъ физіономіями. Каждый депутатъ увѣряетъ своихъ знакомыхъ, что мѣстъ на трибунахъ больше нѣтъ, что квесторъ, или, такъ сказать, экзекуторъ собранія, Базъ, неумолимъ, и т. д. Та же исторія произошла и со мной. Депутатъ, къ которому у мена было письмо, сходилъ въ квестуру, справился и вернулся ни съ

чѣмъ. Встрѣтивъ одного знакомаго русскаго, я заболтался и не уходилъ; въ это время вызванъ былъ Пуйе-Кертье. По обыкновенію, онъ вышелъ, выпивъ свои утреннія двѣ бутылки вина, и разговаривалъ потому во все горло; своему пріятелю онъ тотчасъ же отыскалъ мѣсто. Это мнѣ невольно подало мысль, что въ версальской квестурѣ мѣряютъ на двѣ мѣры, и что необходимо въ другой разъ обратиться къ какому-либо члену правой стороны. Кстати у одного моего пріятеля въ Парижѣ братъ оказался депутатомъ Сѣвернаго департамента, сидящимъ сзади министерской скамьи и, не разѣвая рта, поднимающимъ аккуратно руку, когда того требуется. Письмо къ нему оказало магическое дѣйствіе. Толстый chef des huissiers собранія, въ расшитомъ шелками фракѣ, со шпагою, увѣрялъ, что мѣстъ нѣтъ, что народу уже „тысящи якобы двѣ“ (дѣло было при обсужденіи предложенія Казиміра Перье).—„Но г. Базъ проситъ васъ устроить этого „étranger de distinction“, отвѣчалъ мой неумолимый депутатъ. Chef des huissiers повиновался и повелъ меня въ трибуну, принадлежащую муниципальному совѣту, гдѣ было хотя тѣсненько, но видно довольно хорошо. Послѣ того я пользовался еще этой трибуной.

Чтобы дать читателямъ понятіе, чтó такое засѣданіе въ версальскомъ національномъ собраніи, я опишу засѣданіе, гдѣ обсуждалось предложеніе маркиза Кастелляна и Малартра объ отсрочкѣ за-

9

нятій палаты и обсужденія доклада Вантавона до зимы, такъ какъ въ этомъ засѣданіи участвовало много ораторовъ изъ всѣхъ партій національнаго собранія, а не занималъ, какъ наканунѣ цѣлаго засѣданія Брольи чтеніемъ, подъ видомъ рѣчи, длиннѣйшей статьи „Revue des deux Mondes“. Конечно, я не буду передавать въ подробности рѣчей, а опишу только, такъ сказать, физіономію преній.

Національное собраніе помѣщалось въ дворцовомъ театрѣ, точно такъ же, какъ нѣкогда конвентъ помѣщался въ театрѣ Тюильри. Зала версальскаго театра имѣетъ форму лиры; колонны и ложи сдѣланы изъ дерева и окрашены красною краской, подъ мраморъ; надъ сценою укрѣпленъ огромный королевскій гербъ, съ тремя лиліями—нѣсколько странное украшеніе для республиканскаго собранія! На сценѣ, закрытой на половину занавѣсью, довольно грубо размалеванной, поставлена трибуна для оратора; сзади ея—президентское кресло, рядомъ съ которымъ сидѣли секретари собранія; стенографы стояли у столиковъ около трибуны. Искусство ихъ необычайно; я свѣрялъ печатные отчеты съ тѣмъ, что́ слышалъ, и удивлялся точности въ записываніи даже самыхъ незначительныхъ восклицаній. Сзади президента поставлено было нѣсколько столовъ для стенографовъ и чиновниковъ бюро палаты. Передъ трибуною—скамейка, на которой возсѣдали три huissiers, въ мундирахъ, обязанность которыхъ заключается въ томъ, чтобы

кричать во все горло „Silence, messieurs!“ когда президентъ говорилъ или звонилъ въ колокольчикъ. Колоколъ этотъ—весьма приличныхъ размѣровъ; къ нему придѣланъ рычагъ, чтобы можно было удобнѣе звонить однимъ нажиманіемъ руки. Лицомъ къ трибунѣ поставлена скамья министровъ, а по лѣвую и правую ея сторону—скамьи для членовъ коммисій, доклады которыхъ обсуждались въ засѣданіи. Весь партеръ и бенуаръ занимались депутатами; для этого въ партерѣ находились сначала десять рядовъ креселъ, соединенныхъ въ три скамейки; а затѣмъ четырнадцать рядовъ въ двѣ скамейки, въ бенуарѣ — два ряда скамеекъ. Каждому депутату досталось мѣста очень немного; передъ скамейками, къ спинкамъ переднихъ креселъ, придѣланъ узенькій столикъ съ чернильницами и ящиками. Мѣстъ все-таки недостаточно, и на многія мѣста въ собраніи приходилось по два депутата. Въ засѣданіяхъ, впрочемъ, многія мѣста пустовали, потому что депутаты, охотники до перерывовъ, или нѣсколько тугіе на-ухо, предпочитали стоять близъ трибуны оратора, въ проходахъ, образуемыхъ между мѣстами секретарей собранія и скамейками коммисій. Собственно говоря, это запрещено, но президентъ тщетно нѣсколько разъ всякое засѣданіе упрашивалъ депутатовъ сѣсть на свои мѣста. Нужно даже удивляться терпѣнію нѣкоторыхъ изъ депутатовъ—простоять на ногахъ

засѣданіе, продолжающееся не менѣе четырехъ или пяти часовъ.

Депутаты сидѣли группами, по оттѣнкамъ своихъ мнѣній, хотя неудобное помѣщеніе, случайно превращенное изъ театра, не позволило сдѣлать это съ должнымъ тщаніемъ. Среднія и правыя— считая отъ президента—первыя десять и вторыя четырнадцать скамеекъ занимали члены праваго центра, правой стороны и бонапартисты; скамейку на правой сторонѣ бенуара занимала крайняя правая, такъ-называемые „cheveau-légers“; остальныя мѣста въ партерѣ достались членамъ лѣваго центра и республиканской лѣвой; на лѣвыхъ скамейкахъ бенуара засѣдалъ впереди лѣвый центръ, а далѣе — крайняя лѣвая сторона, такъ-называемый республиканскій союзъ, захватывавшій также и лѣвый край партера. Отсюда выходили самые сильные перерывы; потому во время важныхъ преній президентъ собранія все время стоялъ, держась правою рукою за рычагъ колокольчика, а глаза не сводя съ крайней лѣвой, въ надеждѣ поймать какого-либо черезчуръ рьянаго депутата, чтобы призвать его къ порядку. Впрочемъ, и на крайней правой сторонѣ ревѣли при случаѣ ужасно; шумъ даже тамъ бывалъ гораздо значительнѣе, такъ какъ между членами правой было болѣе молодежи, со здоровыми глотками, да къ тому же воспитаной на деревенскомъ чистомъ воздухѣ.

Ложи бель-этажа превратились въ трибуны для

публики и разныхъ почетныхъ лицъ; для публики тутъ мѣстъ немного—только на лѣвой сторонѣ, рядомъ съ ложей президента республики; остальное мѣсто занимали ложи президента собранія, бюро собранія, квесторовъ, главнокомандующаго парижской арміей, генераловъ, государственнаго совѣта, старыхъ депутатовъ и, наконецъ, дипломатическаго корпуса, помѣщавшагося очень комфортабельно въ царской ложѣ. Тутъ почти въ каждое засѣданіе можно было видѣть нашего посла князя Орлова, папскаго нунція и посланниковъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ державъ. Ярусъ надъ бель-этажемъ отданъ былъ почти весь для публики только средняя ложа, приходящаяся надъ дипломатической ложей, удѣлена представителямъ печати. Бѣдные репортеры не имѣли ни столовъ, ни пюпитровъ, и принуждены были дѣлать отмѣтки, держа листки бумаги на колѣняхъ—положеніе не легкое, если засѣданіе длится нѣсколько часовъ. Около ложи журналистовъ двѣ небольшія ложи отводились для офицеровъ и для муниципальнаго совѣта; въ послѣдней, какъ сказано выше, сидѣлъ и я. Она приходилась надъ крайнею лѣвой, которой я потому видѣлъ только часть, приходящуюся подъ ложей президента республики. Затѣмъ зала закрыта сверху потолкомъ, сначала полукруглымъ, въ которомъ сдѣланы круглыя, рѣшетчатыя отверзтія, также ведущія въ мѣста для публики, и, наконецъ, плоскимъ стекляннымъ по-

толкомъ. Свѣтъ падалъ въ залу собранія сверху и освѣщалъ ее лѣтомъ вполнѣ удовлетворительно; въ акустическомъ отношеніи зала также недурна, но недостатокъ ея, какъ я уже сказалъ, заключается въ тѣснотѣ помѣщенія.

При первомъ взглядѣ на собраніе невольно поражало изобиліе плѣшивыхъ головъ; если бы сложить всѣ лѣта депутатовъ, то средній возрастъ навѣрное былъ бы болѣе пятидесяти лѣтъ; въ особенности много стариковъ засѣдало на лѣвой, а лѣвый центръ состоялъ большею частью изъ совершенныхъ развалинъ. Второе, что обращало вниманіе—это нѣкоторая затрапезность костюмовъ депутатовъ. Французы вообще имѣютъ репутацію франтовъ, но въ собраніи, за малымъ исключеніемъ, всѣ одѣвались очень просто, и даже небрежно, по-домашнему, въ пиджакахъ, старыхъ сюртукахъ, въ какихъ-то невозможныхъ цвѣтныхъ и полосатыхъ жилетахъ; нѣкоторые старики сидѣли даже въ ермолкахъ. Болѣе дендизма въ костюмахъ замѣчалось между cheveau-légers, гдѣ бывшій министръ Лабульери съ широкимъ проборомъ на затылкѣ могъ считаться типомъ совершеннаго льва. Большинство извѣстныхъ французскихъ депутатовъ хорошо знакомы по портретамъ, потому ихъ легко отъискивать въ средѣ другихъ; кромѣ того, очень помогалъ для поисковъ продаваемый у входа планъ собранія, гдѣ обозначено мѣсто каждаго депутата. На крайней правой я обратилъ

особое вниманіе на Дюпанлу—человѣка съ красной физіономіей и длиннымъ носомъ, въ скромной черной рясѣ; недалеко отъ него, на той же скамейкѣ, сидѣлъ весьма некрасивый Бараньонъ, а напротивъ, на ближайшей скамьѣ праваго центра — Руэръ, съ его замѣчательной лысиной и надутымъ видомъ. Сзади Дюпанлу выглядывалъ худенькій Лефло, французскій посолъ въ Петербургѣ, около котораго помѣщалась круглая, какъ арбузъ, фигура барона де-Плёка, управлявшаго французскимъ банкомъ при коммунѣ. Лѣвѣе, также въ ложахъ бенуара, сидѣли сливки легитимистской партіи— Ларошфуко, Карайонъ-Латуръ, Лабульери, Аббовиль и др.; всѣ они держали себя въ засѣданіи очень скромно и прилично; за то отличался засѣдавшій недалеко отъ нихъ де-Лоржериль, оригинальная красная фигура, въ истертомъ пиджакѣ, бѣломъ жилетѣ и постоянно разстегнутыхъ панталонахъ. При каждой рѣчи члена лѣвой стороны онъ метался во всѣ стороны, кричалъ и дѣлалъ забавные жесты. Вантавонъ, умнѣйшая голова крайней правой стороны—небольшой старичекъ, съ большой головой и одной ногой короче другой, помѣщался тутъ же.

Перпендикулярно къ этимъ скамьямъ сидѣли также крайніе правые, врѣзываясь, такъ сказать, въ правый центръ. Характернѣе другихъ выдавались тутъ фигуры извѣстнаго клерикала, генерала дю-Тампля, съ длинными волосами и нѣжными чер-

тами лица, похожаго скорѣе на піаниста, чѣмъ на генерала, и Гаварди, довольно молодаго, желтаго, какъ пергаментъ, и съ отталкивающей физіономіей. Правый центръ приходился ко мнѣ болѣе спиной, такъ что я разсмотрѣлъ изъ него только тѣхъ, кто говорилъ съ трибуны или былъ вызываемъ въ прихожую. Главная его знаменитость, Одифре-Пакье, сидѣлъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ крайней правой, а другой корифей—Брольи, являвшійся въ бѣломъ костюмѣ, нѣсколько странномъ для его почтенной физіономіи, не имѣлъ опредѣленнаго мѣста и сидѣлъ гдѣ попало. На министерской скамьѣ засѣдали почти всѣ министры, между которыми выдавалась стриженная голова Сиссѐ, почесывавшаго безпрерывно затылокъ. Въ лѣвомъ центрѣ обращалъ на себя, конечно, болѣе всѣхъ вниманія публики Тьеръ — маленькая фигура, съ бѣлымъ хохолкомъ и коротенькой шеей; его окружали все старыя друзья — Малевиль, Греви и др. лысые старики. На крайней лѣвой сторонѣ залы виднѣлись бѣлокурая фигура Леройе, одного изъ лучшихъ ораторовъ умѣренной республиканской партіи, и рѣзкія черты Араго, громовый голосъ котораго одинъ покрывалъ шумъ въ собраніи. Гамбетта, коноводъ крайней лѣвой стороны, рѣдко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а стоялъ обыкновенно съ лѣвой стороны у трибуны и прерывалъ ораторовъ. Вокругъ него всегда было много сателлитовъ изъ радикальныхъ членовъ собранія.

Крайняя лѣвая партія заключала въ себѣ трехъ некрасивѣйшихъ людей во Франціи: Кремьё, Литтре и Накѐ. Жюль Фавръ также если могъ чѣмъ удивить, то никакъ не красотою. Я отказываюсь упоминать другія имена, обратившія мое вниманіе, потому что пришлось бы пересчитывать десятки именъ, одинаково у насъ извѣстныхъ.

Ровно въ два съ половиною часа раздался барабанный бой: это караулъ привѣтствуетъ Бюффе, который, во фракѣ, приходитъ на свое мѣсто и звонитъ. Засѣданіе открыто. Бюффе далеко не имѣетъ тѣхъ тонкихъ чертъ лица, которыя рисуютъ на его портретахъ; въ лицѣ его есть нѣчто еврейское. Послѣ звонка какія-то лица что-то отдавали президенту, говорили съ трибуны; одинъ изъ секретарей что-то читалъ; но изо всего этого буквально не долетало ни одного слова, потому что депутаты ходили по залѣ, громко разговаривали, и вообще не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что́ происходитъ на трибунѣ. Изъ газетъ я уже сообразилъ, что это было чтеніе протокола предшествующаго засѣданія, сообщеніе докладовъ коммисій и поправки голосованій. Мало-по-малу депутаты разсаживались по мѣстамъ, но долго еще не дѣлались внимательнѣе; одни писали письма, другіе читали газеты и различныя оффиціальныя изданія, раздаваемыя каждому депутату.

Вошелъ, наконецъ, на трибуну маркизъ де-Кастеллянъ—молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми

вьющимиси волосами, въ черномъ сюртукѣ и черномъ галстухѣ, закрывающемъ сорочку—совершенная фигура молодаго іезуита. Не успѣлъ онъ произнести слова „messieurs!“, какъ лѣвая сторона какъ-то загоготала. Нужно сказать, что у разныхъ партій есть свои любимцы и свои антипатіи; Кастеллянъ—хорошій ораторъ, говорилъ ясно и красиво, извѣстенъ, какъ авторъ недурной книги, монархистъ довольно умѣренный, тѣмъ не менѣе онъ былъ ненавистенъ лѣвой сторонѣ, которая не позволяла ему никогда докончить рѣчи. Правая сторона дѣлала то же самое съ Казиміромъ Перье, Дювержье-де-Гораннomъ и нѣкоторыми другими, которыхъ считала ренегатами. Какъ ни звонилъ Бюффе, какъ ни кричала правая сторона: „Да выслушайте же оратора!“, какія паузы ни дѣлалъ Кастеллянъ, дожидаясь возстановленія спокойствія, ничего не помогало. Онъ договорилъ, однако, свою рѣчь при страшномъ шумѣ. На бѣду еще, въ одномъ мѣстѣ Кастеллянъ проврался: исчисляя причины, по которымъ необходимо отсрочить засѣданія собранія, Кастеллянъ упомянулъ о chaleurs sénégaliennes въ Парижѣ. Въ этотъ день вообще было прохладно, а тутъ какъ на зло дождь забарабанилъ по стеклянному потолку залы. Громкій хохотъ со всѣхъ сторонъ собранія прервалъ рѣчь оратора. Кастеллянъ сошелъ съ трибуны, не вызвавъ ни одного апплодисмента, даже отъ своихъ друзей, хотя говорилъ недурно.

На трибуну вошелъ Эрнестъ Пикаръ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ ораторовъ собранія, вмѣстѣ съ Фавромъ и Олливье единственные нѣкогда представители оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ имперіи, во времена Морни. Къ сожалѣнію, Пикаръ рѣдко являлся на трибунѣ, что́ не удивительно, если принять въ соображеніе его тучную, облѣнившуюся фигуру, съ длинными, также вьющимися волосами. Если Кастеллянъ видимо затвердилъ свою рѣчь, то Пикаръ свою импровизировалъ. Онъ говорилъ съ достоинствомъ и убѣдительно, придумывая остроумныя фразы и опредѣленія. Правая сторона слушала его охотно, хотя и прерывала, оправдываясь тѣмъ, что лѣвая не хотѣла слушать Кастелляна. Только упоминаніе о 4-мъ сентября вызвало цѣлую бурю; Депэръ, Лабордери, Лоржериль вскочили съ своихъ мѣстъ и положительно осыпали оратора бранью. Послѣ Пикара появился на трибунѣ старикъ, въ бѣлокуромъ парикѣ, съ вставными зубами и гусиными лапками на щекахъ, одѣтый щегольски. „C'est le géneral Changarnier, nous allons entendre des bêtises", заговорили около меня въ трибунѣ. Появленіе генерала лѣвая сторона встрѣтила громкимъ и неумолкаемымъ смѣхомъ. Шангарнье скрестилъ руки и величественно смотрѣлъ на смѣющихся; смѣхъ, конечно, отъ этой драматической позы только усилился. Изъ-за смѣха, Шангарнье слышно почти

не было; онъ говорилъ преимущественно изреченіями изъ Горація:

Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horir
Ducere sollicite jucunda oblivia vitas

и повторяя т. п. восхваленія сельской жизни, приглашалъ собраніе разъѣхаться погулять. Правая сторона хлопала Шангарнье очень усердно.

Послѣ него сразу хотѣли взойти на трибуну трое: министръ внутреннихъ дѣлъ, Ферэ и Рауль Дюваль. Остался на трибунѣ послѣдній. Рауль Дюваль—тайный бонапартистъ, дружившій съ правой стороной, но подъ часъ готовый, повидимому, сойтись съ лѣвой; если убѣжденія его сомнительны, то ораторскій талантъ несомнѣненъ. Дюваль говоритъ не совсѣмъ гладко, какъ-то рубитъ; высокая фигура его съ рыжей бородой перескакиваетъ не совсѣмъ граціозно съ одной стороны трибуны на другую; за то у него есть сила, горячность и то, что́ называется esprit des repartis. Онъ удивительно ловко срѣзываетъ всякаго, кто дерзнетъ его прервать. Кастеллянъ остановилъ было его; Дюваль отвѣтилъ ему такъ искусно, что всѣ около меня заговорили въ трибунѣ: „Oh! celui-là n'interrompera plus". Лѣвая сторона очень рукоплескала Дювалю, говорившему противъ отсрочки; за то правая прерывала его, но громкій голосъ оратора легко покрывалъ перерывы.

За Дюваленъ взошелъ на трибуну довольно молодой брюнетъ, съ чрезвычайно добродушной,

наивной и живой физіономіей; весьма нескладно началъ защищать онъ предложеніе Кастелляна, дѣлая странные жесты, постоянно заговариваясь и произнося безсмысленныя фразы въ родѣ: „et vous, vrais romains, imitez le Spartiate (вѣроятно, Ликурга) pour organiser le Maréchal!“ Это оказался Малартръ, членъ крайней правой стороны; лѣвая сторона слушала его курьезное словоизверженіе, повидимому, не понимая, что̀ эта притча означаетъ; но Малартръ такъ добродушно улыбался, повторяя постоянно, что онъ не спеціалистъ, и потому ничего не знаетъ, что жаль было его прервать. Терпѣніе, однако, скоро истощилось. Раздались крики: „assez, assez“! Малартръ сошелъ съ трибуны; такъ какъ онъ другъ епископа Дюпанлу, то крайняя правая сдѣлала ему родъ оваціи, принятой ироническимъ смѣхомъ лѣвой стороны.

За Малартромъ появилась на трибунѣ длинная, худая фигура старика Ферэ, предсѣдателя лѣваго центра, очень богатаго фабриканта. Собраніе слушало съ уваженіемъ его довольно складную рѣчь, хотя онъ и говорилъ противъ желанія большинства, т. е. противъ отсрочки засѣданій. Не успѣлъ Ферэ окончить, какъ на трибуну взобрался знаменитый устройствомъ лурдскаго и другихъ богомолій де-Белькастель—совершенно лошадиная, физіономія, съ вдавленнымъ лбомъ и выдающимися челюстями. Онъ промямлилъ нѣсколько словъ, на которыя никто не обратилъ ни малѣй-

шаго вниманія. Всѣ ждали, каково же, наконецъ, мнѣніе правительства; неужели оно, представивъ само проектъ организаціи власти Макъ-Магона, будетъ защищать полугодовую отсрочку засѣданій національнаго собранія? Когда новый министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Шабо-Латуръ, поднялся съ своего мѣста, воцарилось молчаніе. Шабо-Латуръ—одинъ изъ видныхъ представителей реформатской церкви во Франціи, а потому краснорѣчіе его сильно напоминало краснорѣчіе реформатскаго пастора; кромѣ того, онъ генералъ, а во Франціи военные рѣдко могутъ избавиться отъ особой складки, свойственой grrrande arrrmée frrançaise. Когда Шабо-Латуръ сталъ поддерживать Малартра, лѣвая сторона, особенно Гамбетта, начала прерывать его довольно безцеремонно. Нужно было видѣть, какіе ужасные взгляды кидалъ суровый генералъ, эспаньолка его тряслась отъ злости, онъ нѣсколько разъ схватывалъ лежавшее на трибунѣ посланіе президента республики и дѣлалъ видъ, что сейчасъ же перестанетъ говорить и уйдетъ; но эта тактика мало помогала. Бюффе звонилъ во всю ивановскую и просто выходилъ изъ себя, увѣряя, что перерывы рѣчи министра—отрицаніе всякаго подобія парламентскаго правительства. Рѣчь Шабо-Латура закончилась не совсѣмъ почтительнымъ смѣхомъ лѣвой стороны. Министру возражалъ Пикаръ, довольно остроумно осмѣявшій литературныя претензіи

Шангарнье и незамѣтно переведшій пренія на жгучій вопросъ о распущенія. На этотъ разъ Пикара уже слушали менѣе терпѣливо; когда же онъ сказалъ, что всегда уважалъ права собранія, то вся правая единогласноза кричала: „Allons donc!“,

На этомъ пренія могли бы закончиться: все было сказано за и противъ, или, вѣрнѣе, ничего не сказано, потому что всѣ ораторы вертѣлись на самыхъ общихъ мѣстахъ: спокойствіе, дѣла въ застоѣ, мнѣніе избирателей и т. п. слова. Но есть всегда охотники болтать; къ числу ихъ принадлежалъ Родо, одинъ изъ общеуважаемыхъ членовъ правой стороны собранія, прославившійся настойчивымъ требованіемъ сокращенія всѣхъ почти статей государственнаго бюджета. Всѣ говорятъ о застоѣ въ дѣлахъ; послушаемъ un homme d'affaires—разсуждали депутаты. Родо хотя говорилъ гладко, громко, но ораторъ онъ самый посредственный. Онъ скоро надоѣлъ своей болтовней собранію, которое прерывало его, довольно, впрочемъ, любезно. Зашелъ споръ о диктатурѣ. Это вы будущіе диктаторы, добродушно смѣясь, говоритъ Родо, грозя пальцемъ Гамбеттѣ и Шальмель Лакуру; тѣ только улыбались. Старческая болтовня Родо утомила всѣхъ, и когда на трибунѣ появился Леперъ, черноволосый ораторъ крайней лѣвой стороны, большой охотникъ говорить рѣчи, хотя у него буквально зубъ со свистомъ, но бóльшая часть собранія заревѣла „la clôture“! Пробовалъ было говорить

Малартръ, пальцами показывая, что будетъ говорить двѣ минуты, минуту, наконецъ, полъ-минуты, но и ему не дали болѣе разинуть рта. Президентъ спросилъ мнѣніе о прекращеніи преній; множество правыхъ рукъ, поднятыхъ кверху, рѣшило пренія закончить.

Начались длинныя пререканія о постановкѣ вопроса для баллотировки, съ неизмѣнными указаніями на нарушеніе будто бы устава собранія и т. п.; по-очереди говорили многіе ораторы и особенно президентъ; кое-какъ сговорились на счетъ баллотировки; тогда huissiers пошли обходить всѣ скамьи, держа въ рукахъ круглые зеленые жестяные ящики, запертые ключемъ, но съ прорѣзомъ наверху. У каждаго депутата въ столѣ лежитъ много печатныхъ, бѣлыхъ и синихъ, билетиковъ съ его фамиліей. Если онъ опускаетъ синій билетъ, значитъ онъ согласенъ съ предложеніемъ, бѣлый—значитъ не согласенъ. При такой системѣ баллотировки, удобно подавать голоса за отсутствующихъ; потому въ особенно важныхъ случаяхъ требуютъ „appel nominal“, т. е. депутаты, вызываемые по алфавиту, по-очереди подходятъ къ трибунѣ и тамъ уже опускаютъ въ урну билетъ. Послѣдняя система неудобна тѣмъ, что вмѣсто пяти минутъ требуетъ для разрѣшенія вопроса часа два. Собранные билеты секретари собранія ссыпаютъ въ корзины, отдѣляютъ синіе билеты отъ бѣлыхъ, и очень живо считаютъ. Че-

резъ нѣсколько минутъ президентъ объявилъ уже результатъ баллотировки; значительное большинство высказалось за предложеніе Малартра и Кастеляна. Это удивило всѣхъ, послѣ результатовъ предъидущаго дня, гдѣ распущеніе было отвергнуто только двадцатью девятью голосами; но оказалось, что бонапартисты подали тутъ голоса вмѣстѣ съ правой стороной.

По объявленіи результата баллотировки, большинство депутатовъ быстро направилось къ дверямъ, Тьеръ и Дюпанлу впереди всѣхъ, хотя предстояло еще обсужденіе бюджета министерствъ юстиціи, морскаго и колоній. Но немногіе депутаты интересуются такимъ вещами, какъ бюджетъ. Тутъ нельзя прерывать, нельзя дѣлать бойкихъ замѣчаній, и вообще трудно попасть въ procès-verbal, потому лучше ѣхать въ Парижъ, чтобы не опоздать къ обѣду. Остались въ собраніи, кажется, только президентъ, да Родо; покрайней мѣрѣ поѣздъ, съ которымъ я уѣхалъ, былъ переполненъ депутатами, продолжавшими спорить о результатѣ засѣданія.

На человѣка непривычнаго шумъ въ версальскомъ собраніи производитъ странное дѣйствіе: первое впечатлѣніе таково, точно попалъ въ домъ съумасшедшихъ. Но, строго говоря, можно-ли требовать бо̀льшаго спокойствія отъ собранія слишкомъ въ семьсотъ человѣкъ, да еще такого горячаго темперамента, какъ французы. Многочислен-

ность эта имѣетъ скорѣе другой недостатокъ: ужасно много времени теряется въ чисто византійскихъ словопреніяхъ и личныхъ пререканіяхъ. Американцы давно сознали неудобство очень многочисленныхъ собраній, и версальское собраніе, будь въ немъ не болѣе трехъ или четырехсотъ человѣкъ, гораздо скорѣе вершало бы дѣла. Національное собраніе заслужило много упрековъ; вездѣ почти третировали его довольно презрительно, указывая на безсиліе составить конституцію. По моему мнѣнію, едва ли эти упреки вполнѣ справедливы. Чѣмъ виноватъ барометръ, если дурна погода: такъ и собраніе. Конечно, оно раздробилось на партіи, которыя настолько враждовали другъ съ другомъ и противоположны были въ своихъ интересахъ что не въ состояніи были долго создать ничего прочнаго: но партіи эти находились не въ собраніи, а въ самой Франціи, и собраніе служило только ихъ вѣрнымъ отголоскомъ. Огромное большинство ничего еще не значитъ; въ Испаніи не было ни одной палаты, гдѣ бы правительство не располагало подавляющимъ большинствомъ голосовъ; а гдѣ эти правительства и гдѣ эти палаты? Если версальское собраніе было безсильно въ политическомъ отношеніи, расходясь коренныемъ образомъ въ конституціонномъ вопросѣ, то нельзя не признать, что оно много сдѣлало для ликвидаціи положенія, оставленнаго имперій, войной и Коммуной. Въ этомъ

случаѣ и особенно въ вопросахъ фанансовыхъ національное собраніе, проявило много здраваго смысла и патріотизма... Сознаюсь откровенно, что я не безъ чувства нѣкотораго уваженія вышелъ изъ стѣнъ версальскаго театра.

III.

На засѣданіи французскаго конгресса.

Я имѣлъ въ 1879 г. рѣдкій случай присутствовать при торжественномъ засѣданіи французскаго національнаго собранія (конгресса), созываемаго для измѣненія конституціи и для выбора президента республики. Конгрессъ 7 іюня, созванный для отмѣны 8-й статьи конституціи, обязывавшей палаты собираться непремѣнно въ Версалѣ, былъ первымъ конгрессомъ, занявшимся конституціоннымъ вопросомъ, а при недолговѣчности вообще французскихъ конституцій могъ быть и послѣднимъ. Понятенъ поэтому интересъ, съ которымъ французское общество и печать относились къ собранію, тѣмъ болѣе, что, какъ полагали тогда въ Парижѣ, по смыслу конституціи, разъ конгрессъ созванъ, онъ дѣлается самодержавнымъ и нѣтъ предѣла его власти. Конгрессъ имѣлъ слѣдовательно право коснуться и другихъ конституціонныхъ вопросовъ.

Благодаря волненію, съ которымъ обсуждался извѣстный законъ Ферри, о воспитаніи и скан-

даламъ, вызваннымъ этимъ обсужденіемъ, публика чрезвычайно внимательно слѣдила за засѣданіями палаты, а тутъ еще предстояло услышать Поля де-Кассаньяка, которому только-что былъ на три дня воспрещенъ входъ въ палату, но воспрещеніе это не могло касаться права участія въ конгрессѣ. Оставляя палату, Кассаньякъ назвалъ съ трибуны министровъ „мерзавцами и подлыми трусами"; поэтому можно было ожидать, какимъ тономъ онъ заговоритъ, получивъ случайно право снова явиться въ засѣданіе и стать лицомъ къ лицу съ тѣми же министрами.

Всѣ билеты для публики были заранѣе разобраны, но я рискнулъ поѣхать въ Версаль, вооружившись рекомендательнымъ письмомъ нашего почтеннаго соотечественника, г. Вырубова, къ квестору палаты, извѣстному колоніальному депутату де-Маги. Уже де-Маги разсыпался въ безконечныхъ извиненіяхъ въ невозможности втиснуть меня въ залу, уже я напомнилъ ему слова Наполеона I, что „невозможно" вовсе не французское слово, какъ совершенно случайно одинъ изъ сенаторовъ, проходившихъ мимо насъ, отдалъ де-Маги билетъ, оказавшійся ненужнымъ. Такимъ образомъ я попалъ на отличное мѣсто, прямо надъ крайнею лѣвою стороною. Зрѣлище досталось мнѣ, однако, не даромъ; надобно было встать утромъ въ 8 час. и просидѣть, хотя и съ перерывами, въ одинъ и тотъ же день три засѣданія подъ рядъ до 8 час. вечера.

Зала палаты депутатовъ, въ которой собрался конгрессъ, очень похожа на описанную уже мною выше залу, служившую для засѣданія національнаго собранія 1871—1875 гг., а затѣмъ временно отданную для помѣщенія сената. Это великолѣпная зала въ стилѣ Людовика XV, освѣщенная сверху, съ раззолоченнымъ потолкомъ и стѣнами и колоннами изъ красноватаго штюка. Къ одной изъ длинныхъ стѣнъ придѣлано возвышеніе, гдѣ помѣщаются президентъ, секретарь и ораторская трибуна. Надъ возвышеніемъ повѣшена громадная картина, изображающая открытіе генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. Два превосходныхъ гобелена и двое часовъ дополняютъ убранство. На трехъ противоположныхъ сторонахъ залы устроены трибуны, причемъ весь рядъ во второмъ этажѣ отданъ для журналистовъ парижскихъ, провинціальныхъ и заграничныхъ. Представителямъ печати отведено, кромѣ того, для занятій въ версальскомъ дворцѣ двѣ отличныя залы. Въ трибунахъ публики на половину дамъ въ роскошныхъ лѣтнихъ костюмахъ. На первой скамейкѣ трибунъ вообще по французской любезности предоставляется сидѣть только дамамъ. Такъ какъ француженки политикой очень мало интересуются, то усердное посѣщеніе собранія дѣлается исключительно ими съ цѣлью показывать свои новыя шляпки и т. п., а потому повсюду видны только одни молодыя и свѣжія лица. Публики было такъ много, что

сверхъ поѣздовъ, отходящихъ изъ Парижа въ Версаль каждые полчаса, было пущено еще три экстренныхъ поѣзда. Толпы около собранія особой не было, но войскъ конныхъ и пѣшихъ собрано и разставлено было въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько тысячъ. Очевидно боялись какихъ-то манифестацій; но страхи были напрасны.

Засѣданіе собранія открылось ровно въ 10 часовъ утра и къ этому времени прибыли почти всѣ сенаторы и депутаты. Аккуратность французскихъ законодателей поразительна. Изъ 835 сенаторовъ и депутатовъ, которые образуютъ конгрессъ, не явилось, не считая находящихся въ отпуску или по дѣламъ службы, только пятеро, и то по болѣзни. Открытіе конгресса происходило съ нѣкоторою церемоніей: пѣшіе жандармы выстроились шпалерою и президентъ сената, который долженъ предсѣдательствовать въ конгрессѣ, шелъ съ секретаремъ сената, квесторами, комендантами собраній, приставами и другими лицами въ торжественной процессіи по заламъ дворца, войска держали на караулъ и били барабаны. Въ залу Мартель вошелъ съ меньшею помпою, но все-таки въ совопровожденіи ряда приставовъ палаты въ мундирахъ и цѣпяхъ на шеѣ. Мартель во фракѣ и бѣломъ галстухѣ съ висками, зачесанными на лобъ, и подстриженными баками напоминалъ водевильнаго нотаріуса, но это тонкій человѣкъ, и благодаря громкому голосу и спокойствію, онъ предсѣдательствовалъ отлично и пользовался уваженіемъ товарищей.

Надобно знать, что лѣвая сторона, которая располагала въ конгрессѣ двумя третями голосовъ, предрѣшила все заранѣе, намѣтила кандидатовъ въ конституціонную коммисію, напечатала даже списокъ ея членовъ и приготовила докладъ. Послѣ двоекратнаго обсужденія вопроса о возвращеніи въ Парижъ въ палатѣ и въ сенатѣ, лѣвая считала засѣданіе конгресса одною формальностью. Недовольная такою подготовкою правая хотѣла нарушить заученную комедію и на этомъ основала свою тактику. Она знала, что въ концѣ концовъ будетъ побита, но по крайней мѣрѣ хотѣла выставить себя передъ страною защитницею серьезнаго яко бы обсужденія конституціонныхъ вопросовъ.

Въ залѣ сенаторы и депутаты сидѣли безъ опредѣленнаго порядка, раздѣляясь только для удобства голосованія на правую и лѣвую сторону. Надо было еще удивляться искусству архитектора Жоли, втиснувшаго въ залу лишнихъ 350 стульевъ для сенаторовъ. Съ этою цѣлью были разобраны перегородки подъ трибунами и поставлены стулья и столы въ проходахъ. Уничтоженіе перегородокъ увеличило весьма кстати резонансъ. Публика съ любопытствомъ разсматривала физіономіи депутатовъ и сенаторовъ. Гамбетта, расплывшійся, почти безъ шеи, въ широкомъ пальто, пришелъ очень рано и сѣлъ въ центръ прямо за министрами. Черезъ двѣ скамейки сзади его сидѣлъ сгорбленный Дюфоръ съ сѣдыми всклокоченными волосами и

бѣлыми нависшими бровями. Всѣ показывали на пріятельницу Гамбетты, г-жу Арну д'Аріежъ, полную, красивую даму въ соломенной шляпкѣ съ великолѣпнымъ бѣлымъ перомъ. На министерскихъ скамьяхъ присутствовали рѣшительно всѣ министры и моложавый на видъ толстякъ Ваддентонъ, и сѣдой и худой Фресине, и совершенно лысый круглолицый Греле, и съ кривымъ носомъ и фигурою камердинера хорошаго дома Ферри, Леперъ, Сей и др.; на лѣвой сторонѣ внизу выдавались типическая фигура Жюль Фавра, длинный носъ Араго, большая пожелтѣвшая и всклокоченная борода глухого Мадье-де-Монжо, который во время засѣданія стоялъ у ораторской трибуны, держа руки около уха трубою. Тутъ же обращалъ на себя вниманіе толстый радикальный виконтъ Дувилъ Мальфе и также очень плотный бородатый Бароде. Либеральный сенаторъ Фуше де-Карейль замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ сѣдую какъ лунь голову и черную какъ смоль бороду. Наке, сидящій налѣвой, и де-Помпери, помѣщающійся въ центрѣ, извѣстны своими горбами.

На правой сторонѣ крупными пятнами выдавались жирныя фигуры блѣднаго какъ смерть Руэра и самаго толстаго человѣка въ собраніи, извѣстною юриста и профессора, сенатора Баби, повыше сидѣлъ вѣчно красный отъ вина Кердрель, а неподалеку отъ него Гранье де-Кассаньякъ, смотрѣвшій все время въ бинокль; около

него сидѣлъ не менѣе рьяный бонапартистъ Дюге де-ла-Фоконери. Внизу бродилъ, размахивая руками, Пуейръ-Кертье, на котораго французы смотрятъ съ гордостью, такъ какъ во Франкфуртѣ онъ перепилъ Бисмарка; пробѣжалъ вспотѣвшій Валлонъ „отецъ" конституціи 1875 года, и принималъ грацізноыя позы бонапартистъ Прово-де-Лоне, лорнируя въ монокль дамъ... Всѣхъ, на кого показывали пальцами, не перечесть; прибавлю только, что огромное большинство было стариковъ; лысыхъ головъ было, по крайней мѣрѣ, три четверти, очень много также людей тучныхъ; почти всѣ члены собранія были одѣты въ черные сюртуки.

Мартель прозвонилъ разъ десять, пока собраніе, напоминавшее шумомъ жидовскую школу, успокоилось. Послѣ нѣсколькихъ словъ предсѣдателя, душа тогдашняго кабинета, министръ юстиціи Леройе, въ очкахъ съ крючковатымъ носомъ и также съ приличною лысиною, прочелъ проектъ отмѣны 8-го параграфа конституціи. Не успѣлъ Леройе сойти съ трибуны, какъ на нее буквально ворвался бретонскій сенаторъ Френо, одинъ изъ самыхъ ярыхъ правыхъ. Этотъ старикъ, видомъ походилъ на военнаго. Онъ началъ доказывать, что проектъ заслуживаетъ самаго серьезнаго обсужденія. Пусть-де собраніе раздѣлится на бюро, каждое бюро поспоритъ, выберетъ члена въ коммиссію, коммиссія опять поспоритъ и т. д. Рѣчь Френо была прерываема страшными криками:

„довольно“! Но Френо, упрямый, какъ всѣ его соотечественники, дѣлалъ рукою жестъ, что не уйдетъ ни за что, становился во время шума сложа руки и, пользуясь минутами успокоенія, громко и ясно формулировалъ свое предложеніе. Президентъ пытался-было отнять у него слово, но Френо не повиновался, поддерживаемый апплодисментами правой. Возражалъ Френо Тетеленъ, предложившій для скорости избраніе коммисіи по большинству голосовъ всего собранія. Френо еще раза два говорилъ противъ этого, не смотря на невѣроятные крики нетерпѣнія со стороны большинства. Когда же появилась на трибунѣ моршанская фигура полоумнаго де-Гаварди, вопль и ревъ сдѣлались общими. Гаварди пальцами показывалъ, что скажетъ только два слова, но пощады ему не было никакой. Предсѣдатель предложилъ среди адскаго шума рѣшить вопросъ поднятіемъ рукъ. Тутъ многіе преспокойно поднимали обѣ руки, но бюро собранія очень точно рѣшаетъ, гдѣ большинство, чему содѣйствуетъ расположеніе стульевъ правильными сегментами, такъ что стоитъ провести границу между сидящими съ поднятыми руками и сидящими смирно, чтобы сразу очень вѣрно сосчитать, гдѣ большинство.

Большинство было, конечно, за избраніе коммисіи изъ цѣлаго собранія, т. е., другими словами, изъ членовъ одной лѣвой, которая располагала очевиднымъ большинствомъ; впрочемъ, на

этотъ разъ и выборъ въ бюро не помогъ бы, такъ какъ при раздѣленіи на бюро, для скорости подачи голосовъ, правая, по странной случайности, во всѣхъ бюро осталась въ крупномъ меньшинствѣ. Она потребовала тогда отсрочить засѣданіе, но Мартель, съ согласія большинства собранія, назначилъ слѣдующее засѣданіе черезъ три съ половиною часа.

Эти три часа я проходилъ въ сильно запущенномъ версальскомъ паркѣ, размышляя о превратности судьбы этого дѣтища безмысленнаго деспотизма. Стоило ли тратить сотни милліоновъ, отъ которыхъ еще у Кольбера поднимался на головѣ парикъ, и сто лѣтъ держать всю массу французскаго населенія нищею, чтобы создать гулянье для нѣсколькихъ солдатъ и нянекъ! Я подошелъ къ одной группѣ гуляющихъ солдатъ и нашелъ вѣчный французскій споръ о формѣ правленія; одинъ старый солдатъ доказывалъ другому, что и при имперіи иные и служа двадцать и болѣе лѣтъ не дождались военной медали. Въ группахъ около ресторановъ Кассаньякъ продолжалъ служить темою для разговоровъ. У одного стола офицеры въ формѣ и отставные восхищались крѣпкими словами бонапартистскаго наѣздника; за другимъ депутаты, очевидно лѣвой, порицали его. Впрочемъ, любовь французовъ къ бойкимъ словамъ проявилась и тутъ. Назвавъ слова Кассаньяка отвратительными, депутатъ сказалъ: „я не спорю—что это талантъ. Это не первый встрѣчный. Но какъ этотъ

старый безстыдникъ Руэръ еще рѣшается защищать такую дерзкую ругань".

Около четырехъ часовъ началось второе засѣданіе конгресса съ прежнимъ церемоніаломъ. Трибуны еще разъ наполнились публикою. Мѣста, кажется, не нашлось бы городничему, а еще въ общей залѣ дожидала толпа, особенно дамъ. Явились нѣкоторые запоздавшіе члены собранія. Викторъ Гюго, гладко остриженный и еще очень бодрый, полѣзъ на крайнюю лѣвую и сѣлъ около человѣка-обезьяны Кремье, что возбуждало общее любопытство публики. На правой сторонѣ появился герцогъ Брольи, высокій, съ подстриженными усами и сѣлъ на первой скамейкѣ. Наконецъ вошелъ, слегка покачиваясь, герой дня—Поль де-Кассаньякъ. Это огромнаго роста, очень красивый молодой брюнетъ, съ усами, торчащими прямо; онъ только смуглъ, какъ креолъ. Мѣсто Кассаньяка внизу было занято Бюффе и онъ потому простоялъ все время засѣданія, держа себя на этотъ разъ съ достоинствомъ и не участвуя въ перерывахъ. Депутаты правой окружили Кассаньяка и пожимали ему руки, поздравляя его, вѣроятно, съ рѣчью, которую не далъ договорить ему Гамбетта въ прошлое засѣданіе, но которая утромъ появилась въ „Pays" in exenso, занимая цѣлый нумеръ газеты. Это длинная апологія католицизма, довольно ловко составленная изъ отзывовъ наиболѣе ярыхъ противниковъ религіи и пересы-

панная самыми рѣзкими ругательствами противъ министровъ и особенно Ферри. Само собою разумѣется, что такой рѣчи лѣвая сторона никогда не дослушала бы и до половины, да и для произнесенія ея нужно бы посвятить почти цѣлое засѣданіе.

Открывъ въ шесть часовъ собраніе, Мартель объявилъ имена членовъ, избранныхъ въ коммисію, которые оказались буквально тѣ же, что подготовлены были сначала. Правая продолжала свою тактику, доказывая, что выборы незаконны, ибо въ бюро большинство почти вездѣ не дозволяло разсуждать о кандидатахъ, а требовало только подачи голоса. Ораторомъ правой выступилъ сначала бонапартистъ Древ, съ замѣчательно громкимъ голосомъ, легко покрывавшимъ шумъ пятисотъ человѣкъ, и затѣмъ знаменитый адвокатъ іезуитовъ, самый видный во Франціи представитель клерикальной партіи, сенаторъ Шенелонъ котораго, такъ какъ онъ разбогатѣлъ торгуя свининой, республиканцы зовутъ „мистическимъ колбасникомъ". Шенелонъ во время перерыва должно быть выпилъ бутылки три вина, ибо физіономія его была пурпуровая, а лицо торжественно сіяющее. Шенелонъ давно считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ во Франціи; рѣчь его дѣйствительно литературна по формѣ, а жесты ораторскіе и аргументація сжатая и сильная, но вѣчная самодовольная улыбка и бѣготня во всѣ стороны по ка-

ѳедрѣ нарушаютъ впечатлѣніе. На бѣду, желая перекричать ревущее большинство, Шенелонъ живо охрипъ и началъ подчасъ издавать странные сиплые звуки. Эти звуки встрѣчались лѣвою съ страшнымъ хохотомъ, заглушаемымъ криками негодованія на правой. На границѣ правой и лѣвой члены начали наконецъ формальную перебранку, показывая другъ другу кулаки; дѣло не дошло, однако, до драки, какъ незадолго до того, когда министръ Тираръ публично съѣздилъ въ ухо бонапартиста Дариста. На крайней лѣвой кто-то кричалъ пѣтухомъ. Мартель звонилъ въ свой колоколъ безуспѣшно. Рѣчь Шенелона вертѣлась на томъ, что, отнимая у меньшинства всякое участіе въ обсужденіи вопросовъ, республиканцы куютъ орудіе противъ самихъ себя, ибо завтра они сами могутъ оказаться въ меньшинствѣ.

На это сенаторъ Пельтанъ, одна изъ „старыхъ республиканскихъ бородъ“, какъ выражаются французы, довольно неловко возражалъ, ссылаясь на національное собраніе, гдѣ также будто бы не давали ходу меньшинству. Послѣ безконечныхъ споровъ на эту тему, снова влѣзъ на каѳедру, толкая локтями направо и налѣво, Френо и предложилъ резолюцію, что палата недовольна нарушеніемъ своего устава. Послѣ ужаснаго смятенія, гдѣ то и дѣло кто-нибудь вскакивалъ съ мѣста, кричалъ, лѣзъ на каѳедру, стаскивался съ нея за фалды, показывалъ кулакъ и т. д., большинство

рѣшило назначить еще засѣданіе черезъ часъ, чтобы дать время коммиссіи представить свой докладъ.—„Да онъ вчера еще былъ напечатанъ!" кричитъ кто-то направо при общемъ хохотѣ.

Новая часовая прогулка въ саду, возбудивъ аппетитъ, сильно охладила головы. Руэръ въ собраніи бонапартистовъ и Бюффе въ собраніи монархистовъ убѣждали не противиться долѣе рѣшенію вопроса и не затягивать безполезно преній. Правая сдѣлала еще, однако, послѣднее усиліе, а именно, при открытіи третьяго засѣданія потребовала отложить засѣданіе на слѣдующій день.

Ранѣе, впрочемъ, появился на каѳедрѣ знаменитый Жюль Симонъ и плаксивымъ, однообразнымъ профессорскимъ тономъ промямлилъ въ качествѣ докладчика мнѣніе коммисіи. Говорятъ, Гамбетта, давно не говорившій рѣчей, хотѣлъ, чтобы его избрали докладчикомъ, но недовольные поведеніемъ Гамбетты въ кассаньяковскомъ вопросѣ депутаты выбрали Симона. Весь докладъ былъ строкъ въ десять, чтобы не дать правой матеріала для спора, но явился Бюффе и потребовалъ слова. По старой, что ли, привычкѣ, но Бюффе—бывшій долго предсѣдателемъ—былъ выслушанъ съ религіознымъ молчаніемъ. Онъ говоритъ ясно, отчетливо, но съ однообразнымъ жестомъ правой руки. Бюффе доказывалъ необходимость отложить пренія, обѣщаясь тогда произнести обстоятельную рѣчь. Это, говорятъ, была своего рода штука. Бюффе

зналъ, что засѣданіе не отложатъ, а сказать ему по вопросу, вполнѣ исчерпанному, было нечего, между тѣмъ надобно было сдѣлать видъ, что говорить не даютъ. Огромнымъ большинствомъ собраніе требовало продолженія преній. Правые объявили тогда, что они разбирать проекта наскоро не согласны, но объяснятъ только свое голосованіе. Отъ имени монархистовъ сказалъ тогда нѣсколько словъ сенаторъ Люсьенъ Бренъ, другъ графа Шамбора, изящная фигура съ черной съ просѣдью бородкой въ безукоризненно сшитомъ сюртукѣ. Весьма краснорѣчиво, къ сожалѣнію, слишкомъ въ мелодраматической формѣ и тихимъ голосомъ, Бренъ объяснилъ, что, какъ легитимистъ, онъ бы долженъ радоваться необдуманному рѣшенію собранія, но какъ католикъ онъ не желаетъ ускорять событія, которыя всѣ въ рукахъ Провидѣнія. Отъ имени части бонапартистовъ извѣстный журналистъ Митчель, здоровый толстякъ съ черною бородою, заявилъ, что онъ подастъ голосъ съ большинствомъ, опасаясь, что иначе парижская дума заберетъ всю власть въ свои руки. Тутъ влѣзъ на трибуну Ларошъ Жуберъ, весьма, говорятъ, почтенный писчебумажный фабрикантъ въ Ангулемѣ, но въ палатѣ игравшій роль шута, безпрерывно ни къ селу, ни къ городу произносившій рѣчи и предлагавшій къ законамъ поправки, единогласно отвергаемыя. И здѣсь онъ вышелъ заявить, что первый подалъ мысль вернуться въ Парижъ,

хотя и принадлежалъ къ правой сторонѣ. Обѣ стороны энергически заставили Лароша Жубера замолчать и уйти съ каѳедры.

Въ заключеніе разыгрался новый скандалъ. На ораторскую трибуну медленно взошелъ Кассаньякъ и, покручивая усы. оглядывалъ торжественно разряженныхъ дамъ. Мартель, желая съострить и припоминая исторію о невключенныхъ Гамбеттою въ отчетъ о засѣданіи ругательствахъ Кассаньяка, изъ-за чего произошла размолвка между министерствомъ и Гамбеттою, лукаво замѣтилъ, крѣпко позвонивъ:

— Господа, я прошу у васъ глубокаго молчанія, чтобы ни одно слово оратора не потерялось.

Эти слова не смутили, однако, Кассаньяка.

— Я благодарю г. президента за его просьбу, ибо она показываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ безпристрастію собранія.

— Прошу васъ не продолжать въ томъ же тонѣ, сухо замѣтилъ разсердившійся уже Мартель, видя, что ему не тягаться въ остроуміи съ набившимъ руку журналистомъ.

Поль де-Кассаньякъ заявилъ медленно, громко, но нѣсколько въ носъ, что подастъ голосъ за проектъ, такъ какъ онъ поведетъ къ паденію и раззоренію республики, „чего, — прибавилъ онъ, — я искренно желаю". Слова Кассаньяка приняты были криками одобренія правой стороны и презрительнымъ молчаніемъ лѣвой. Начинается

собираніе голосовъ, пристава разносятъ урны, собираютъ билетики и высыпаютъ ихъ въ корзины, гдѣ секретари быстро считаютъ голоса. Черезъ пять минутъ стало извѣстно, какъ заранѣе и предвидѣлось, что изъ поданныхъ 811 голосовъ 549 было за отмѣну 8-й статьи конституціи и 262 за ея оставленіе. По провозглашеніи результата нѣсколько депутатовъ-школьниковъ крайней правой закричали при общимъ хохотѣ: Vive la république!

Публика бросилась къ дверямъ, но засѣданіе еще не окончилось. Читался наскоро составленный однимъ изъ секретарей протоколъ. И тутъ герцогъ Ларошфуко-Биззачья началъ исторію, требуя, чтобъ включили непремѣнно въ протоколъ, что онъ сказалъ, что министерство „передернуло“ рѣшеніе палаты. Мартель хотѣлъ призвать его къ порядку, но аппетитъ взялъ свое и собраніе мгновенно разошлось. Образовалось вновь нѣсколько громадныхъ поѣздовъ и мы возвратились въ Парижъ, гдѣ не только не нашли радостной иллюминаціи, которую торжественно предрекали Эмиль де-Жирарденъ и другіе журналисты, но даже обычной толпы на дебаркадерѣ.

Да оно и понятно. Если только кто могъ радоваться рѣшенію конгресса, такъ это депутаты, которымъ не нужно было ѣздить каждый день въ Версаль. Столица же не много выиграла, по-

тому что и безъ того всѣ депутаты и сенаторы жили въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ окончательно перебрались палаты въ Парижъ только черезъ три мѣсяца послѣ рѣшенія конгресса.

НА ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

I *).

Возраженія, дѣлаемыя противъ всемірныхъ выставокъ.— Общій планъ вѣнской всемірной выставки.—Выставочное зданіе.—Сравненіе ея съ предъидущими выставками.

Всемірныя выставки положительно обратились въ потребность современнаго человѣчества. Не успѣла еще открыться вѣнская выставка и не выяснились сколько-нибудь приблизительно ея результаты, какъ явилось объявленіе о громадномъ проектѣ всемірной выставки въ Филадельфіи въ 1876 г. **). Между тѣмъ опытъ четырехъ предъидущихъ выставокъ, и собенно парижской 1867 г., достаточно показалъ, чего можно ожидать въ будущемъ отъ періодическаго повторенія всемірныхъ выставокъ и насколько несоразмѣрны благія

---

*) Мы выпустили изъ этого описанія все, что относилось до оцѣнки отдѣльныхъ экспонентовъ, и оставили лишь общія характеристики.

**) Филадельфійская выставка подробно описана мною въ книгѣ «Въ странѣ ига и свободы». Спб. 1878 г.

послѣдствія этихъ международныхъ зрѣлищъ съ затрачиваемыми на нихъ капиталами.

Каждая новая выставка расширяла свою программу. Кромѣ промышленности, къ участію въ выставкахъ постепенно были приглашены искусства, земледѣліе, скотоводство, педагогія, домоводство, этнографія; такимъ образомъ расширялись невольно и размѣры выставокъ, и при настоящемъ объемѣ послѣднихъ находятъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ трудно найти удобное пустопорожнее мѣсто для постройки выставочнаго зданія. Несмотря на такое возростаніе выставокъ, время, употребляемое для ихъ устройства, остается, по прежнему, крайне ограниченнымъ и совершенно недостаточно для успѣшнаго устройства такого рода обширныхъ предпріятій; это въ особенности отражается на самомъ зданіи выставокъ. Каждый продуктъ требуетъ соотвѣтственнаго помѣщенія; но за нѣсколько лѣтъ до выставки архитектору нельзя имѣть никакого понятія о качествѣ выставленныхъ предметовъ, а потому поневолѣ приходится ограничиться проектами грандіозныхъ дворцовъ, гдѣ, какъ на рынкахъ, навалено въ перемежку безчисленное множество предметовъ безъ всякой системы. Заставлять фабрикантовъ заранѣе опредѣлять, что выставятъ они на предстоящей всемірной выставкѣ, невозможно; ихъ прямой интересъ выставлять какъ можно позже, чтобъ не испортить вещей отъ пыли, и особенно, чтобъ

знать, въ какомъ видѣ выставляютъ ихъ конкурренты. При этихъ неудобствахъ, поглощая милліоны, всемірныя выставки невыгодны еще тѣмъ, что между ними нѣтъ никакой послѣдовательности, и каждая новая выставка повторяетъ съ самаго начала всѣ работы предъидущей до мелочей. Съ расширеніемъ всемірныхъ выставокъ это дѣлается еще замѣтнѣе; срокъ для полнаго устройства оказывается обыкновенно недостаточнымъ, и въ послѣдніе дни заработная плата возвышается непомѣрно, отчего расходы экспонентовъ увеличиваются непроизводительно. Между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ возбужденнаго любопытства, приходится уничтожать почти все, созданное съ такими большими пожертвованіями.

Опытъ предъидущихъ выставокъ показалъ также, что публика извлекаетъ весьма мало пользы изъ того громаднаго научнаго и техническаго матеріала, который представляетъ каждая всемірная выставка. Казалось бы, что сближеніе стольких продуктовъ разныхъ странъ, сравнительное ихъ изученіе, возможность узнать отъ экспонентовъ различные методы и процессы, а также изучать ближе тѣ соціальныя явленія, которыя связаны такъ тѣсно съ промышленностью, должны бы сдѣлать изъ выставокъ зрѣлище въ высшей степени поучительное и для специалиста, и для всякаго образованнаго человѣка. Ничего подобнаго, однако, не бываетъ. Всѣ серьезныя свѣ-

дѣнія обыкновенно запаздываютъ, такъ что даже оффиціальный каталогъ никогда не выходитъ полнымъ, экспоненты поглощены устройствомъ выставки, затѣмъ они спѣшатъ возвратиться къ своимъ дѣламъ, а поэтому и не думаютъ обмѣниваться познаніями; люди, серьезно желающіе изучать выставку, теряются въ толпѣ, которая, ограничиваясь однимъ поверхностнымъ осмотромъ, только мѣшаетъ тѣмъ, кто не желалъ бы удовлетвориться однимъ глазѣніемъ.

Весьма неудовлетворительные результаты въ практическомъ отношеніи получаются еще отъ всемірныхъ выставокъ потому, что каждый народъ хочетъ непремѣнно представить на выставкѣ всѣ отрасли своей промышленности, даже и такія, которыя имѣютъ мѣстное значеніе. Такимъ образомъ, является безчисленное множество однородныхъ продуктовъ, не имѣющихъ, съ точки зрѣнія международной торговли и сношеній, никакого значенія, потому что продукты эти далѣе потребленія извѣстной страны идти не могутъ. Не имѣютъ эти произведенія никакого интереса и въ глазахъ спеціалиста, потому что онъ не находитъ тутъ ничего новаго, а видитъ только рабское подражаніе странамъ, болѣе опередившимъ сосѣдей въ означенныхъ отрасляхъ промышленности. Дѣйствительно, слѣдовало бы каждому государству выставлять только такія издѣлія, въ производствѣ которыхъ оно отличается съ выгодою отъ прочихъ и которыя оно можетъ сбывать и заграницу.

Къ числу неудобствъ всемiрныхъ выставокъ относятся и тѣ перiодическiе приливы путешественниковъ, которые естественно онѣ вызываютъ Всѣ стремятся прiѣхать обыкновенно въ одни и тѣ же мѣсяцы, потому дорожаютъ непомѣрно квартиры, припасы и пр., жизнь дѣлается невыносимою для мѣстныхъ жителей; между тѣмъ такое кратковременное пребыванiе огромной массы народа не позволяетъ сближаться образованнымъ людямъ разныхъ нацiональностей, чтó, казалось бы, и составляетъ главнѣйшую цѣль всемiрныхъ выставокъ, а дороговизна мѣшаетъ оставаться для изученiя выставокъ тѣмъ спецiалистамъ, которые не имѣютъ большихъ средствъ. Гласность много помогаетъ всемiрнымъ выставкамъ; но обыкновенно печать занимается ими только тогда, когда выставка уже обслѣдована; отъ этого у многихъ является желанiе ознакомиться съ выставкой, когда она или закрывается, или когда всѣ экспоненты и эксперты разъѣхались. Тоже самое относится и до экспонентовъ. Едва имена ихъ и издѣлiя сдѣлались извѣстными, какъ выставка прекращается. Мы не говоримъ уже о томъ, что для возбужденiя вниманiя публики ко всякой новой выставкѣ не обходится безъ порядочной дозы шарлатанства; кромѣ того, громадность выставки и вызываемые ею расходы, въ виду возможныхъ превратностей: войны, эпидемiи, революцiи, заставляетъ производить эти расходы съ опасенiемъ, что они какою-либо случайностью погибнутъ безвозвратно.

Всѣ эти обстоятельства, значенія которыхъ отрицать невозможно, создали всемірнымъ выставкамъ сильныхъ враговъ; во главѣ этой оппозиціи стоятъ англичане, промышленность которыхъ относится къ прочей европейской промышленности, взятой вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, какъ два къ тремъ. Плодомъ подобной реакціи явилась лондонская ежегодная выставка и устроиваемые повсюду политехническіе музеи; собственно же выставки страдаютъ отъ отсутствія важнѣйшихъ промышленниковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что до сихъ поръ, при всей справедливости идеи музеевъ, они мало приходятся по вкусу публикѣ, и послѣдняя рѣшительно предпочитаетъ всемірныя выставки со всѣмъ ихъ шумомъ, блескомъ и неудобствами. Винить въ этомъ случаѣ публику нельзя, и если всемірныя выставки потерпятъ когда-либо окончательное пораженіе, то, по всей вѣроятности, на почвѣ финансовой. Парижская выставка 1867 года, при всѣхъ ея благопріятныхъ условіяхъ, окончилась для правительства дефицитомъ въ 9 милл. франковъ. На вѣнскую ассигновано было австрійскимъ правительствомъ 11 милл. гульденовъ; если сосчитать расходы иностранныхъ правительствъ и экспонентовъ и приплату путешественниковъ къ ихъ обычнымъ лѣтнимъ расходамъ, то цифра эта должна по крайней мѣрѣ утроиться. Оправдывается ли эта огромная затрата денегъ?

Для примѣра можно взять Россію, которая зани-

мала на выставкѣ довольно скромное мѣсто. Одни казенные расходы по выставкѣ составили не менѣе полумилліона рублей; столько же, если не болѣе, издержали экспоненты. Что же, взамѣнъ того, получила Россія отъ выставки? Ничего или очень мало, потому что вниманіе на выставкѣ обратили только такія наши произведенія, которыя и безъ того всѣмъ достаточно извѣстны и безъ выставокъ. Сбытъ другихъ не увеличился отъ того ни на полушку. Новостью были развѣ нѣсколько картинъ, да огромное стальное орудіе. Остается польза отъ посѣщенія выставки специалистами; но на милліонъ рублей можно наводнить Европу странствующими русскими спеціалистами. Мы взяли еще государство съ огромнымъ бюджетомъ и относительно скромное въ своихъ издержкахъ по вѣнской выставкѣ; каковы подобные расходы должны казаться для другихъ государствъ, едва сводящихъ концы съ концами и настроившихъ на выставкѣ разные павильоны и дворцы? Не покажется ли странною подобная щедрость, сравнительно съ той скупостью, которою вообще отличаются государственные бюджеты въ дѣлѣ народнаго образованія: научнаго и техническаго, а всемірныя выставки все-таки не болѣе, какъ школы нагляднаго обученія, весьма занимательныя, но дорогія и несовершенныя.

Вѣнская всемірная выставка, конечно, не отстранила ни одного изъ обычныхъ недостатковъ всемірныхъ выставокъ. И на ней они, пожалуй

выказались еще рѣзче. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ размышленія о безсиліи всемірныхъ выставокъ разрѣшить свою задачу, обратимся къ тому, что дѣйствительно представляла вѣнская выставка, которая обѣщала затмить собой всѣ предъидущія.

Выставка расположилась въ Пратерѣ, въ великолѣпномъ паркѣ, извѣстномъ всѣмъ бывавшимъ въ Вѣнѣ. Если изъ Леопольдштадта ѣхать по Пратерштрассе въ паркъ, то глазамъ представляется двое воротъ, служащихъ мостами для желѣзной дороги, и отъ нихъ двѣ прямыя широкія аллеи, постепенно расходящіяся; пространство между этими аллеями, изъ которыхъ ближайшая къ Дунайскому каналу служитъ мѣстомъ прогулки вѣнскаго высшаго общества, и отвели подъ выставку. Оно занимаетъ около четверти всего Пратера и покрыто огромными старыми деревьями. Ко дворцу выставки подъѣзжали сбоку, потому видомъ на все зданіе приходилось любоваться стоя, противъ главнаго южнаго портала, уже со двора выставки, образуемаго дворцомъ промышленности и двумя павильонами—императорскимъ и экспертныхъ коммисій.

Дворецъ парижской выставки 1867 г. остроумно сравнивали съ формою сыра-честера; дворецъ вѣнской выставки напоминалъ громадный кегельбанъ, прорѣзанный по срединѣ ротондой, куполъ которой, въ видѣ усѣченнаго конуса, украшённый фонаремъ съ императорской короной, замѣчателенъ по раз-

мѣрамъ. Проектъ и исполненіе ротонды принадлежали знаменитому шотландскому инженеру Скотъ Росселю. Это величайшій потолокъ въ мірѣ, и англичане держали даже пари, что желѣзныя стропила крыши не выдержатъ и провалятся. Ротонда назначалась для лучшихъ издѣлій всего свѣта, и чтобы попасть въ нее, для фабриканта требалось особое расположеніе администраціи. Вокругъ ротонды шла четырехъугольная галлерея съ колоннами, тутъ помѣщались бюро и управленія разныхъ отдѣловъ. Входы или порталы великолѣпно украшены французомъ Делонэ лѣпною работою и статуями. Надъ порталами красовалась надпись: Viribus unitis, составляющая какъ извѣстно девизъ австрійской монархіи.

Все зданіе дворца пересѣкалось черезъ каждые пять, десятъ шаговъ поперечными галлереями, между которыми образовались садики или дворы, закрытые въ иныхъ мѣстахъ изящными чугунными рѣшетками. Впрочемъ, нѣкоторые дворы превращены были, за недостаткомъ мѣста, въ крытыя помѣщенія. Внутри дворецъ промышленности представлялъ одну открытую галлерею съ изящными чугунными колоннами въ два ряда; различные предметы выставлены были по государствамъ, при чемъ послѣднія расположены въ такомъ порядкѣ, какъ идутъ они съ востока на западъ. Эту систему не вполнѣ, впрочемъ, выдержали. У восточныхъ дверей находились: Пруссія, Греція, Египетъ, Марокко,

Китай, Японія и Румынія; затѣмъ шла Россія, занимавшая небольшую часть продольной галлереи, цѣлую поперечную и одинъ дворикъ, закрытый красивой рѣшеткой завода Санъ-Галли. Дворикъ отдали для военнаго и морскаго отдѣловъ. Такое же помѣщеніе занимала Венгрія, потомъ шла Австрія до ротонды; съ другой стороны къ послѣдней примыкала Германія, рядомъ съ ней Италія, Швейцарія, Бельгія, Франція и Англія съ Индіей. По сторонамъ примыкали къ нимъ Голландія, Скандинавскія государства, Португалія, Испанія, Соединенные Штаты и Бразилія. По разнымъ угламъ жались Санъ-Сальвадоръ, Гавайское королевство и другія мелкія государства.

Система эта имѣетъ свои достоинства и очень красива для глазъ, представляя coup d'oeil, но она крайне не раціональна. Въ этомъ случаѣ вторая парижская всемірная выставка далеко превосходила всѣ другія удобствомъ и простотою своего расположенія. Тамъ, идя по радіусамъ зданія, можно было изучить всѣ произведенія одного и того же государства, а идя по окружностямъ, наоборотъ, сравнивать одинаковыя произведенія разныхъ государствъ. Въ Вѣнѣ же все перемѣшали ради красоты: самовары, мѣха, золотыя вещи стояли рядомъ, и условиться съ кѣмъ - либо встрѣтиться въ извѣстномъ отдѣлѣ, значило изъ десяти случаевъ рисковать девять разъ не найти другъ друга. Только въ австрійскомъ и германскомъ отдѣлахъ,

по ихъ обширности было болѣе стройности. Не смотря на размѣры дворца, вѣнская выставка не могла обойтись безъ отдѣльныхъ павильоновъ, а это чрезвычайно неудобно для обозрѣнія, такъ какъ эти отдѣльные павильоны, гдѣ часто собраны лучшія вещи, обыкновенно оставляются массою публики совершенно безъ вниманія.

Непосредственно за зданіемъ дворца промышленности находился рядъ огромныхъ павильоновъ, изъ которыхъ центральные занимали предметы германскаго и австрійскаго горнаго промысла, а боковые — выставка произведеній сельскаго хозяйства всѣхъ странъ, также въ географическомъ порядкѣ. Позади этихъ павильоновъ находилось длинное узкое зданіе, равное длиною съ дворцомъ промышленности и параллельное съ нимъ — это механическій отдѣлъ, гдѣ машины приводились въ движеніе паромъ. Перпендикулярно къ восточному порталу стоялъ огромный дворецъ искусствъ—выставка картинъ и статуй. По обѣимъ сторонамъ павильона императорскаго и экспертнаго находился рядъ кафе-ресторановъ разныхъ націй; охотникъ поѣсть, не опасающійся никакого грабежа, находилъ тутъ рестораны: американскій, русскій, французскій, швейцарскій и нѣсколько нѣмецкихъ. Кулинарная часть представлялась, впрочемъ, въ Вѣнѣ далеко слабѣе, нежели въ Парижѣ, гдѣ отдѣлъ ресторановъ едва ли не поглощалъ наибольшее вниманіе публики. Далѣе виднѣлись характерныя зданія разныхъ на-

цій: ихъ, впрочемъ, разбросали по всему пространству передъ дворцомъ промышленности. Тутъ, кромѣ ресторановъ, которые также помѣщались въ деревянныхъ зданіяхъ соотвѣтственной своей народности архитектуры, находились японскій домъ, египетскій дворецъ съ мечетью, турецкій домъ и фонтанъ, русскій павильонъ, индѣйская палатка, павильонъ герцога Кобургъ-Готскаго, выставка цвѣтовъ, эльзаскій крестьянскій дворъ, разныя сельскія школы, маяки, павильонъ австрійскаго Ллойда и десятокъ разныхъ другихъ зданій оконченныхъ даже послѣ открытія выставки. Такъ какъ зданія эти строились, то можно было любоваться сравнительнымъ искусствомъ плотниковъ и каменьщиковъ разныхъ націй. Русскіе плотники и итальянскіе каменьщики (послѣдніе строили египетскія зданія) дѣйствовали молодцами, но ихъ далеко въ искусствѣ превосходили японскіе плотники, работа которыхъ по изяществу и тонкости чисто столярная или токарная.

Общій ансамбль вѣнской всемірной выставки превосходилъ ансамбль парижской выставки 1867 года; это зависѣло отъ того, что всѣ постройки первой помѣщались весьма просторно, не скучивались на тѣсномъ пространствѣ и находились въ паркѣ, дающемъ тѣнь и прохладу. Главныя зданія выставки даже вблизи казались выстроенными изъ огромныхъ камней сѣраго гранита; между тѣмъ всѣ они были деревянныя и только выштукатурены

и окрашены чрезвычайно искусно подъ камень. Строившій съ подряда дворецъ прусскій инженеръ понесъ, говорятъ, убытки. Крыша зданія также деревянная, что уменьшало течь крыши— зло, отъ котораго страдали всѣ выставки—но ухудшало освѣщеніе; впрочемъ, выставка достаточно освѣщалась съ двухъ сторонъ окнами въ бокахъ крыши. Замѣчательнѣе всего устроена была ротонда на чугунныхъ колоннахъ; гигантскій потолокъ ея, высокій какъ куполъ большаго собора, оклеили удивительными обоями, которыя издали казались фресками; въ окнахъ надъ порталами вставлены были стекла съ живописью.

Каждый отдѣлъ украшался флагами и эмблемами своей національности; кромѣ того, на концѣ каждой поперечной галлереи снаружи помѣщались гербъ и имя государства, занимавшаго галлерею. Надписи эти были на языкѣ каждаго государства. Я, признаться, ожидалъ, что на русскомъ отдѣлѣ будетъ красоваться надпись: „Russland“; оказалось, однако, что все обстоитъ благополучно. Особою роскошью отличалась отдѣлка павильона императора австрійскаго, съ великолѣпными зеркальными стеклами. Сзади дворца и механическаго отдѣла шли рельсы, по которымъ привозили и увозили произведенія. Рельсы соединялись съ линіями желѣзныхъ дорогъ, идущими къ Вѣнѣ. Перевозка посѣтителей выставки производилась помощью желѣзно-конной дороги и цѣлой массы

дилижансовъ, шедшихъ по всѣмъ направленіямъ. Впрочемъ, выставка не была удалена отъ населенныхъ кварталовъ Вѣны, и многіе посѣщали ее пѣшкомъ. На самой выставкѣ можно было ходить пѣшкомъ или ѣздить въ желѣзной телѣжкѣ, влекомой двуногими. Всѣ аллеи усыпали новымъ щебнемъ, а потому прогулка по выставкѣ сначала была довольно непріятна и требовала особенно прочной обуви.

При взглядѣ на распредѣленіе произведеній, замѣчалось, что австрійцы взяли себѣ лучшія мѣста и помѣстились замѣчательно просторно, прочимъ же государствамъ отвели мѣста довольно скупо; только для германцевъ сдѣлали они исключеніе, расположивъ ихъ на болѣе почетномъ мѣстѣ. Россія получила очень нехорошее мѣсто. Кто тутъ виноватъ: баронъ Шварцъ-Зенборнъ, директоръ выставки, или наша собственная непредусмотрительность — неизвѣстно. Второе, что бросалось въ глаза на вѣнской выставкѣ — это слабое, сравнительно, участіе Великобританіи и ея колоній. Причины такого явленія я изложилъ уже выше; по моему мнѣнію, подобная сдержанность отозвалась самымъ невыгоднымъ образомъ на внутреннемъ достоинствѣ выставки. Какъ бы много и роскошно ни выставляли разныя страны, все-таки въ техническомъ отношеніи серьезныя вещи выставляются преимущественно англичанами, которымъ давно принадлежитъ почетное мѣсто въ ряду

промышленныхъ народовъ; прочіе народы идутъ только по ихъ слѣдамъ, а потому, гдѣ мало англійскихъ произведеній, тамъ мало и новыхъ изобрѣтеній и примѣненій.

Вообще, на всякой всемірной выставкѣ преобладала всегда промышленность той страны, которая устраивала выставку; на вѣнской также первенствовала австрійская промышленность. Но австрійская промышленность, за немногими исключеніями, еще слабо стоитъ на собственныхъ ногахъ и погибла бы безъ покровительственнаго тарифа; поэтому такая промышленность мало имѣетъ всемірнаго интереса и не можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для промышленностей другихъ странъ, а слѣдовательно, преобладаніе ея на выставкѣ и не могла имѣть для послѣдней большаго практическаго значенія въ томъ смыслѣ, какъ понимается роль всемірныхъ выставокъ. При такихъ условіяхъ всемірныя выставки изъ международнаго состязанія обращаются въ нѣчто въ родѣ очередныхъ enquête надъ положеніемъ промышленности въ извѣстной странѣ, причемъ длл сравненія доставляются лучшія издѣлія и изъ другихъ странъ. Но послѣднія не могутъ быть разцѣнены по достоинству, на основаніи того, что они дѣйствительно представили на всемірную выставку. При такой точкѣ зрѣнія количественное воззрѣніе на выставку, гдѣ сравнивается площадь пространства, занятаго постройками, число экспонентовъ,

количество медалей и проч. не выражаетъ вовсе внутренняго достоинства выставки.

По занимаемому пространству, въ особенности вмѣстѣ съ садомъ, вѣнская всемірная выставка въ два раза превосходила парижскую и въ три раза лондонскую; число экспонентовъ также превосходило всѣ прежнія выставки; тѣмъ не менѣе можно навѣрное сказать, что въ техническомъ отношеніи вѣнская выставка была менѣе интересна, чѣмъ парижская выставка 1867 года, и особенно лондонская 1862 года. Если вѣнская выставка не представила большаго числа блестящихъ новостей, за то она подтвердила, что промышленность развивается теперь въ Европѣ съ замѣчательной быстротой, и въ этомъ смыслѣ успѣхи предъидущаго шестилѣтія, истекшаго со времени парижской выставки 1867 г., не смотря на войну, были такъ громадны, что далеко оставили за собою прогрессъ предъидущихъ періодовъ между двумя выставками. Лихорадочный прогрессъ этотъ повлекъ даже за собою извѣстный вѣнскій крахъ 1873 г., который какъ разъ совпалъ съ моментомъ открытія выставки и на долгіе годы раззорилъ вѣнскихъ спекулянтовъ.

II.

Отдѣлы: японскій, китайскій, турецкій, египетскій тунисскій, персидскій, греческій, румынскій и русскій.

Корреспонденту, который желалъ поскорѣе приступить къ описанію вѣнской выставки, пришлось начинать съ востока, т. е. оффиціально съ конца. На этотъ разъ восточные народы сбросили обычную лѣнь и далеко опередили западные, отдѣлы которыхъ, представляли во многихъ мѣстахъ совершенно пустыя залы. Такой порядокъ не имѣлъ, впрочемъ, особыхъ неудобствъ, а для насъ былъ еще выгоднѣе тѣмъ, что позволилъ скорѣе дать отчетъ о предметахъ, выставленныхъ Россіей; физіономія же русскаго отдѣла на выставкѣ все-таки должна болѣе всего интересовать русскихъ читателей.

При обозрѣніи выставки съ востока на западъ; японскій отдѣлъ былъ первымъ, открывавшимся для наблюденій посѣтителя. Отдѣлъ этотъ замѣчателенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ; его даже можно было признать превзошедшимъ самыя смѣлыя

ожиданія. Я лично не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, читая въ газетахъ извѣстія объ эмансипаторскихъ подвигахъ юнаго микадо, вводящаго среди сорока-милліоннаго населенія Японіи реформы съ тѣмъ-же радикализмомъ, съ какимъ Петръ Великій вводилъ ихъ нѣкогда среди десяти-милліоннаго населенія Россіи, принимали эти извѣстія безъ недовѣрія и даже сильнаго сомнѣнія. Японскій радикализмъ казался мнѣ почему-то весьма подозрительнымъ и похожимъ скорѣе на прихоть, чѣмъ на сознательный планъ возрожденія цѣлаго народа. Разсматривая, однако, японскій отдѣлъ, пришлось сознаться, что задача микадо облегчалась весьма значительно тѣмъ высокимъ уровнемъ цивилизаціи, на которомъ стояла уже Японія. Цивилизація эта своеобразна и приняла ложное направленіе; тѣмъ не менѣе она осязательна, и масса научныхъ и техническихъ свѣдѣній, обращающаяся въ японскомъ народѣ, и теперь уже должна быть очень значительна *).

Между множествомъ отличныхъ вещей въ японскомъ отдѣлѣ, болѣе всего привлекали вниманіе огромныя бронзовыя отливки чрезвычайно затѣйливой и тонкой работы: лучшая изъ нихъ—большой

*) Взглядъ мой на поверхностность и ребячество такъ называемыхъ реформъ въ Японіи укрѣпился послѣ посѣщенія Японіи въ 1880 году, о чемъ смотри мою книгу: „Вокругъ свѣта". Спб. 1881 г.

ящикъ изъ бронзы, изображавшій какой-то миѳологическій сюжетъ. Звѣри и птицы, отлитые изъ бронзы, поражали своимъ сходствомъ. Вообще въ японскомъ искусствѣ болѣе тонкости и вѣрности природѣ, нежели въ китайскомъ, которое злоупотребляетъ условнымъ. Это видно на образцахъ японской живописи, въ которыхъ особенно вѣрно схвачены группы животныхъ; такіе же вѣрные и осмысленные рисунки находишь и на матеріяхъ, и особенно на вышивкахъ шелкомъ, которыя отличаются своимъ искусствомъ и блескомъ красокъ. Издали эти вышивки кажутся нарисованными кистью. Вышитыя картины представляли разныхъ животныхъ и птицъ, особенно пѣтуховъ и цвѣты, а нѣкоторые и цѣлыя картины, даже комическаго содержанія, напримѣръ, очень забавную картину похоронъ стрекозы — образщикъ японской каррикатуры.

Изъ металлическихъ издѣлій, выставленныхъ Японіей, очень былъ хорошъ шкафъ, покрытый бронзированными рисунками, и драгоцѣнныя серебрянныя издѣлія съ горнымъ хрусталемъ. Не лишена значенія и отчетливо отчеканенная японская монета, ничѣмъ не отличавшаяся отъ монетъ европейскихъ монетныхъ дворовъ. Фонари, которыми украшался потолокъ отдѣла, достигали громадныхъ размѣровъ, но уступали китайскимъ затѣйливостью своихъ рисунковъ; то же слѣдуетъ сказать и о фарфорѣ. Нѣкоторыя вазы поражали,

впрочемъ, размѣрами; иныя цѣнились слишкомъ въ 3,000 гульд. за пару. Фарфоръ съ золотомъ, а также картины по фарфору, не менѣе выдавались оригинальностью и исполненіемъ. Ничего особеннаго нельзя сказать о японскихъ сѣдлахъ и ширмахъ, но за то рѣзная работа отличалась большимъ искусствомъ. Множество издѣлій лакированныхъ и плетеныхъ, съ лаковою покрышкою, поддерживали старинную славу Японіи по этой части; цѣлыя горы этихъ издѣлій разнообразнѣйшихъ рисунковъ лежали въ разныхъ мѣстахъ отдѣла. То же терпѣливое искусство прилагали японцы и къ своимъ постройкамъ. Японскій дворъ на выставкѣ—образецъ деревянныхъ построекъ; каждая доска точно выточена, каждый гвоздикъ вбитъ по мѣркѣ. На дворѣ было четыре постройки изъ бамбука и досокъ; между ними разбили садикъ въ японскомъ вкусѣ, съ мостами и статуями каменными и бронзовыми. Японская архитектура еще полнѣе представлялась въ японскомъ чайномъ домѣ, въ Пратерѣ. Домъ состоялъ изъ шести комнатъ, и посѣтитель могъ провести тамъ полчаса совершенно по японски, попивая чай и рисовую водку, покуривая японскій табакъ изъ металлической трубки и балагуря съ тремя „живыми“ японками.

Сравнительно съ японскимъ отдѣломъ китайскій казался довольно бѣднымъ; но ихъ собственно говоря, не слѣдовало сравнивать. Японскій отдѣлъ

устроивало японское правительство, которое простерло свое усердіе до того, что отправило на выставку даже важнѣйшій бронзовый идолъ такой величины, что онъ не прошелъ въ туннелѣ желѣзной дороги и его изъ Тріеста тащили по горамъ; между тѣмъ китайскій отдѣлъ устроили частныя лица, при содѣйствіи австрійскихъ консуловъ въ Шанхаѣ и другихъ портахъ. Это не мѣшало, однако, находить и въ китайскомъ отдѣлѣ очень хорошія вещи и тѣ путешественники, которые слагаютъ такъ легко похвалы Японіи, выставляя ее страною прогресса и будущности, а Китай—чѣмъ то отжившимъ и разсыпающимся, едва-ли не преувеличиваютъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Въ китайскомъ отдѣлѣ каждый обратилъ вниманіе на превосходныя ширмы съ золоченными рисунками, на различные деревянные столы, ящики и ящички въ китайскомъ вкусѣ. Огромная колекція китайскихъ фарфоровыхъ вазъ позволяла оцѣнить ихъ превосходство сравнительно съ тѣми, по большей части неудовлетворительными поддѣлками, которые встрѣчались по всѣмъ почти отдѣламъ въ фарфоровомъ производствѣ. Поразительнымъ искусствомъ работы и терпѣніемъ отличались также китайскія деревянныя и костяныя рѣзныя вещицы, шахматы и пр.; за то между зонтиками, составляющими, какъ извѣстно, одну изъ спеціальностей Китая, я не нашелъ ничего особеннаго. Въ стеклянныхъ витринахъ, отдѣланныхъ въ ки-

тайскомъ стилѣ, собрали большое количество шелковыхъ матерій прекрасныхъ цвѣтовъ и оригинальныхъ рисунковъ; все это было, конечно, раскуплено на расхватъ любителями рѣдкостей и фабрикантами для образцовъ. Потолокъ отдѣла украшался также различными фонарями, которые вообще искусно выдѣлываютъ китайцы, любители иллюминацій.

Логически слѣдовало-бы послѣ Китая и Японіи поставить выставки Остъ-Индіи и голландскихъ колоній, чтобъ представить Дальній Востокъ вполнѣ; но по какимъ-то соображеніямъ, отдѣлы эти перенесли на выставкѣ въ западную половину дворца и соединили съ отдѣлами государствъ, которыя владѣютъ колоніями. Тамъ эти выставки, также какъ и выставки Алжира, Кохинхины и др. странъ, казались оторванными и недоступными для нагляднаго сравненія. Порядокъ вообще на выставкѣ перепутался; рядомъ съ Японіей стояла Турція, потомъ шли Китай и Персія, и только за послѣдней—Румынія.

Мнѣ передавали, что одинъ изъ офранцуженныхъ турокъ, устраивавшихъ турецкую выставку, говорилъ, что онъ со слезами смотрѣлъ на свой отдѣлъ, видя въ немъ живое доказательство ничтожества своей страны. Конечно, турецкій отдѣлъ не показывалъ никакого движенія впередъ техники, но нельзя сказать, чтобъ онъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Собранныя правитель-

ствомъ коллекціи давали хорошее понятіе о богатствѣ почвы, а въ предметахъ туземной промышленности, не смотря на ихъ несовершенство, видѣлся все-таки отпечатокъ оригинальности (весьма цѣнный при современномъ нивеллирующемъ направленіи вкусовъ). Турецкій отдѣлъ уставили вокругъ манекенами въ національныхъ костюмахъ въ томъ родѣ, какъ сохраняются они въ Музеѣ янычаровъ; тутъ представлялись всѣ народы, населяющіе Турецкую имперію, а на огромной раззолоченной повозкѣ на осяхъ сидѣла турчанка изъ высшаго класса; недоставало только типа современнаго турецкаго чиновника, невѣжественнаго и корыстолюбиваго, но пьющаго шампанское и болтающаго по-французски. Большую толпу привлекали постоянно сдѣланныя изъ гипса и чрезвычайно искусно раскрашенныя рельефныя изображенія Босфора и Іерусалима; кто не путешествовалъ, могъ составить себѣ по нимъ весьма отчетливое понятіе; въ особенности хорошо сдѣлали модель Босфора: весь проливъ со всѣми своими дачами, дворцами, деревнями, и, наконецъ, Стамбулъ, съ башнями, мечетями и минаретами—какъ на ладони; точность исполненія такая, что легко было узнать каждое зданіе. Около вида Босфора выставили два отличныхъ каика, образецъ тѣхъ лодокъ, которыя тысячами шныряютъ взадъ и впередъ по Босфору. Огромную витрину наполнили разнообразными издѣліями изъ перламута—тѣми

которыя наши богомольцы приносятъ обыкновенно изъ Іерусалима. Къ сожалѣнію, ихъ было нельзя разсматривать, такъ какъ стоявшіе около турки по физіономіи узнавали русскихъ, ловили ихъ за фалды и на довольно чистомъ русскомъ языкѣ невыносимо навязывали свой товаръ. Между крупными предметами турецкой промышленности на выставкѣ богато представились мыло, резина, табакъ, который и въ Турціи быстро дорожаетъ и ухудшается отъ введенія монополіи, вино, восковыя издѣлія (свѣчи величиною въ сажень), огромный выборъ ковровъ, поучительное собраніе мѣдной посуды и глиняныхъ издѣлій, изящныя формы которыхъ должны радовать художниковъ, губки, шелкъ и мн. др.; очень плохи турецкія шелковыя издѣлія, деревянныя вещи; очень хороши кожи и разныя вышивки. Всѣхъ экспонентовъ въ турецкомъ отдѣлѣ было 258, но главный экспонентъ — турецкое правительство.

Турецкая архитектура представлялась на выставкѣ довольно многообразно. Тутъ была точная копія съ фонтана Ахмеда II въ Константинополѣ, съ тою разницею, что мраморъ замѣненъ деревомъ, служившая кіоскомъ для египетскаго хедива; кромѣ того выстроили восточный клубъ—копію съ дачи какого-то паши, турецкій жилой домъ въ томъ родѣ, которые украшаютъ живописные берега Босфора, строятся въ мѣсяцъ и горятъ въ десять минутъ; турецкій базаръ и турецкое кафе. Въ по-

слѣднемъ угощали мокскимъ кофе съ гущею, кальянами и трубками съ длинными чубуками. Публика находила очень забавнымъ сидѣть съ длинной палкой въ зубахъ и пускать струи ароматическаго дыма, а потому турецкое кафе было популярно и въ немъ всегда много толкалось народу; къ тому же удовольствіе это обходилось недорого.

Весь тунисскій отдѣлъ выставилъ одно частное лицо — Марпурго-фонъ-Нильма, богачъ изъ Тріеста. Отдѣлъ этотъ напоминалъ наши туркестанскія выставки. Тутъ собрали все, что только можно было собрать въ небольшой восточной странѣ, мало поддающейся прогрессу. Археологъ имѣлъ коллекцію древностей карѳагенскихъ и римскихъ; этнографа интересовала цѣлая комната въ тунисскомъ вкусѣ, съ мебелью и манекенами тунисскаго семейства въ натуральную величину. Мебель поразительно напоминала деревянную крашеную мебель, которая еще въ употребленіи у насъ среди небогатаго городскаго класса; изъ украшеній комнаты замѣчательны были чубуки, длинные, какъ копья. Затѣмъ, кромѣ естественныхъ произведеній страны, собрали большую коллекцію оружія, одеждъ, богато вышитыхъ сѣделъ и сбруи, шелковыхъ издѣлій, посуды, сладостей и прочихъ принадлежностей Востока. Всѣ эти вещи давали полное понятіе о странѣ, на которую съ жадностью глядѣли Италія, Франція и Турція.

Вообще нужно сказать, что устройство восточ-

ныхъ отдѣловъ сдѣлало прогрессъ на выставкахъ. Еще въ Парижѣ отдѣлы эти напоминали скорѣе лавочки для распродажи нѣкоторыхъ восточныхъ товаровъ интересовавшимся провинціаламъ; въ Вѣнѣ эти этнографическія собранія привели въ систему. Отчасти даже реакція въ этомъ отношеніи ударилась въ противуположную крайность, не менѣе заслуживающую порицанія. Толчокъ въ этомъ отношеніи данъ расточительностью бывшаго хедива. Востокъ имѣетъ свои интересныя черты, и вымирающая цивилизація его всегда будетъ поучительна для изслѣдованія; но бросать милліоны рублей, собираемые съ самаго бѣднаго населенія въ мірѣ, чтобъ строить цѣлые дворцы и кварталы, и этимъ тепличнымъ средствомъ знакомить европейцевъ съ Востокомъ — нелѣпо. На вѣнской выставкѣ хедивъ Измаилъ настроилъ нѣсколько вовсе ненужныхъ роскошныхъ зданій, которыя не дешево обошлись бѣднымъ феллахамъ, едва выработывавшимъ средства для покрытія прежнихъ долговъ самолюбиваго деспота, голова котораго очевидно кружилась отъ купленныхъ похвалъ извѣстной печати. Но и этихъ зданій показалось мало хедиву, и онъ построилъ еще въ Пратерѣ собственный звѣринецъ, куда въ 18-ти вагонахъ привезли изъ Африки звѣрей, неизвѣстно съ какой цѣлью. Поучительнѣе было бы взглянуть на живаго феллаха, доведеннаго бѣдностью, невѣжествомъ и деспотизмомъ почти до состоянія животнаго. Египет-

скій отдѣлъ устроили съ такой же роскошью, хотя въ немъ не было ничего особенно примѣчательнаго или новаго; много египетскихъ древностей и затѣмъ тѣ же войлоки, ковры, горшки, посуда и другіе предметы, прискучившіе въ остальныхъ восточныхъ отдѣлахъ. Къ этому прибавили военную аммуницію и плохое оружіе, выставленныя египетскимъ интендантскимъ управленіемъ.

Едва-ли какой отдѣлъ на выставкѣ такъ хорошо соотвѣтствовалъ положенію страны, какъ персидскій: онъ состоялъ изъ уродливой деревянной постели и массы ковровъ, что давало отличное понятіе о странѣ, погруженной въ непробудный, вѣковой сонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ персидскій шахъ задумалъ объѣхать Европу, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ болѣе образованныхъ государствъ, Персія привлекла общее вниманіе, и въ печати, особенно иностранной, распространялись объ этой странѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Трудно было предсказать, какое впечатлѣніе произведетъ путешествіе на шаха, но выводить изъ факта поѣздки какія-либо предсказанія для будущности Персіи было невозможно. Персія давно сошла на степень третьестепеннаго государства, и политически и экономически теперь не многимъ сильнѣе Афганистана. Населеніе быстро уменьшается, большая часть земли остается невоздѣланною, а немногія провинціи, гдѣ сохранилась еще какая-нибудь промышленная и торговая дѣятельность, разоря-

ются неразсчетливой правительственной системой. Недостатку людей не пособитъ и коренное измѣненіе этой системы.

Выставка Персіи отличалась, какъ я сказалъ, огромнымъ выборомъ ковровъ; нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно повѣшенные высоко, очень широки, но, по всей вѣроятности, ихъ сшили изъ нѣсколькихъ полотнищъ. Персидскіе ковры имѣютъ, впрочемъ, цѣнность только въ глазахъ знатоковъ, такъ какъ на видъ въ нихъ нѣтъ ничего красиваго. Кромѣ ковровъ, интересовали еще въ персидскомъ отдѣлѣ оружіе, шелковыя издѣлія, различныя вышивки шелками и золотомъ въ персидскомъ вкусѣ и деревянная лакированная работа съ инкрустаціями; она очень напоминала такія же издѣлія, выставленныя въ остъ-индскомъ отдѣлѣ, но далеко ниже послѣднихъ по искусству. Очень недурно были исполнены акварельные рисунки различныхъ сценъ и типовъ изъ персидской жизни. Въ восточномъ кварталѣ имѣлся цѣлый трехъ-этажный домъ въ персидскомъ стилѣ.

Въ общемъ итогѣ во всѣхъ восточныхъ отдѣлахъ неизмѣнно повторялось одно и то же явленіе: почти всѣ издѣлія плохи, кромѣ оружія, сбруи и глиняной посуды. Фактъ этотъ такъ постояненъ, что одинъ изъ художественныхъ критиковъ вывелъ изъ него родъ постояннаго закона, который можетъ служить для измѣренія степени всемірной цивилизаціи: Англія, несомнѣнно, самая просвѣ-

щенная страна, а потому нѣтъ ничего уродливѣе ея фаянсовой посуды и проще сѣделъ и оружія.

До какой степени неудовлетворительна идея всемірной выставки въ настоящемъ своемъ примѣненіи, тому могла служить примѣромъ выставка Греческаго королевства, отдѣлявшая выставку Россіи отъ Турціи. Всѣмъ извѣстно, что Греція—маленькая, бѣдная страна, живущая морскимъ извозомъ, коринкою и плохимъ деревяннымъ масломъ. Вмѣсто этой естественной своей промышленности греки пожелали выставить произведенія, которыя бы давали право включить ихъ въ число народовъ промышленныхъ. Господи, что это за произведенія! Такихъ каррикатурныхъ издѣлій небыло ни въ одномъ отдѣлѣ. Образцомъ по этой части могла служить греческая стеклянная посуда. Недурна также модель мѣднаго орудія, заряжавшагося съ дула; она показывала, что греческая артиллерія находилась еще въ положеніи европейской артиллеріи 40-хъ годовъ. По каталогу, числилось 293 экспонента, но они выставили по большей части гипсовыя фигуры, которыми переполнили отдѣлъ; фигуры эти, конечно, очень грубы, какъ всѣ гипсовыя издѣлія, но показывали на существованіе оригинальной отрасли промышленности: приготовленіе въ большомъ видѣ копій съ остатковъ классической древности. Эти копіи распродаются музеямъ, рисовальнымъ школамъ, университетамъ, и служатъ моделями при

лекціяхъ по классической археологіи и древнемъ искусствѣ. Большая коллекція греческихъ древесныхъ породъ не имѣла практическаго значенія, такъ какъ лѣса въ Греціи истреблены; образцы минеральныхъ веществъ въ странѣ, гдѣ горное дѣло имѣетъ будущность, поучительнѣе; но, къ сожалѣнію, ихъ представили скудно. Даже Лавріонская компанія, одно изъ важнѣйшихъ горнозаводскихъ предпріятій въ Европѣ, не выставила ничего, чтобъ, вѣроятно, не возбуждать зависти въ сердцахъ греческихъ патріотовъ и не создавать новой серіи безконечныхъ процессовъ.

Румынія точно также не могла представить ничего серьезнаго на всемірную выставку, кромѣ произведеній своего сельскаго хозяйства и нетронутыхъ произведеній своей почвы. Страна эта оригинальнымъ образомъ соединяетъ внѣшній парижскій лоскъ высшаго общества съ первобытнымъ состояніемъ массы: потому первое довольствуется только иностранными произведеніями, а послѣдняя сама снабжаетъ себя неприхотливыми произведеніями, доступными ей по низкому уровню цивилизаціи. При такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста серьозной промышленности; болѣе всего въ румынскомъ отдѣлѣ занимали мѣста народные и псевдонародные (маскарадные) костюмы: нѣкоторые изъ нихъ очень роскошны; развѣшенныя по стѣнамъ акварели объясняли употребленіе этихъ костюмовъ. Дополненіемъ этой этнографической коллек-

ціи служили коллекція оружія и церковныхъ принадлежностей, любопытная для насъ, такъ какъ это вещи православнаго богослуженія. Изъ обработанныхъ продуктовъ наиболѣе вниманія въ румынскомъ отдѣлѣ заслуживали конфекты и разныя сладости, употребленіе которыхъ развито въ Румыніи чрезвычайно и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ препровожденій времени для лѣниваго и сытаго высшаго класса общества. Другіе фабрикаты, кромѣ, впрочемъ, кожъ и нѣкоторыхъ шелковыхъ матерій, могли возбуждать только улыбку, какъ, напр., разные музыкальные инструменты и т. п. Но самое странное впечатлѣніе производили разставленныя въ отдѣлѣ румынскихъ художниковъ картины масляными красками. Только одна изъ нихъ не лишена значенія по отношенію къ окружающей обстановкѣ: это картина, изображавшая учредительное собраніе (Constituanta) 1866 года, которому Румынія обязана своимъ настоящимъ, весьма либеральнымъ государственнымъ устройствомъ. Картина эта писана, очевидно съ фотографическаго снимка.

Рядомъ съ этими восточными народами стояла наша матушка-Россія. Если разсматривать ея отдѣлъ безпристрастно, то нельзя не согласиться, что русскій отдѣлъ, за малыми исключеніями, составили недурно; въ немъ было много вещей интересныхъ и даже такихъ, которыми мы могли справедливо гордиться передъ Европою. Несмотря на

это, русская выставка производила какое-то странное впечатлѣніе, не очень веселившее русское сердце. Разсматривая нашъ отдѣлъ, можно было подумать, что вся производительность сосредоточивается въ Россіи въ аптекахъ, такъ мизерно были устроены эталажи; между тѣмъ извѣстно, какое громадное развитіе имѣютъ у насъ промышленности хлопчато-бумажная, шерстяная, кожевенная, металлическая, свекло-сахарная, винокуренная и др. Это ничѣмъ для публики не объяснялось, и иностранцы, вообще такъ мало знакомые съ нашимъ экономическимъ положеніемъ, получали совершенно невѣрное и превратное понятіе о положеніи нашей промышленности. При этомъ мы не выказали ни малѣйшаго умѣнія показать свой товаръ лицомъ: то, что было дѣйствительно замѣчательнаго въ русскомъ отдѣлѣ, скрыли и разбросали по угламъ, куда публика рѣдко заглядывала, а на видныхъ мѣстахъ красовались издѣлія, которымъ бы и не слѣдовало, пожалуй, появляться на всемірной выставкѣ.

Замѣчательнѣйшимъ русскимъ произведеніемъ на выставкѣ оказалось 12-дюймовое стальное орудіе обуховскаго завода, въ 2,400 пудовъ. Будучи поставлено въ центрѣ нашего отдѣла, подобное чудовище произвело бы эффектъ не меньшій, чѣмъ знаменитая крупповская пушка, Argument de la Prusse, въ 1867 году въ Парижѣ, которая вѣсила еще на 300 пудовъ менѣе нашей; но послѣднее

приходилось отыскивать въ особой пристройкѣ, гдѣ помѣщались морское и военное отдѣленія. Превосходнѣйшія издѣлія нашихъ казенныхъ фабрикъ фарфоровой, стеклянной и гранильныхъ, хотя и не имѣющіе никакого промышленнаго значенія, также очень украсили бы русскій отдѣлъ; но они терялись въ ротондѣ, среди множества разнообразныхъ предметовъ другихъ странъ; сельско-хозяйственные, механическіе и художественные предметы, выставленные Россіей, размѣстились въ разныхъ павильонахъ. Такимъ образомъ, не смотря что русскихъ экспонентовъ на вѣнской выставкѣ было болѣе нежели на парижской (свыше 1,000, не считая картинъ и отдѣленій кавказскаго и туркестанскаго), общее впечатлѣніе нашего отдѣла казалось мизернѣе, хотя Россію поставили для сравненія довольно выгодно — съ одной стороны между отсталымъ Востокомъ, а съ другой рядомъ съ Венгріей, промышленность которой не представляетъ ничего достойнаго вниманія. Еслибъ не чучела медвѣдей, то публика переходила бы спокойно изъ венгерскаго отдѣла въ греческій; даже и не подозрѣвая, что находится въ русскомъ отдѣлѣ. Послѣдній обидѣли нѣсколько относительно пространства, какъ и другіе иностранные отдѣлы: австрійцы положительно отвели для нѣкоторыхъ вѣнскихъ магазиновъ болѣе мѣста, нежели для выставокъ цѣлыхъ государствъ.

Изъ предметовъ горнаго и металлическаго про-

изводства, кромѣ орудій обуховскаго завода, отличныя произведенія выставили казенные горные заводы и нижнетагильскіе заводы П. П. Демидова. По мануфактурной промышленности витрина Ліонскаго магазина заключала превосходныя шелковыя матеріи въ русскомъ вкусѣ. Я заподозрилъ, что онѣ сдѣланы во Франціи, что дало поводъ къ ожесточенной полемикѣ въ газетахъ. Изъ русскихъ болѣе извѣстныхъ мануфактуристовъ выставили свои произведенія, достоинство которыхъ оцѣнено уже на предъидущихъ выставкахъ: суконные товары—Захертъ, бар. Штиглицъ, Бабкинъ, Фидлеръ, Іокишъ, бар. Унгернъ-Штернбергъ, Селиверстовъ; смѣшанныя издѣлія—Емельяновъ, Рошфоръ и Арманъ; хлопчатобумажныя издѣлія—Третьяковъ, Барановъ, Рабенекъ, Гюбнеръ, Морозовы; льняныя издѣлія — бар. Штиглицъ, Грибановъ, Жирардовская фабрика (замѣчательно, что не было порядочныхъ русскихъ канатовъ); парчу — Сапожниковъ. Резиновыя издѣлія Россійско-американской мануфактуры помѣстили на почетномъ мѣстѣ въ ротондѣ. Изъ готовыхъ издѣлій и нарядовъ болѣе всего покупали шерстяныя казацкія бѣлыя шали изъ козьяго пуха и пуховыя издѣлія г-жи Виноградовой. Г. Барановскій выставилъ свои превосходные полушубки; но по части мѣховъ толпа стояла болѣе всего у витрины Одноушевскаго, гдѣ выставили шубы изъ чернобурыхъ лисицъ въ 3,000 р. и соболью въ 4,000 р. Нѣмецкая

публика охотнѣе, впрочемъ, спрашивала цѣны у Грюнвальда, изъ Риги, выставившаго кошачьи, собачьи, бѣличьи и др. модные въ Германіи мѣха. Казанскія и кунгурскія фабрики представили кожи, а петербургскія и московскія мастера—готовую обувь. Изъ кожанныхъ издѣлій была весьма неудачна наша упряжь.

По металлическимъ издѣліямъ русское серебряное и ювелирное производства всегда блистали на всемірныхъ выставкахъ. Въ Вѣнѣ выставили свои издѣлія въ русскомъ вкусѣ: Сазиковъ, Овчинниковъ, Постниковъ, Чичилевъ и др.; произведенія эти немедленно раскупили богачи разныхъ странъ. Бронзовый заводъ Шопена выставилъ отличныя вещи (царскія врата, люстры, статуи и народные типы); очень хороша была чугунная рѣшетка завода Санъ-Галли въ русскомъ стилѣ, отдѣлявшая дворъ нашего отдѣла отъ главной аллеи. Павловскія стальныя издѣлія и тульскіе самовары давали понятіе о положеніи русской мелкой металлической промышленности. Деревянныя издѣлія и мебель не представляли въ нашемъ отдѣлѣ ничего особеннаго, сравнительно съ роскошными предметами прочихъ отдѣловъ: стоитъ упомянуть только, ради курьеза, о гнутой буковой мебели фабрики графа Полотино и А. Махонбаума; хотя мебели плохинькой, но ея производство считалось до тѣхъ поръ чуть не секретомъ извѣстнаго Тонета. Фарфоръ, фаянсъ, стекло, це-

ментъ и глиняныя издѣлія наши вышли неважны; кромѣ упомянутыхъ выше издѣлій казенныхъ заводовъ, выставившихъ провосходныя вазы, статуетки, народные типы, шкафы, столы и посуда. Изъ каменныхъ издѣлій произведенія нашихъ гранильныхъ фабрикъ не имѣютъ себѣ въ Европѣ равныхъ. Въ особенности блистала огромная ваза, сдѣланная на екатеринбургской фабрикѣ; ее работали десятки лѣтъ. Много русскихъ каменныхъ вещей выставилъ также магазинъ Шпергазе и продавалъ ихъ, кажется, успѣшно. По части бумаги выдались только издѣлія экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ. Въ печатномъ отдѣлѣ почти не было ничего, кромѣ изданій заведенія Ильина. За то очень богатъ отдѣлъ фотографіи; тутъ отличились Деньеръ, Мѣчковскій, Фаянсъ и Бергамаско; послѣдній выставилъ портреты всѣхъ замѣчательныхъ петербургскихъ камелій. Рояли нашихъ петербургскихъ, московскихъ и варшавскихъ фабрикъ, Беккера и др., обѣщали также занять не послѣднее мѣсто въ ряду подобныхъ произведеній на выставкѣ. Остальныя русскія произведенія не заслуживали особаго вниманія.

Оканчивался русскій отдѣлъ выставками туркестанскою и кавказскою. Въ обѣихъ собрали малую часть коллекцій, которыя фигурировали на московской политехнической выставкѣ. Туркестанская коллекція была не лишена интереса для

иностранныхъ посѣтителей всемірной выставки. Сравненіе ея съ прочими восточными отдѣлами показывало ясно, какъ низка еще степень развитія средне-азіатскихъ владѣній, и подтверждало во-очію тѣ блага, которыя пріобрѣтала цивилизація отъ покоренія этихъ странъ русскимъ оружіемъ. Къ сожалѣнію, кавказскій отдѣлъ, съ своими произведеніями, охлаждалъ нѣсколько это впечатлѣніе, указывая на то, что русская цивилизація движется уже слишкомъ медленно и нужны десятки лѣтъ на то, что на западѣ достигается годами.

Кромѣ того русскій отдѣлъ представлялся еще отдѣльными павильонами. Павильонъ Государя Императора, въ стилѣ коломенскаго дворца роскошно отдѣлали внутри. Павильонъ русскаго ресторана былъ довольно красивъ, но слѣдовало тщательно избѣгать посѣщенія его внутренности. Иностранцы быстро оцѣнили это заведеніе, въ которомъ, впрочемъ, только имя было русское, а кухня нѣмецкая. Украшеніемъ русскаго отдѣла могла служить, поставленная, къ сожалѣнію, въ глухомъ мѣстѣ, русская изба, построенная Громовымъ. Только японцы поспорятъ съ искусствомъ плотничной работы, приложенной къ постройкѣ этого зданія. Изба была верхъ изящества; замки и скобки мѣдные, стекла въ окнахъ зеркальные. Когда русскіе мужики дѣйствительно будутъ жить въ подобныхъ избахъ, то русскій отдѣлъ не будетъ уже занимать такого скромнаго мѣста на всемірныхъ выставкахъ, какое занималъ до-сихъ поръ.

III.

Отдѣлы австрійскій, венгерскій и германскій.

Мадъяры особенно заботились о томъ, чтобъ какъ можно рельефнѣе выдѣлить свой отдѣлъ изъ австрійскаго, и разукрасили его для того безчисленнымъ множествомъ венгерскихъ флаговъ, гербовъ и надписей на своемъ непонятномъ языкѣ; тѣмъ не менѣе, даже при внимательномъ разсмотрѣніи, трудно было уловить черты, которыми венгерская промышленность отличается отъ австрійской; къ тому же, побѣдивъ трудности мадъярской орфографіи, усматривалось, что и имена фабрикантовъ большею частью нѣмецкія, и развѣ выдавалась какая-нибудь славянская фамилія: г. Праведный, или чаще всего г. Покорный. Такія ужъ въ Австро-Венгріи у славянъ клички. Нѣкоторыя венгерскія фабрики являлись даже просто суккурсаліями извѣстныхъ австрійскихъ фабрикъ. Такъ, напримѣръ, гнутая мебель Тонета, выставленная одинаково въ обоихъ отдѣлахъ. Между товарами, которые ничѣмъ не отличались отъ однородныхъ австрій-

скихъ, кромѣ развѣ худшимъ качествомъ, можно указать въ венгерскомъ отдѣлѣ на стекло и хрусталь, фарфоръ, мебель и деревянныя издѣлія часы, стеаринъ, фотографіи и мн. др.

Болѣе характерны были собранія великолѣпныхъ мадъярскихъ костюмовъ, издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ въ народномъ стилѣ, издѣлія изъ благороднаго опала, составляющія спеціальность Венгріи. Съ одобреніемъ пришлось отнестись и ко всѣмъ издѣліямъ изъ кожи и мѣха, въ особенности къ обуви и полушубкамъ; но превосходнѣе всего было огромное собраніе національныхъ одеждъ мадъярскихъ, сербскихъ и румынскихъ, состоявшее также преимущественно изъ полушубковъ великолѣпно расшитыхъ шелками. Для спеціалистовъ же имѣлъ значенія венгерскій горнозаводскій отдѣлъ: огромныя глыбы каменной соли изъ Марамороша, разнообразныя коллекціи издревле знаменитаго своимъ руднымъ богатствомъ Шемницкаго горнаго округа, и пр. Очень было богато въ отдѣлѣ и собраніе учебныхъ коллекцій и книгъ на мадъярскомъ языкѣ; послѣднія печатаются нерѣдко съ роскошью, образчикомъ которой могутъ служить изданія центральнаго статистическаго бюро, съ отлично исполненными графическими изображеніями. Недурны также карты и др. изданія топографическаго института.

Оканчивался венгерскій отдѣлъ морскимъ и военнымъ отдѣленіями. Въ морскомъ помѣщались.

между прочимъ, планы и модели разныхъ венгерскихъ портовъ. По мысли Кошута, мадъяры очень заняты прежде открытіемъ для Венгріи собственныхъ морскихъ сообщеній. Для устройства ничтожнаго прежде порта Фіуме они ассигновали 13 мил. гульд.; сумма не малая, особенно если вспомнить, что 12 мил. руб. для улучшенія петербургскаго порта, перваго въ имперіи, купцы наши находили чуть не баснословною. Большая модель фіумскаго порта, который открывалъ сбытъ южной Венгріи и Тріединому королевству, имѣлась на выставкѣ. Въ военномъ отдѣленіи красовалась огромная группа гонведовъ артиллеріи съ орудіями и митральезами, кавалеріи, пѣхоты, саперовъ и пр., разставленная на искусственномъ холмѣ очень живописно и вмѣстѣ съ тѣмъ удобно для обозрѣнія; оригинально то, что у всѣхъ фигуръ группы самое грустное выраженіе, точно гонведы жалѣли, что не представлялся случай отличиться въ войнѣ съ Австріей.

Кромѣ отдѣленій сельско-хозяйственнаго и механическаго венгерскій отдѣлъ пополнялся еще особыми павильонами для вина, лѣсныхъ произведеній и крестьянскимъ домикомъ.

По очереди мнѣ слѣдуетъ перейти теперь къ австрійскому отдѣлу: но здѣсь, нужно сознаться, задача корреспондента такъ трудна, что нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ объясненій относительно способа, принятаго мною при описаніи выстав-

ки. Въ австрійскомъ отдѣлѣ 12,000 экспонентовъ для того, чтобы не только оцѣнить, но и взглянуть на эти произведенія, требовались мѣсяцы, да это и не привело бы ни къ чему, потому что Австрія, какъ другія государства, не выставила только вещи характерныя или почему-либо особенно замѣчательныя: промышленность ея представлялась на выставкѣ вся, можно сказать даже, въ излишней полнотѣ. Разобраться среди этихъ милліоновъ вещей могли только многочисленныя экспертныя коммисіи. Къ тому же баронъ Шварцъ, гоняясь только за тѣмъ, чтобъ сдѣлать выставку по возможности громаднѣе и желая вочто бы то ни стало отличить вѣнскую выставку отъ парижской, придумалъ для нея такую странную систему, что уже она одна мѣшала обозрѣть австрійскій отдѣлъ. При дозволеніи ставить вещи положительно какъ попало, и экспертныя коммисіи не скоро добились какихъ-либо результатовъ. Къ тому же не было настоящаго каталога (исключенія составляли отдѣлы бельгійскій и русскій). То что называлось оффиціальнымъ каталогомъ, совершенно безполезная книга, содержавшая безъ всякаго научнаго порядка списокъ экспонентовъ, причемъ огромное число ихъ пропустили, что не вознаграждалось помѣщеніемъ въ книгѣ такихъ лицъ, издѣлій которыхъ на выставкѣ совсѣмъ не было.

Какъ понималась вообще цѣль всемірныхъ выставокъ, видно изъ распоряженія, по ко-

торому арестовывали всѣхъ, кто желалъ дѣлать отмѣтки въ записной книгѣ. Потомъ это безсмысленное распоряженіе смягчилось разъясненіемъ, что запрещается только срисовывать что-либо. На выставкѣ также почти не было стульевъ, и кто желалъ добросовѣстно осматривать отдѣлы, невольно обращался въ perpetuum mobile. Корреспондентъ лишался въ Вѣнѣ и послѣдняго ресcурса—совѣта спеціалистовъ и обмѣна мыслей. На парижской выставкѣ въ каждомъ отдѣлѣ былъ столъ, вокругъ котораго собирались коммиссары и экспоненты; кромѣ того, въ ресторанахъ можно было встрѣтить кружки представителей разныхъ націй. Въ Вѣнѣ все шло въ разбродъ; каждый торопился и старался быть на выставкѣ по возможности меньшее время.

Въ 1867 году австрійскій отдѣлъ на парижской выставкѣ поразилъ многихъ своимъ изяществомъ. Успѣхъ австрійской техники удовлетворялъ самолюбіе австрійцевъ за понесенныя только что передъ тѣмъ чувствительныя пораженія въ войнѣ. Эти успѣхи увлекли до того австрійцевъ, что они рѣшились устроить и у себя всемірную выставку, на что́ не рѣшалась до того ни одна столица, кромѣ Парижа и Лондона. Такое самолюбіе возбудило сильный интересъ въ средѣ европейскихъ фабрикантовъ и спеціалистовъ, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ, какъ выйдетъ Австрія изъ положенія, въ которое она себя добровольно

поставила. Мнѣнія насчетъ этого исхода теперь сильно раздѣлены. Одни находятъ, что австрійская промышленность сдѣлала для всемірной выставки 1873 года все, что̀ могла, и явилась въ блистательномъ видѣ — это преимущественно мнѣніе самихъ австрійцевъ, а также тѣхъ путешественниковъ, которые оцѣниваютъ достоинство произведеній ихъ количествомъ и грандіозностью витринъ; другіе, напротивъ, находили, что Австрія не выдержала своей роли и промышленная отсталость ея проявилась не только въ разнообразныхъ издѣліяхъ, представленныхъ на выставку, но и въ весьма неудовлетворительномъ механизмѣ самаго устройства всемірной выставки. Для выставки всѣ работы обходились баснословно дорого и исполнялись неаккуратно, рабочихъ оказалось мало, не смотря на приливъ ихъ изъ Италіи, и они работали такъ неудовлетворительно, что для выгрузки 200 вагоновъ требовалось напр. 8 дней; механическихъ средствъ для подъема крупныхъ вещей въ Вѣнѣ не было—все творилось руками человѣческими; не хватало даже хорошаго стекла для витринъ и его выписывали изъ Бельгіи, хотя стеклянный отдѣлъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ, по объему, въ австрійской выставкѣ.

Огромнаго числа экспонентовъ добились у себя австрійцы тѣмъ, что пригласили къ участію въ выставкѣ не только всѣ фабрики и магазины, но и отдѣльныхъ ремесленниковъ. Не было въ Вѣ-

нѣ сапожника, токаря или переплетчика который не представилъ бы чего-нибудь на выставку. Мелкіе ремесленники, разные слесаря и т. п., собирали свои ничтожныя произведенія въ одно цѣлое, и такимъ образомъ получались такъ-называемыя „коллективныя выставки", дающія весьма превратное понятіе о положеніи промышленности. Въ каждой странѣ обращается масса издѣлій, и еслибъ по извѣстному уговору въ одно время изо всѣхъ лавокъ перенести всѣ товары въ отдѣльное зданіе, то, пожалуй, въ каждомъ уѣздномъ городѣ можно бы устроить всемірную выставку; но вопросъ въ томъ, что изображала бы такая выставка? Между тѣмъ, это отчасти случилось съ австрійскимъ отдѣломъ, для котораго были очищены вѣнскіе магазины. Такимъ путемъ какой-нибудь столяръ или позолотчикъ деревянныхъ рамъ, занимая своими издѣліями нѣсколько квадратныхъ саженъ, казался, при ничтожномъ въ сущности оборотѣ, крупнымъ фабрикантомъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобъ въ австрійскомъ отдѣлѣ не было вещей, которыя могли бы служить украшеніемъ для какого угодно государства, но желалъ только указать на его общее значеніе, чтобъ предупредить отъ увлеченія массою вещей, всегда соблазнительною.

Австрійскій отдѣлъ занималъ болѣе двухъ пятыхъ дворца промышленности, да кромѣ того нѣсколько десятковъ павильоновъ; къ этому нуж-

но прибавить, что нѣкоторые отдѣлы долго не открывались: не было вещей Тріединаго королевства, уничтоженныхъ какою-то желѣзною дорогою, произведеній многихъ чешскихъ фабрикантовъ, потребовавшихъ для Чехіи особаго помѣщенія съ народными гербами и флагами; не было фотографовъ, которые отказались выставлять свои произведенія, такъ какъ въ ихъ отдѣлѣ крыша текла постоянно. И однако, несмотря на эти пробѣлы, представили предметовъ такъ много, что пришлось застроить почти всѣ дворы между поперечными галлереями. Продольную галлерею заняли лучшими произведеніями—галантерейными, ювелирными, мебелью и мануфактурными. Роскошь обстановки доходила здѣсь до безобразія: многія витрины обошлись экспонентамъ по 20, 30 и даже 40 тысячъ гульденовъ; за то очень часто, кромѣ красивой витрины, и смотрѣть было не на что. Къ этой продольной галлереѣ, длиною саженъ въ полтораста, примыкали поперечныя галлереи: на лѣво галлереи: бронзъ, косметическихъ издѣлій, часовъ, инструментовъ и игрушекъ, мебели, билліардовъ, обоевъ сукна и шерстяныхъ товаровъ, экипажей; на право галлереи: стекла и хрусталя, лампъ и бронзы, оружія, металлическихъ издѣлій, стеарина, мыла и химическихъ продуктовъ, бумажныхъ издѣлій, полотенъ, цвѣтовъ, ковровъ, шелковыхъ издѣлій.

Одно исчисленіе громадныхъ галлерей, переполненныхъ товарами, показываетъ уже богатство

австрійскаго отдѣла; но это только еще часть выставки: горное дѣло занимало, кромѣ того, три огромныхъ павильона, лѣсное дѣло—три павильона, сельское хозяйство—четыре большихъ павильона, механическое производство—порядочную часть машиннаго зданія, австрійскія минеральныя воды—павильонъ. Особые павильоны имѣли также торговый флотъ, Австро-Венгерскій Ллойдъ, дунайская пароходная компанія, различныя желѣзныя дороги, первая австрійская сберегательная касса, табачное управленіе, выставка женскихъ работъ и игрушекъ, выставка искусственныхъ камней, собраніе цементовъ, желѣзной мебели, асфальта, мостовыя разныхъ системъ, и т. д., и т. д., наконецъ, особый павильонъ занимала редакція „Neue Freie Presse“, гдѣ большая типографія публично печатала ежедневное приложеніе къ распространеннѣйшей вѣнской газетѣ о всемірной выставкѣ. Приложеніе это, какъ всѣ до сихъ поръ существовавшія ради выставокъ изданія, было очень плохо и безполезно и для экспонентовъ, и для посѣтителей. Выставочная литература вообще очень безсодержательна, по той, полагаю, весьма простой причинѣ, что технологи не занимаются литературою, а литераторы ничего не смыслятъ въ технологіи.

Изъ исчисленныхъ выше павильоновъ обращалъ вниманіе одинъ изъ горнозаводскихъ, гдѣ выставили замѣчательную коллекцію знаменитыхъ шти-

рійскихъ косъ, которыми снабжаются земледѣльцы въ бо́льшей части Россіи, и павильонъ торговаго флота. Въ цѣломъ послѣдній походилъ на морской отдѣлъ нашей московской политехнической выставки, съ тою разницею, что на послѣдней все сдѣлала казна и фигурировалъ почти исключительно флотъ казенный, здѣсь же, не смотря на малое развитіе австрійской береговой линіи, видно. что флотъ составляетъ народную промышленность; потому за болѣе дешевую цѣну павильонъ представилъ не менѣе поучительнаго, чѣмъ московскій хрустальный дворецъ.

Изъ числа произведеній австрійской промышленности, сосредоточенныхъ или въ ротондѣ, и получившихъ, слѣдовательно, оффиціальное удостовѣреніе въ своемъ превосходствѣ, или помѣщенныхъ на особенно бойкихъ мѣстахъ, слѣдовало обратить вниманіе на нѣкоторыя, производители которыхъ давно пользуются европейскою знаменитостью. Таковы шелковыя издѣлія Филиппа Газе въ Вѣнѣ, занявшаго для своихъ мебельныхъ и др. матерій болѣе мѣста, чѣмъ многія отдѣльныя государства; галантерейныя издѣлія Клейна; фарфоръ Фишера и Мига, близъ Карльсбада, отличающійся превосходною живописью; фосфорныя спички Поллака, который выставилъ цѣлыя картины, сложенныя изъ разноцвѣтныхъ спичекъ—лучшихъ спичекъ въ мірѣ; бумажная пряжа, бумажныя издѣлія, легкія шелковыя матеріи, шерстяныя

издѣлія, ковры, фецы, которыми снабжаетъ весь фешенебельный востокъ Вольфъ Фюртъ, салфетки, мебельныя шерстяныя матеріи; кожи, сбруя и сѣдла, во всѣхъ отношеніяхъ отличныя; прекрасныя офицерскія вещи; духи; бумага изъ дерева: Шлегемюль, выставилъ, между прочимъ, листъ бумаги, длиною 15³/₄ верстъ; изъ свѣчей и стеарина построили на выставкѣ цѣлыя зданія, съ колоннами и бюстами громадной величины; по всему казалось, что эта промышленность стоитъ въ Австріи на высокой степени совершенства. Далѣе шли оптическія инструменты, колокола изъ Лайбаха, серебряныя издѣлія и ювелирныя издѣлія. Кобекъ и Эгида выставили ожерелье, цѣною слишкомъ въ милліонъ гульденовъ; оно помѣщалось въ витринѣ, которая, говорятъ, на ночь, помощью особаго механизма, проваливалась подъ землю. Далѣе можно упомянуть: несгораемые шкафы самой большой фабрики этихъ издѣлій въ Европѣ — Вертгейма, лампы, издѣлія изъ разныхъ сплавовъ — Бахманъ сложилъ изъ ложекъ замѣчательныя фигуры; ружья Шпрингера, стекло и хрусталь, глиняныя и изразцовыя издѣлія, отличающіяся тонкостью и изяществомъ, зеркала; издѣлія изъ пѣнки и янтаря: тутъ собрали коллекцію трубокъ и мундштуковъ, изъ которыхъ иные такой величины, что ихъ въ зубахъ нужно держать двумя руками; фортепіано, духовые инструменты, органы; гнутую мебель; мебель (Франкъ устроилъ цѣлую богатую спальню

и даже застлалъ кровати, что заставляло скромно опускать глазки проходящихъ мимо англичанокъ); типографскія издѣлія. Знаменитая императорская типографія не выставила, къ сожалѣнію, никакихъ произведеній. Долго было бы перечислять всѣхъ особенно отличившихся экспонентовъ; очень многіе выставили, превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ издѣлія, а Клейнъ, Тонетъ, Поллакъ и др. не имѣютъ въ Европѣ соперниковъ.

Этнографическая сторона австрійскаго отдѣла дополнялась школьнымъ домомъ и крестьянскими постройками: кроатской, румынской, секлерской, трансильванской, словакской, форальбергской, тирольской; кулинарная часть представлялась: вѣнской булочной, четырьмя пивными, изъ которыхъ каринтійская была модною, хотя пиво во всѣхъ одинаково превосходно, и нѣсколькими ресторанами, гдѣ кормили неважно, за то и брали сравнительно умѣренныя цѣны. Потому эти учрежденія постоянно осаждались многочисленною публикой. Любители болѣе изысканной кухни обѣдали или въ городѣ, у Захера (Захеръ, впрочемъ, былъ и на выставкѣ), Брейнга и Небуса, въ Grand-Hotel, или во французскомъ ресторанѣ.

Такъ и видно, что на своемъ отдѣлѣ нѣмцы хотѣли отпечатать слово: побѣда! Это выражалось въ нѣкоторой претенцозности и торжественности обстановки, а также въ излишкѣ изображеній изъ мрамора, мыла, сургуча, серебра и даже столяр-

наго клея различныхъ героевъ франко-прусской войны, заслуги которыхъ едва-ли имѣли какое-либо отношеніе къ мирнымъ успѣхамъ промышленности. Впрочемъ, что̀ жаловаться на нѣмцевъ, когда турки на перламутровыхъ вещахъ изъ Іерусалима продавали медальоны Мольтке и Бисмарка! Германскій отдѣлъ имѣлъ видъ вообще внушительный, и лучше германскаго отдѣла на парижской всемірной выставкѣ; можетъ быть и отъ того, что нѣмцы съ тѣхъ поръ присоединили къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя высоко развитыя промышленныя области, отнявъ ихъ у другихъ народовъ. Германскій отдѣлъ превосходилъ также другіе отдѣлы, кромѣ австрійскаго, и по числу экспонентовъ, ихъ было 2,448, не считая множества лицъ, соединившихъ свои произведенія въ одно цѣлое. Кромѣ того, германскій отдѣлъ могъ служить примѣромъ толковаго и систематическаго расположенія предметовъ. По своему объему, германскій отдѣлъ равнялся петербургской мануфактурной выставкѣ 1870 года и, за малыми исключеніями, напоминалъ даже эту выставку и по наружности: то же изобиліе предметовъ сѣраго цвѣта, средняго достоинства и сомнительнаго вкуса, сообразно массѣ потребителей нѣмецкихъ фабрикатовъ.

Горный и металлургическій отдѣлы, помѣщавшіеся въ двухъ большихъ павильонахъ, занимали въ германскомъ отдѣленіи самую почетную роль, какъ и приличествовало странѣ, которая въ десять лѣтъ

заняла второе, послѣ Великобританіи, мѣсто въ горной промышленности. Великолѣпныя графическія таблицы очень наглядно показывали это возрожденіе, а также колебанія производства изъ года въ годъ. Замѣчательно, что трехнедѣльная война 1866 года имѣла на германскую промышленность вліяніе несравненно болѣе сильное, чѣмъ тянувшаяся болѣе полугода война 1870 года: въ то время, когда въ 1866 г. производство, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, сократилось почти на половину, въ 1870 году оно уменьшилось едва на четверть. Это относится также къ горному дѣлу, которое обыкновенно во время войны скорѣе развивается, нежели падаетъ, въ виду потребности въ металлахъ. Украшеніемъ прусскаго горнаго отдѣла, вообще превосходнаго, служилъ Круппъ, занимавшій совершенно отдѣльный павильонъ, наполненный издѣліями, отъ которыхъ спеціалистъ могъ прійти въ восторгъ. Впрочемъ, самое большое орудіе Круппа было только нѣсколько длиннѣе русскаго, а калибръ обоихъ одинаковъ. Не менѣе замѣчательныя издѣлія выставилъ и знаменитый бокумскій заводъ: между прочимъ, стальную штангу 32 метровъ длины и вѣсомъ 6,000 килогр., выкованную изъ одного куска.

Въ отдѣльныхъ павильонахъ помѣщались: въ небольшомъ — предметы школьнаго обученія, въ обширномъ, примыкавшемъ ко дворцу промышленности — VI, VII и XII классы германскаго отдѣла;

тутъ собрали безчисленное множество разнородныхъ, по большей части мало чѣмъ примѣчательныхъ, издѣлій изъ кожи и каучука, игрушекъ, фотографій, издѣлій изъ волоса, рога и пера, деревянныхъ издѣлій, военныхъ вещей, книгъ, переплетовъ, и въ особенности, металлическихъ издѣлій. Въ павильонѣ герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго также заключались различныя издѣлія германской промышленности.

Въ самомъ дворцѣ выставки нѣмцы занимали половину обширной квадратной галлереи, окружавшей ротонду, причемъ всѣ государства имперіи тщательно перемѣшались, и только изрѣдка бюсты и гербы напоминали еще о существованіи разныхъ Баденовъ и Мекленбурговъ. Начинался нѣмецкій отдѣлъ выставкою произведеній химической переработки, между которыми отличалась коллекція сахарныхъ фабрикантовъ. Пруссія—родина свекловичнаго сахара, и великолѣпная карта заводовъ показывала значеніе Магдебурга въ европейскомъ сахарномъ производствѣ. За химическими произведеніями шло обширное собраніе инструментовъ астрономическихъ, физическихъ и химическихъ, приготовленіемъ которыхъ славится Германія, а также часовъ, въ особенности деревянныхъ, шварцвальдскихъ. Часть продольной галлеріи занимали предметы особенной цѣнности. Тутъ размѣстили произведенія лучшихъ фарфоровыхъ заводовъ, изъ которыхъ особенно вы-

давались издѣлія саксонской мейссенской фабрики, куда было перенесено изъ Китая фарфоровое производство; издѣлія берлинской королевской фабрики уже гораздо хуже; отличныя фотографіи, серебряныя издѣлія, зеркала и многочисленныя издѣлія ювелирныя. Далѣе вокругъ ротонды выставили бронзу, мебель, обои—все это, конечно, ординарное; потомъ деревянныя издѣлія, огромнѣйшее число хлопчато-бумажныхъ тканей—саксонскихъ, баварскихъ и прусскихъ, полотенъ и льняныхъ издѣлій и суконъ. Мануфактуры Силезіи, Прирейнской Пруссіи, Вестфаліи и Баваріи такъ извѣстны, что, безъ сомнѣнія, въ средѣ этого множества издѣлій спеціалистъ находилъ не мало замѣчательныхъ вещей среднихъ цѣнъ. Оканчивался германскій отдѣлъ готовымъ платьемъ, обувью, кожами и шляпами—все предметами, которые не составляютъ сильной стороны германской промышленности.

Отдѣльно въ ротондѣ, гдѣ, какъ я неоднократно повторялъ, допускались только лучшія произведенія, нѣмцы выставили: ружья знаменитаго изобрѣтателя игольнаго ружья Дрейзе; карандаши и письменныя принадлежности; янтарныя издѣлія (собраніе мундштуковъ на чубуки Б. Лидке въ Кенигсбергѣ могло привести въ восторгъ даже персидскаго шаха); мѣха выдѣланные въ Лейпцигѣ, центрѣ всемірной мѣховой торговли; духи и знаменитый одеколонъ Іогана Маріи Фарины

въ Кельнѣ. Какъ извѣстно, въ Кельнѣ по крайней мѣрѣ тридцать фабрикъ „настоящихъ“ Іогана Маріи Фарины; я думалъ, что выставочная коммисія разузнаетъ, наконецъ, кто же изъ нихъ настоящій; оказалось, однако, что въ одной ротондѣ было четыре подлинныхъ Фаринъ, не считая другихъ помѣщеній. Далѣе шли издѣлія изъ гагата; сафьянъ и другія кожи; мебель; стекло; роскошный альбомъ въ честь золотой свадьбы саксонскаго короля бумажныя матеріи эльзасскихъ и крефельдскихъ фабрикъ; шелковыя, шерстяныя издѣлія въ Хемницѣ; искусственные цвѣты въ Берлинѣ и Мюнхенѣ; цѣлая колонна изъ парафина, а также парафиновыя издѣлія; замѣчательныя рѣзныя и точеныя вещи изъ слоновой кости и рога; рамки; серебряныя вещи, ничѣмъ не примѣчательныя; цинковыя издѣлія; органы; часы и нѣкоторые другіе, менѣе интересные предметы. Вообще при сравненіи совершенства издѣлій, но не принимая въ разсчетъ размѣровъ производства, саксонская и эльзасская промышленности отличались наибольшими достоинствами; затѣмъ уже шли фабрики Пруссіи и Баваріи.

Нѣмецкое домоводство представлялось на выставкѣ эльзасскимъ крестьянскимъ домомъ, гдѣ помѣщался ресторанъ, угощавшій публику французскою кухнею, не смотря на чувствительную надпись на домѣ, приглашавшую „любить все нѣмецкое“. Надпись эта однако не подѣйствовала и

на вѣнской выставкѣ такъ мало дали германцамъ медалей и др. почетныхъ наградъ, что они обидѣлись и, подвергнувшись вторично той же непріятности въ 1876 г. въ Филадельфіи, отказались участвовать на слѣдующей парижской выставкѣ.

IV.

Отдѣлы голландскій, бельгійскій, шведско-норвежскій, датскій, итальянскій и швейцарскій.

Голландскій отдѣлъ на выставкѣ былъ одинъ изъ самыхъ неблистательныхъ, или, по крайней мѣрѣ, наименѣе выдающихся. Въ прежнее время (правда очень давно) голландская промышленность была первая въ Европѣ, и до сихъ поръ титулъ „голландскаго“ остался почетнымъ названіемъ для многихъ продуктовъ; говорятъ „голландское полотно“, „голландская бумага“ и т. п., чтобъ показать высокое качество товара. Разсматривая же голландскій отдѣлъ на вѣнской выставкѣ, не только не замѣчалось этого превосходства голландскихъ издѣлій передъ прочими европейскими, но даже не находилось вовсе нѣкоторыхъ продуктовъ, которыми, повидимому, особенно славилась Голландія, напримѣръ, писчей бумаги. Если чѣмъ дѣйствительно могутъ хвастаться теперь голландцы передъ прочими народами, такъ это своими необычайно широкими карманами. Нѣкоторыя данныя проливаютъ

свѣтъ на это явленіе. Когда въ 1870 году былъ конвертированъ австрійскій государственный долгъ слишкомъ на милліардъ рублей, оказалось, что половина его находится въ голландскихъ карманахъ, хотя въ тѣхъ же карманахъ, какъ извѣстно, помѣщается уже и порядочная часть долговъ русскихъ, американскихъ, испанскихъ и многихъ другихъ.

Объясненіе этого явленія весьма интересно, потому что голландцы—маленькій народецъ, не производящій хлѣба въ достаточномъ количествѣ даже для своего потребленія и имѣющій промышленность, которая не особенно отличается на выставкахъ, народецъ, который не въ состояніи наполнить свои карманы контрибуціей, такъ какъ онъ не въ силахъ былъ побѣдить даже султана ачинскаго. Богатство Голландіи приписываютъ обыкновенно колоніямъ; но колоніи давно уже едва сводятъ концы съ концами; голландскій торговый флотъ также уменьшается. Не совсѣмъ неосновательно Голландію называютъ европейскимъ Китаемъ; а при всемъ томъ все-таки голландцы самый богатый народъ въ Европѣ. Тайна этого факта заключается, несомнѣнно, въ двухъ обстоятельствахъ—какъ я убѣдился во время моего путешествія по Голландіи въ 1879 году: во-первыхъ, въ томъ, что богатство распространено тамъ во всѣхъ классахъ общества, а не въ одномъ, какъ въ большей части другихъ государствъ, и, во-вто-

рыхъ, разъ накопленное богатство не уничтожается, такъ какъ во всѣхъ слояхъ голландскаго общества трудолюбіе и умѣренность одинаковы, и доходъ всегда съ нѣкоторымъ избыткомъ покрываетъ расходы каждаго частнаго бюджета, отчего образованіе новыхъ капиталовъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Въ Голландіи говорятъ: „это человѣкъ сумашедшій, онъ проживаетъ двѣ трети своего годоваго дохода“! Въ Россіи такого человѣка, сочли бы, наоборотъ, скрягою. Что городъ, то норовъ...

Я сказалъ уже, что голландскія произведенія поражаютъ своею ординарностью. Это въ особенности видно на серебряныхъ издѣліяхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканяхъ, мылѣ и стеаринѣ; лучше другихъ произведеній ковры, грубыя полотна и парусина. Очень бѣденъ показался мнѣ морской отдѣлъ; такъ же были совсѣмъ безцвѣтны многочисленные образчики типографскихъ, литографскихъ, картографическихъ и фотографическихъ работъ; разнообразныя изображенія Петра Великаго играли тутъ видную роль. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ голландскомъ отдѣлѣ съ удовольствіемъ останавливались только на громадной пирамидѣ, сложенной изъ бутылокъ разныхъ ликеровъ фабрики Wiinand Fockink, пользующейся громадною извѣстностью съ 1679 года: это неподдѣльный источникъ разныхъ кюрасо, анизета и кремовъ, услаждающихъ послѣ обѣда

нёба богатыхъ людей; бо́льшая часть посѣтителей, проходя мимо пирамиды, бросали на нее симпатическіе взгляды. Представляла также интересъ выставка произведеній Индѣйскаго архипелага, гдѣ, при помощи крѣпостнаго труда, голландцы создали родъ колоніальнаго Эльдорадо. Этнографа тутъ привлекали коллекціи одеждъ, оружія, цыновокъ и разной утвари, а промышленника — подлинные товары острововъ Явы, Суматры, Борнео, Тимора, Целебеса, Банка и Молукскихъ: кофе, чай, индиго, сахаръ, сандалъ, гумми, олово, перецъ, корица, разныя пряности и райскія птицы. Всѣхъ экспонентовъ въ голландскомъ отдѣлѣ было только 347 и онъ занималъ немного мѣста.

Бельгійцы счастливо соединяютъ многія хорошія черты голландцевъ съ нѣкоторыми свойствами, заимствованными отъ французской цивилизаціи. Эта страна и теперь поражаетъ своимъ богатствомъ, и еслибъ она освободилась отъ клерикальнаго вліянія, подавляющаго ея свободное развитіе и унижающее массу, то пожалуй опередила бы всѣ другіе народы Европы своимъ благосостояніемъ и просвѣщеніемъ. Къ числу препятствій для развитія бельгійской промышленности, вслѣдствіе политическихъ условій ея, слѣдуетъ отнести также ограниченность внутренняго рынка, а желаніе удовлетворить потребностямъ международной торговли, т. е. вкусамъ разныхъ чужихъ странъ, дѣлаетъ то, что бельгійская промышленность не

имѣетъ никакого характеристическаго отпечатка, того что французы называютъ le cachet.

Бельгійскій отдѣлъ былъ не великъ (446 экспонентовъ), но составленъ отчетливо и аккуратно, хотя и не всегда достаточно полно; такъ напр. горное дѣло Бельгіи—одна изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности страны, занимающая видное мѣсто въ Европѣ—представлялась, по моему мнѣнію скудно. Извѣстное общество „Vielle Montagne" устроило особый павильонъ для своего цинка, а другіе бельгійскіе заводы хорошо представили чугунныя трубы и желѣзо. Извѣстные жерновые камни близъ Намюра, могли служить образчикомъ различныхъ системъ нарѣзки, нынѣ употребительныхъ. За горнымъ дѣломъ шло химическое производство, табакъ и питательные продукты; далѣе очень хорошія сукна и шерстяныя издѣлія фабрикъ въ Вервье. Слѣдующее отдѣленіе приводило въ восхищеніе дамъ: тутъ были собраны кружева, въ выдѣлкѣ которыхъ Бельгія не имѣетъ соперниковъ; цѣлыя платья изъ бѣлыхъ и черныхъ кружевъ стоили баснословныхъ денегъ. Рядомъ съ ними разставили болѣе солидный отдѣлъ—кожъ. Вслѣдъ за кожами помѣстили предметы для воспитанія, которое недавно еще было только вопросомъ большей или меньшей чувствительности кожи. Въ продольной галлереѣ размѣщались интересныя фотографіи съ фламандскихъ картинъ, карты военнаго министерства, собраніе

оконныхъ стеколъ поразительной толщины, въ выдѣлкѣ которыхъ вообще отличается Бельгія, извѣстныя издѣлія изъ индѣйскаго тростника Дуэрна въ Антверпенѣ, бумажныя ткани гентскихъ фабрикъ, отличное мыло, байковыя одѣяла, салфетки, вещи изъ фосфорной бронзы и т. д. Въ ротонду, т. е. въ почетное мѣсто, попали изъ бельгійскаго отдѣла ружья разныхъ льежскихъ мастеровъ, мѣха, окрашенные въ разные цвѣта, фарфоръ и лампы, католическія церковныя принадлежности и зеркала. Очень много интересныхъ вещей Бельгія выставила еще въ отдѣлахъ механическомъ и сельско-хозяйственномъ. Въ саду устроенъ былъ для образца домикъ бельгійскаго рабочаго, а въ ротондѣ поставлена огромная модель брюссельской биржи, довольно красиваго зданія; но для чего выставили эту модель—неизвѣстно.

Если бельгійцы достигли высокой степени благосостоянія, то это неудивительно при выгодномъ географическомъ положеніи ихъ страны и богатствѣ почвы; но еще большаго уваженія заслуживаютъ Данія, Швеція и Норвегія, исключительно обязанныя своимъ благосостояніемъ и развитіемъ трудолюбію и энергіи народа. Глыба льда, выставленная Норвегіей, могла служить хорошимъ образцомъ тѣхъ скудныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ заимствуетъ мѣстная производительность свои средства; за то государство не пренебрегаетъ воспользоваться ничѣмъ полезнымъ и тщательно

изучаетъ всѣ рессурсы, представляемые почвой; доказательствомъ тому служили превосходныя, весьма подробныя геологическія карты, выставленныя Швеціей и Норвегіей. Подобныя изслѣдованія, стоющія не дешево, могутъ служить примѣромъ для большей части другихъ государствъ. Скандинавскій отдѣлъ имѣлъ вообще видъ довольно тоскливый, какъ и та природа, гдѣ вращаются народы, приготовившіе эти издѣлія, полезныя, но не говорившія ничего глазу. Хотя болѣе 1560 экспонентовъ приняли участіе въ этомъ отдѣлѣ, (946 экспонентовъ Швеціи, 152 Норвегіи, 463 Даніи), но онъ умѣщался весь на пространствѣ одной галлереи и не останавливалъ вниманія послѣ чудесъ итальянскаго или французскаго отдѣла. Нельзя сказать даже, чтобъ отдѣлъ этотъ выигрывалъ при болѣе внимательномъ изученіи его съ спеціальной точки зрѣнія: рѣдкое произведеніе выходило изъ разряда посредственности, и въ сѣверныхъ странахъ слѣдуетъ искать не артистичности, а проявленія народнаго духа въ побѣдѣ надъ препятствіями. Такъ бой китовъ требуетъ знанія, смѣлости, въ немъ много увлекательнаго, и даже поэтическаго; но вонючій продуктъ его конечно, не возбуждалъ этой поэзіи на выставкѣ.

Въ шведскомъ отдѣлѣ выставили, какъ и подобаетъ, много образцовъ желѣза, перваго по достоинству въ свѣтѣ, такъ какъ оно приготовляется на древесномъ топливѣ; особенно интересные пред-

меты выставилъ въ ротондѣ заводъ Фингспонгъ, между прочимъ, разстрѣлянную броню высокаго достоинства. Кромѣ предметовъ горнаго дѣла, въ шведскомъ отдѣлѣ было множество и другихъ предметовъ различныхъ отраслей промышленности, по которымъ явствовало, что шведы стараются удовлетворять всѣ свои потребности сами; тутъ выдавались между ординарнѣйшими произведеніями, отъ ремней до фортепіанъ, отличныя спички, разнообразныя сукна норчепингскихъ и стокгольмскихъ фабрикъ, фарфоръ, майолика, мѣха и пр.; особенно богато былъ представленъ шведскій пуншъ, любимый напитокъ шведовъ.

Норвежскій отдѣлъ былъ гораздо однообразнѣе; страна эта почти исключительно живетъ мореходствомъ, рыболовствомъ и горнымъ дѣломъ. Тутъ обращалъ вниманіе ледъ, выставленный компаніей Незо, который развозится на продажу въ Индію, Кубу и др. жаркія страны — ледъ этотъ искусственно предохранялся отъ таянія; продукты древнѣйшаго консбергскаго серебрянаго завода, превосходный рыбій жиръ, норвежскій портеръ, а изъ предметовъ болѣе оригинальныхъ — серебряныя издѣлія, забавная таратайка для ѣзды по горамъ и рѣзныя деревянныя вещи.

Данія, какъ страна преимущественно земледѣльческая, не могла чѣмъ-либо отличиться по части промышленности. Въ ротонду помѣстили, впрочемъ, датскія серебряныя издѣлія Кристезена,

въ Копенгагенѣ, и произведенія королевской фарфоровой фабрики. Въ самомъ отдѣлѣ, занимавшемъ крытое помѣщеніе во дворѣ между двумя поперечными галлереями, довольно просторно разставили разные мало интересные образчики издѣлій копенгагенскихъ мастеровъ: вышитыя сорочки, подносы (довольно красивые), хирургическіе инструменты, птичьи клѣтки, мебель, и пр. Любопытнѣе— отличныя издѣлія изъ терракоты, мѣха, кожи, и особенно гагачій пухъ изъ принадлежащихъ Даніи сѣверныхъ колоній.

По этнографической части шведы выставили въ ротондѣ отличные манекены крестьянскихъ типовъ, бывшіе на нашей политехнической выставкѣ, поражавшіе своею натуральностью, и построили въ саду большой школьный домъ, охотничій павильонъ для выставки предметовъ рыболовства и ресторанъ. Норвежцы построили также павильонъ для своей весьма важной въ экономіи Европы рыбной ловли и садовый кіоскъ; но публика знала объ нихъ исключительно по плану выставки, такъ какъ рѣдко кто видѣлъ ихъ въ натурѣ.

Изъ Скандинавскаго на Аппенинскій полуостровъ скачекъ порядочный, но таковъ былъ порядокъ выставки. Давно-ли Италію называли „страною макаронъ и скрипичныхъ струнъ“? Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія Италія была одною изъ самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ частей

Европы; но съ тѣхъ поръ, какъ заведена общая для всей Италіи „говорильня", экономическое устройство этой страны сдѣлало не малые успѣхи, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно развилась и промышленность, которая до 1859 года была въ совершенномъ упадкѣ. Итальянцы, быть можетъ, единственная нація въ Европѣ, соединяющая, подобно французамъ, изящный вкусъ съ искусствомъ техники, а потому промышленности ея можно предсказать блестящее будущее, не смотря на многія неблагопріятныя условія, въ особенности на отсутствіе дешеваго топлива. Эта тонкость вкуса является причиной того, что въ Италіи процвѣтали и теперь еще наиболѣе дѣлаютъ успѣха отрасли промышленности, удовлетворяющія преимущественно потребностямъ роскоши; низшіе, дешевые товары Италія получаетъ изъ-за границы. Такимъ образомъ итальянская промышленность идетъ въ прямо противоположномъ направленіи съ русскою; обѣ впрочемъ правы съ своей точки зрѣнія, а также и по географическимъ и политическимъ особенностямъ страны.

Итальянскій отдѣлъ блисталъ не только качественно, но и количественно: въ немъ было 1,023 экспонента т. е. болѣе нежели въ британскомъ отдѣлѣ. Начинался онъ по обыкновенію съ произведерій горнаго дѣла, между которыми первенствовали различныя коллекціи, относящіяся до сѣрнаго производства; изъ сѣры сдѣлали даже бюстъ им-

ператора австрійскаго. Затѣмъ шли различныя собранія металлическихъ издѣлій и образцы химическихъ продуктовъ, духовъ, стеарина и проч.: важнѣе—музыкальные инструменты (духовые инструменты) и огромная коллекція струнъ веронскихъ и кремонскихъ. Рядомъ, въ отдѣленіи научныхъ пособій, помѣстились образчики петрификаціи человѣческаго тѣла, по системѣ профессора Марини, обратившія уже на себя вниманіе еще на парижской всемірной выставкѣ 1867 г. Между прочимъ, выставили фотографическій портретъ, снятый съ одного человѣка четыре мѣсяца спустя послѣ его смерти. Трупъ былъ петрифицированъ и черты лица остались, какъ живыя. Разныя готовыя вещи: платье, перчатки и др. были не важны; исключеніе составляли знаменитыя соломенныя шляпы, лучшіе образцы которыхъ выставили въ ротондѣ тосканскія фабрики; на послѣднихъ изъ соломы приготовляются также цвѣты, зонтики, вѣера и другія красивыя вещи. Между различными итальянскими мануфактурными произведеніями заслуживаютъ вниманія только шерстяныя ткани и особенно венеціанскія парчи, которыя любопытно сравнить съ нашими московскими парчами. Въ серединѣ продольной галлереи красовалась огромная витрина съ табакомъ могущественной европейской компаніи, взявшей итальянскій откупъ; это самый скверный табакъ въ мірѣ; за то окружили его сплошною массою

превосходнѣйшихъ мраморныхъ статуй итальянскихъ скульпторовъ, которыя разставили вдоль всей поперечной галлереи. Я не коснусь художественнаго значенія этихъ произведеній, составлявшихъ одно изъ great attraction вѣнской всемірной выставки, но замѣчу, что помѣщеніе ихъ въ промышленномъ дворцѣ, а не во дворцѣ искусствъ, имѣло свое значеніе, помимо разныхъ коммерческихъ соображеній экспонентовъ (итальянскія статуи очень быстро раскупались англичанами): художественная обдѣлка мрамора составляетъ въ Италіи не единичное занятіе, но одну изъ важныхъ отраслей промышленности, а потому имѣла право помѣщаться въ промышленномъ отдѣлѣ.

Не менѣе блистательно показали себя художественные промышленники Италіи—фотографы. Ихъ произведенія украшали ротонду: фотографіи изъ Венеціи едва-ли не первенствовали на выставкѣ по достоинству: онѣ замѣчательны величиною и пріятностью колорита. Кромѣ табака и статуй въ продольной галлереѣ помѣщались еще отличный фарфоръ фабрики Джинори, одной изъ старѣйшей въ Европѣ (она основана въ 1735 году), и огромное собраніе шелковыхъ матерій, преимущественно фабрикъ Комо и Турина; итальянскій шелкъ—лучшій въ мірѣ, и по всему видно, что переработка его на мѣстѣ сдѣлала огромные успѣхи. Въ другой половинѣ поперечной галлереи собрали

самые характерные предметы итальянской промышленности, слава которыхъ идетъ еще отъ среднихъ вѣковъ и въ приготовленіи которыхъ итальянцы неподражаемы: тутъ помѣщались послѣдовательно: деревянная рѣзная работа (мебель и проч.) венеціанская; деревянная же работа съ инкрустаціями и рисунками, флорентинская и миланская; въ высшей степени оригинальныя и народныя венеціанскія зеркала, съ стекляными цвѣтными рамами, а также различныя венеціанскія стеклянныя издѣлія и мозаика; лучшія итальянскія мозаическія картины поставили однако, не здѣсь, а въ императорскомъ павильонѣ. Венеція выставила огромное собраніе четокъ. Коралловыя издѣлія — также чисто-итальянская спеціальная промышленность—великолѣпны; особенно хороши издѣлія въ Торре-дель-Греко и Генуѣ. По ювелирной работѣ генуэзская серебряная филиграновая работа не имѣетъ соперниковъ. Заканчивался этотъ отдѣлъ очень прозаично: рядомъ съ роскошнѣйшими произведеніями стояли экипажи, кожи, сбруя и обувь. Нельзя забыть и замѣчательнаго собранія итальянскихъ питательныхъ веществъ, колбасъ, величиною съ крупповскія орудія, и проч.

Итальянцы устроили кромѣ того модель, въ натуральную величину, части Монъ-Сенискаго туннеля, составлявшую родъ памятника покойному Сомелье, и два ресторана, изъ которыхъ извѣстный миланскій ресторанъ Н. Биффи помѣщался

въ очень оригинальномъ и красивомъ зданіи. Кормили тамъ за дорогую цѣну не особенно хорошо, хотя гастрономія вообще входитъ въ число итальянскихъ добродѣтелей.

Швейцарцы, со свойственной имъ аккуратностью, окончили ранѣе всѣхъ свой отдѣлъ, довольно скромный на видъ, дополненіемъ къ которому служила швейцарская кондитерская, гдѣ двѣнадцать дѣвицъ, въ костюмахъ разныхъ кантоновъ, прислуживали публикѣ. Дѣвицы некрасивыя, но сахарныя издѣлія швейцарцевъ очень хороши, что̀, впрочемъ, не новость, такъ какъ въ цѣломъ свѣтѣ кондитеры—швейцарцы, какъ парикмахеры—французы, а жокеи – англичане. Швейцарская промышленность, подобно бельгійской, не имѣетъ своего внутренняго рынка, и, будучи принуждена подчиняться потребностямъ чужихъ странъ, не можетъ выработать самобытнаго характера. Условія для развитія ея, въ особенности мануфактурной промышленности, очень удовлетворительны, а потому издѣлія швейцарскихъ фабрикъ, при помощи извѣстной предпріимчивости швейцарскаго купечества, распространены не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ и на дальнемъ Востокѣ, особенно въ Китаѣ; издѣлія эти предназначаются для потребителей средняго достатка, а потому въ нихъ нѣтъ ничего такого, что̀ могло бы произвести на всемірной выставкѣ особый эффектъ; вслѣдствіе этого швейцарскій отдѣлъ, какъ я сказалъ,

былъ однимъ изъ наиболѣе скучныхъ отдѣловъ, не смотря на многочисленность въ немъ экспонентовъ (979).

Начинался отдѣлъ собраніемъ бумажныхъ тканей самаго низкаго достоинства, для бѣднѣйшаго класса народа. Изъ разной ручной работы составили интересныя коллекціи передниковъ, одѣялъ, соломенныхъ шляпъ, инструментовъ и часовъ; послѣднихъ было очень много, какъ и слѣдовало ожидать отъ Швейцаріи, гдѣ часовое производство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Локлѣ и Шодефонѣ, составляетъ народный промыселъ. Тамошніе производители, а также женевскіе фабриканты, выставили огромное количество часовъ, отъ хронометра для астрономическихъ обсерваторій до стѣнной кукушки включительно, но преимущественно часовъ карманныхъ; для нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ, однако, необходимо было имѣть чуть не аршинные карманы. Недурны были помѣщенныя тутъ же драгоцѣнныя издѣлія и математическіе инструменты. Ближайшая къ продольной галлереѣ часть швейцарскаго отдѣла заняли мануфактуры: отличный тюль и кисея сенъ-галленскихъ и аппенцельскихъ фабрикъ и шелковыя матеріи. При этомъ выставили собраніе различныхъ красокъ, служащихъ для окраски шелка и шелковыхъ матерій, и коллекцію послѣднихъ, окрашенныхъ уже въ соотвѣтственные цвѣта.

Къ поперечной галлереѣ примыкало шале, ис-

кусно построенное по образцу швейцарскихъ крестьянскихъ построекъ, и большая галлерея, выходившая въ видѣ буквы *п* къ общей галлереѣ. Нижнюю часть шале заняла огромная коллекція швейцарскихъ рѣзныхъ деревянныхъ вещей, между которыми многія искусно работаются; а верхній этажъ отдали принадлежностямъ швейцарскихъ школъ, достаточно надоѣвшихъ въ письмахъ бар. Корфа. Въ галлереѣ разставили химическіе продукты, кожи, металлическія издѣлія (отличныя кухонныя плиты), книги и карты; высокое достоинство швейцарскихъ географическихъ и геологическихъ картъ давно извѣстно. Въ ротондѣ помѣстили, кромѣ того, курьезные образчики швейцарской скульптуры, гигантской величины. Швейцарскій художникъ понялъ, кажется, буквально стихъ Барбье о томъ, что „свобода — крѣпкая, полногрудая женщина", и изобразилъ, въ видѣ швейцарской республики, такую женщину, у которой талія шире плечъ и которую не обхватить втроемъ.

V.

Отдѣлы французскій, португальскій, испанскій, великобританскій, сѣверо-американскій и южно-американскій.

„Sans Paris l'avenir naitra reptile et nu"—говоритъ Гюго. Послѣднее можно принять, пожалуй, буквально, потому что если не человѣчество, то извѣстная часть общества во всѣхъ странахъ осталась бы почти раздѣтою, если бы Парижъ пересталъ изобрѣтать для него моды. Иные думаютъ, что опытъ осады Парижа противорѣчитъ этому; но едва-ли это справедливо: осада длилась пять мѣсяцевъ, и въ это время парижскія идеи только переработывались мастерами и мастерицами разныхъ столицъ, да и мастерицы эти были большею частью француженки. Но неизвѣстно, что сдѣлали бы модистки, отрѣзанныя отъ Парижа на пять лѣтъ. Въ переносномъ смыслѣ слова Гюго можно понять такъ, что безъ Франціи угаснетъ въ человѣчествѣ сознаніе высокаго и изящнаго. Какъ ни преувеличено это мнѣніе, но нельзя не сознаться, что до сихъ поръ скипетръ хоро-

шаго вкуса довольно твердо держится въ рукахъ Парижа. Стоило взглянуть на французскій отдѣлъ и сравнить его съ другими отдѣлами, чтобъ ясно видѣть, что артистическое чутье и вкусъ развиты у французовъ неизмѣримо больше, чѣмъ у другихъ народовъ. Конечно, и тутъ не безъ грѣха; часто французское искусство болѣе всего заботится о поощреніи чувственности или бьетъ исключительно на эффектъ; во всякомъ случаѣ, однако, видишь, что французы идутъ впередъ, не подражая чужимъ странамъ, а самостоятельно и независимо прокладывая себѣ дорогу. Потому-то государства, вздумавшія пуститься въ конкурренцію съ французами въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ главную роль играетъ изящный вкусъ и мода, очень скоро были наказаны и вынуждены оставлять безплодное соперничество. Германія испытала это на себѣ послѣ войны 1870 г.

Отведенную для французскаго отдѣла часть большой продольной галлереи заняли представители парижской промышленности, преимущественно бронзовые фабриканты. Французскія бронзы слѣдуетъ разсматривать не только съ промышленной, но и съ артистической точки зрѣнія. Первенство ихъ между подобными же произведеніями другихъ странъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Лучшія бронзы: великолѣпныя статуи, ворота и др. артистическіе предметы, выставилъ конечно Барбедьенъ; такія же отличныя издѣлія,

хотя не такъ полно, какъ на парижской выставкѣ, представили и другіе фабриканты. Замѣчательны также церковныя издѣлія изъ бронзы. Послѣ бронзъ, первое мѣсто принадлежало французскому фарфору и фаянсу въ старинныхъ національныхъ и современныхъ стиляхъ; были отличные столики изъ фарфора, но фарфоръ для лампъ на этой выставкѣ признали слабѣе предъидущихъ. Всѣ предметы для украшенія комнатъ во французскомъ отдѣлѣ вообще имѣли успѣхъ. Обои (въ особенности подделка подъ кожу), зеркала, мебель (цѣлый альковъ поразительной роскоши Фурдинуа), камины изъ мрамора, поддѣлки подъ древнее оружіе и ковры —въ полномъ смыслѣ слова превосходны. Точно также изящны и блестящи мебельныя матеріи (по рисункамъ Доре и др. художниковъ). Въ этой же галлереѣ помѣстились, кромѣ того, желѣзные несгараемые шкафы и извѣстныя, весьма красивыя и разнообразныя издѣлія изъ сплава Кристофля. Не попавшія въ большую галлерею расположились въ особомъ закрытомъ помѣщеніи, рядомъ съ колоніальнымъ отдѣломъ. Тутъ можно было любоваться бронзами, мебелью, обоями, коврами, занавѣсами; здѣсь же разставили фортепіано и другіе музыкальные инструменты.

Поперечная галлерея начиналась типографскимъ отдѣломъ. Нигдѣ не печатаютъ такъ много и такъ дешево, какъ въ Парижѣ, но относительно техники типографскаго искусства Германія, Англія

и даже Австрія поспорятъ теперь съ Франціей. Изъ многочисленныхъ французскихъ издателей болѣе всѣхъ выставили Гашетъ и Мамъ. Рядомъ выставили писчую бумагу и образцы техническаго рисованія, въ которомъ Франція не имѣетъ еще соперниковъ. Слѣдующая затѣмъ французская фотографія явилась очень бѣдною и не давала понятія о высокомъ положеніи этого дѣла въ Парижѣ. Далѣе шли весьма разнородныя издѣлія, между которыми болѣе выдавались витрины съ игрушками, щетками, дорожными принадлежностями, кларнетами, часами и ружьями. Ближайшую къ продольной галлереѣ часть отдали парижскимъ ювелирамъ. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ и лучшихъ отдѣловъ не только у французовъ, но и всей вѣнской выставки. Особенно отличались вкусомъ, тонкостью работы и роскошью знаменитыя издѣлія Меллеріо, Бушерона и Рувена.

По другую сторону галлереи собрали предметы одежды. Здѣсь выставили лучшія женскія платья съ тюниками изъ бѣлыхъ брюссельскихъ кружевъ и черныхъ шантильи. Самыя требовательныя красавицы всѣхъ странъ не нашли бы ничего изящнѣе и красивѣе собранныхъ тутъ пассемантерій, мѣховыхъ вещей, лентъ, женской обуви, корсетовъ, черезъ-чуръ роскошная отдѣлка которыхъ казалась даже странною, перчатокъ, цвѣтовъ; изъ послѣднихъ парижскія флёристки, воспѣтыя Беранже, устроили на выставкѣ чуть не цѣлый садъ; перь-

евъ, бѣлья и т. д. Мужскія шляпы и обувь также отличались. Оканчивалась эта галлерея мануфактурнымъ отдѣломъ, который занималъ, кромѣ того, сосѣдній крытый дворикъ гдѣ были ліонскія шелковыя издѣлія, одно изъ чудесъ выставки. Затѣмъ тутъ же стояло замѣчательно огромное собраніе шерстяныхъ издѣлій реймскихъ фабрикъ, также бумажная пряжа, шерстяныя издѣлія, шали, льняная пряжа, парусина, пеньковая пряжа, тюль, бумажныя издѣлія, шелковыя и многія другія.

Необыкновенное искусство французовъ въ эталажѣ проявилось въ устройствѣ ихъ колоніальнаго отдѣла. Всѣмъ извѣстно, что французскія колоніи не болѣе, какъ blague, служащая для содержанія арміи ненужныхъ чиновниковъ, да изрѣдка для ссылки нѣкотораго числа безпокойныхъ людей. Въ рукахъ же искуснаго декоратора Алжиръ, Кайенна, Кохинхина, Сенегалъ, Новая Каледонія, Пондишери, Сейшельскіе острова превратились въ рогъ изобилія, соблазнительно дѣйствовавшій на эмигрантовъ, не подозрѣвающихъ, что за каждымъ кофейнымъ деревцомъ сидитъ тамъ по чиновнику и для полученія каждой банки для выставки было исписано много стопъ бумаги съ бланками. За отдѣломъ колоній стояли французскія парфюмеріи— этотъ міръ современныхъ чудесъ, возвращающій старухамъ красоту, свѣжесть лица и цвѣтъ волосъ: Віоле, Легранъ, Пино и многіе другіе парижскіе

волшебники выставили тутъ коллекціи своихъ произведеній. Весьма скромно явились различные предметы химической переработки: фактъ весьма странный; одинъ ученый не безъ справедливости называлъ химію французской наукой, а потому бѣдность химическаго отдѣла не вязалась съ понятіемъ, которое имѣлось о французскомъ химическомъ производствѣ. Стеаринъ, также французское изобрѣтеніе, представленъ былъ еще скуднѣе. Суфрисъ выставилъ любопытную коллекцію питательныхъ веществъ, употреблявшихся во время осады Парижа и извлеченныхъ изъ предметовъ, „сожженныхъ во время Коммуны"; послѣднее сильно смахивало на рекламу. Заканчивалась галлерея хирургическими инструментами и патентованными лекарствами съ самыми заманчивыми надписями. Налѣво отвели особый отдѣлъ для предметовъ французскаго народнаго образованія, которое во время войны 1870 года подверглось экспертизѣ болѣе тщательной, нежели та, которая ожидала его на всемірной выставкѣ. На-право цѣлую галлерею заняло министерство публичныхъ работъ и экипажныя фабрики. Парижскіе экипажи не выдались особымъ изяществомъ. Министерство публичныхъ работъ также могло гордиться немногимъ. Геологическія карты его гораздо хуже австрійскихъ и англійскихъ, а чертежи мостовъ, портовъ, зданій и маяковъ показывали только, что во Франціи до сихъ поръ еще сосредоточено

въ рукахъ казны многое изъ того, что въ другихъ странахъ предоставлено частной инициативѣ.

Въ ротондѣ было мало французскихъ произведеній. Я нашелъ только собраніе превосходныхъ мѣдныхъ трубъ и такія же бронзовыя отливки гигантскихъ размѣровъ. Горный отдѣлъ Франціи помѣщался въ особомъ павильонѣ за сельско-хозяйственнымъ отдѣломъ. Въ немъ интересовали спеціалистовъ: большемѣрные листы, трубы, отличные рельсы, чугунныя отливки, сталь Мартена и т. д. Вообще всѣхъ французскихъ экспонентовъ на выставкѣ было 2,415, почти столько же, сколько германскихъ, но французскій отдѣлъ былъ однообразнѣе, хотя и богаче германскаго въ тѣхъ отрасляхъ, которыя издавна составляютъ сильную сторону французской промышленности. Слабо представлялось французское мелкое домашнее производство; а оно-то и доставляетъ, собственно говоря, ту массу французскихъ товаровъ, которою снабжается Европа. Несмотря на неблагопріятныя финансовыя обстоятельства и уменьшеніе рабочихъ рукъ, промышленность во Франціи развивается и заказовъ французскія фабрики имѣли до послѣднихъ трехъ лѣтъ сравнительно гораздо болѣе, нежели другія континентальныя фабрики.

Ресторанъ „Trois frères provencaux“, названный по дороговизнѣ довольно удачно рестораномъ трехъ братьевъ-разбойниковъ, достойно представлялъ на вѣнской выставкѣ французскую кухню.

Тамъ обѣдали люди, проникшіеся глубокою идеею Брилья-Саварена, что „животныя ѣдятъ, одинъ человѣкъ умѣетъ ѣсть“, т. е. „ѣстъ и пьетъ даже тогда, когда не чувствуетъ ни голода, ни жажды“. Это единственный также ресторанъ, гдѣ пили шампанское и гдѣ собирались пріѣзжія кокотки. Счеты его слѣдовало однако провѣрять очень тщательно, такъ какъ случалось, что иногда „нечаянно“ за яйцо брали по 3 гульдена и тому подобное, или, вѣрнѣе, неподобное.

На границѣ роскошныхъ отдѣловъ французскаго и англійскаго помѣстились скромно отдѣлы иберійскихъ государствъ: португальскій и испанскій. Португальскій отдѣлъ былъ готовъ однимъ изъ первыхъ, что немного, впрочемъ, украсило выставку, такъ какъ и по наружности, и по содержанію, это былъ ничтожный отдѣлъ. Португальская промышленность не имѣетъ никакой самостоятельности; англичане уже двѣсти лѣтъ забрали экономически Португалію въ свои руки и, выпивая ея портвейнъ и мадеру, заставляютъ ее за то покупать почти исключительно издѣлія своихъ фабрикъ. Это вліяніе отражается даже на издѣліяхъ собственно португальскихъ. Мебельныя матеріи, шелковыя матеріи и парчи, сукна, португальскіе стекло и фарфоръ, шерстяныя издѣлія— все это какъ будто вышло изъ второкласныхъ англійскихъ фабрикъ; издѣлія эти напоминаютъ англійскія и по фасону и по качеству. Собственно

португальскаго трудно было найти что-либо въ отдѣлѣ.

Couleur locale представлялся сильнымъ запахомъ чеснока, который проникалъ, можетъ быть, изъ сосѣдняго испанскаго отдѣла. Не безъ любопытства могли быть разсматриваемы отличныя серебряныя и золотыя филиграновыя издѣлія Порто, большое собраніе грубыхъ бумажныхъ тканей для народнаго употребленія, коллекція изъ папье-маше всѣхъ португальскихъ народныхъ типовъ, многочисленныя гипсовыя копіи разныхъ барельефовъ и церковныхъ украшеній, грубыя циновки и плетеная работа, собраніе мѣстныхъ мраморовъ и фотографическіе виды Португаліи и острова Мадеры. Національная типографія и др. выставили много предметовъ, достойныхъ вниманія: копіи съ древнихъ манускриптовъ нотъ интересны въ литографскомъ отношеніи, а въ научномъ замѣчательны карты португальскихъ колоній и различныхъ путешествій и открытій, сдѣланныхъ португальцами; лучшія карты Анголы и Замбезе изданы подъ руководствомъ маркиза Са-де-Бандейра. Въ этомъ случаѣ заслуги португальцевъ, вслѣдствіе незнанія ихъ языка, весьма несправедливо отрицались европейскими учеными; поэтому то англичане могли выдать за новое открытіе гору Калиманджаро, въ Африкѣ, ровно триста лѣтъ спустя, какъ она была нанесена на португальскія карты.

Объ испанскомъ отдѣлѣ я могу сообщить очень немногое. Онъ долго не открывался для публики, и двери его были тщательно затянуты полотномъ, сквозь дыры котораго усматривалось что большая часть отдѣла уставлена мануфактурнымъ товаромъ, доставленнымъ, по всей вѣроятности, изъ Барселоны. Въ какой мѣрѣ представлены другіе промышленные испанскіе центры—сказать было нельзя. Хотя испанцы тщательнѣе охраняли свой отдѣлъ отъ набѣга газетныхъ корреспондентовъ: нежели свои государственныя границы отъ карлистовъ, но все-таки одному сотруднику „Danube“ удалось побывать въ испанскомъ отдѣлѣ. Онъ не нашелъ тамъ ничего любопытнаго, кромѣ огромной витрины съ орденами и лентами всѣхъ степеней. „Если всѣ испанцы до-сихъ поръ еще не украшены орденами“, замѣтилъ этотъ корреспондентъ, „то въ этомъ, право, виноваты не ихъ фабриканты: въ витринѣ хватитъ крестовъ на милліонъ человѣкъ“. Въ ротондѣ,—которая, по мысли архитектора выставки, должна была сосредоточить квинтъ-эссенцію всѣхъ отдѣловъ, а затѣмъ превратилась въ огромный базаръ, уставленный безъ всякаго порядка и смысла домами изъ папье-маше, глиняными статуями, локомотивными трубками и т. п. издѣліями,—изъ испанцевъ попали: компанія Lopez, съ моделями своихъ большихъ атлантическихъ пароходовъ, и гаванскіе сигарные фабри-

канты Упманъ и др.; издѣлія послѣднихъ дѣйствительно достойны стоять на самомъ почетномъ мѣстѣ, въ особенности въ Австріи, гдѣ даже франты курятъ, подъ именемъ табака, какую-то траву, пригодную только для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

Ни испанскаго, ни португальскаго ресторановъ на вѣнской выставкѣ не было; такимъ образомъ посѣтители лишились, къ своему счастію, возможности отравляться курьозными произведеніями иберійской кухни, безспорно самой дурной въ Европѣ.

Я говорилъ уже, что вѣнская всемірная выставка была встрѣчена въ Англіи весьма равнодушно; правительство ассигновало на нее всего 6 тысячъ фунт. стер., а англійскіе фабриканты давно начали относиться съ пренебреженіемъ къ участію во всемірныхъ выставкахъ; къ тому же ежегодная международная выставка въ Лондонѣ отвлекала не безъ выгоды вниманіе ихъ въ другую сторону. Это отношеніе сказалось въ немногочисленности англійскихъ экспонентовъ (800), т. е. менѣе даже, чѣмъ въ русскомъ отдѣлѣ. Но какая разница въ впечатлѣніи! Тутъ каждый выставилъ только то, что могло дать цѣльное и ясное понятіе о его производствѣ.

Въ англійскій отдѣлъ всегда входишь съ особеннымъ удовольствіемъ; восточные отдѣлы похожи на базары, гдѣ только недостаетъ грязи и вони; отдѣлы разныхъ европейскихъ государствъ —

точно квартиры parvenus, накупившихъ мебели и бронзъ. новыхъ и безвкусныхъ; итальянскій отдѣлъ напоминаетъ будуаръ кокотки временъ Жака Казановы, французскій также будуаръ кокотки, только временъ Наполеона III; англійскій же отдѣлъ—это квартира джельтмена, человѣка благоразумнаго и благовоспитаннаго. Все выставленное англичанами прочно, добротно, красиво и прилично; всего много и на всемъ лежитъ печать довольства. Потому въ англійскомъ отдѣлѣ желаешь покупать выставленныя вещи, тогда какъ въ другихъ отдѣлахъ желаешь только смотрѣть на нихъ. Англійскій отдѣлъ удовлетворяетъ также тѣмъ требованіямъ комфорта, безъ котораго британцы не признаютъ возможности существовать; потому въ немъ на каждой выставкѣ много такихъ издѣлій, достоинство которыхъ можетъ быть оцѣнено только англичанами.

Англичане признали совершенно нераціональнымъ порядокъ, назначенный для разныхъ группъ программой, и, соединивъ ихъ безъ порядка, придали своему отдѣлу видъ болѣе стройный и законченный. Витрины играли въ англійскомъ отдѣлѣ ничтожную роль, но за то поставлено было все очень удобно для осмотра. Въ главной, продольной галлереѣ при входѣ въ восточный порталъ стояли драгоцѣнныя издѣлія: великолѣпная серебрянная чеканная работа Элькингтона и Комп., и ювелирныя издѣлія. Д. Томасъ, извѣстный и у

насъ, выставилъ, между прочимъ бриллiантовое ожерелье въ 280,000 р. Затѣмъ шли фарфоровыя издѣлiя всѣхъ извѣстныхъ фабрикъ, замѣчательныя роскошью и разнообразiемъ, по мнѣнiю знатоковъ; съ издѣлiями этихъ фабрикъ не выдерживаютъ соперничества частныя фабрики другихъ странъ; очень хороши также изразцы, хрусталь и стекло. Въ концѣ галлереи стояли металлическiя кровати и роскошная мебель — послѣдняя признано лучшею. Дополненiемъ къ выставкѣ мебели можло служить собранiе образцовыхъ мебельныхъ кретоновъ. По стѣнамъ развѣшены громадные ковры, уступавшiе красотою французскимъ, но превосходившiе ихъ прочностью, въ особыхъ витринахъ стояли духи, замѣчательныя галантерейныя издѣлiя, ножи и бритвы, плэды и шерстяныя издѣiя, шелковыя матерiи и бархатъ. Всѣ эти издѣлiя выходили изъ ряду вонъ по своему высокому достоинству.

Такъ какъ англiйскiя издѣлiя всѣ болѣе или менѣе прекрасны, то ничего особеннаго нельзя сказать о поставленныхъ въ ротондѣ, гдѣ помѣстились модели броненосныхъ судовъ, иголки, булавки, тюль, кружева, бархатъ, мебель, шерстяныя матерiя, зонтики, духи, карандаши, парафиновыя свѣчи, оптическiе инструменты, нитки и и т. д.

Изъ двухъ продольныхъ галлерей англiйскаго отдѣла, одну отдали Остъ-Индiи и колонiямъ.

Индѣйскій отдѣлъ былъ превосходенъ, хотя, къ сожалѣнію, поставленъ въ такомъ темномъ мѣстѣ, что половина впечатлѣнія отъ его издѣлій терялась. Остъ-Индія не просто колонія; это цѣлый своеобразный міръ, а потому представить его въ нѣсколькихъ витринахъ было не такъ легко; устроители отдѣла и не брали на себя подобной задачи; они хотѣли только ознакомить публику съ тѣмъ, что уцѣлѣло еще отъ своеобразной индѣйской промышленности, убитой конкурренціей англійскихъ мануфактуръ, а также съ различными архитектурными произведеніями и народными типами Остъ-Индіи. Послѣднее представлялось отлично фотографіями и акварелями, а также манекенами индѣйскаго набоба, со всей его великолѣпной обстановкой, и баядерки. Объ индѣйской промышленности давали понятіе огромное собраніе кашемирскихъ шалей, бѣлыхъ шалей, ковровъ, парчей, кисеи вышитой золотомъ по бархату и кожѣ, деревянныхъ вещей, рѣзныхъ и съ инкрустаціями, издѣлій изъ перьевъ, шелковыхъ матерій, серебряныхъ и ювелирныхъ издѣлій, металлическихъ и глиняныхъ вещей, плетеныхъ издѣлій и т. п. Всѣ эти предметы быстро раскупали промышленныя школы разныхъ странъ для образца. Кромѣ того выставлялись индѣйскіе музыкальные инструменты, игрушки, тигровыя кожи, рога, индиго, опіумъ, каменный уголь, соль и др. предметы народнаго хозяйства.

Въ колоніальномъ отдѣлѣ различныя произведенія выставили колоніи мыса Доброй Надежды, Тринидадъ, Багамскіе острова, Ямайка, Викторія, Новая Зеландія, Южная Австралія, колоніи Западной Африки, Канада, Цейлонъ и островъ св. Маврикія—преимущественно предметы горнаго промысла и земледѣлія, хотя были и исключенія; такъ, фабриканты Новой Зеландіи выставили, напримѣръ, сукна. Хуже всѣхъ выставила свои произведенія Канада, а лучше всѣхъ — Викторія, несомнѣнно прогрессивнѣйшая изъ всѣхъ англійскихъ колоній, и Капская земля. Предпріимчивость саксонской рассы удивительна. Съ открытіемъ пути по Суэзскому каналу полагали, что колоніи Мыса Доброй Надежды совершенно зачахнутъ; ожиданія эти, однако не оправдались; разнообразная выставка ихъ произведеній показывала, что колоніи Южной Африки скорѣе процвѣтаютъ: развивается добыча золота, алмазовъ, выплавка мѣди, овцеводство, винодѣліе, сахарное производство; устроиваются порты, пароходныя сообщенія; проводятся дороги и приплываютъ эмигранты.

Въ другой продольной галереѣ, при входѣ изъ главной аллеи стояло собраніе библій на всѣхъ языкахъ, раздаваемыхъ библейскимъ обществомъ. Рядомъ—кожи и кожанныя издѣлія, между которыми интересныя вещи изъ кожи гиппопотама и крокодила, крашенные бараньи тулупы, велико-

лѣпныя сѣдла и сбруя. Тутъ же стояли перламутровыя издѣлія, клеенки, непромокаемыя и гуттаперчевыя вещи. Затѣмъ большую часть мѣста заняли англійскія мануфактуры, далеко оставляющія подобныя же издѣлія другихъ государствъ, въ особенности если дѣло идетъ о высокихъ сортахъ: сукнахъ фабрикъ въ Лидсѣ и Галифаксѣ, шерстяныхъ издѣліяхъ Галифакса, фланели, пряжѣ, бумажныхъ издѣліяхъ и издѣліяхъ адріанопольскаго цвѣта Манчестера, полотнѣ Бельфаста, тюлѣ. Между ними размѣстились издѣлія лучшихъ лондонскихъ мастеровъ: обувь, шляпы, женское платье и т. п.

Отъ этихъ непрочныхъ и подверженныхъ прихотямъ моды издѣліямъ въ другой половинѣ галлереи посѣтитель переходилъ къ болѣе солиднымъ Бирмингэма и Шеффильда. Эти издѣлія у англичанъ, безъ сомнѣнія, превосходны. Если лампамъ можно было пожелать поболѣе вкуса, то едва-ли можно возразить что-либо противъ такихъ репутацій, какова у металлическихъ издѣлій, пилъ, проволочныхъ тканей, рыболовныхъ крючьевъ, газовыхъ трубокъ, ваннъ, умывальныхъ приборовъ и подносовъ, рессоръ, мѣдныхъ трубокъ и проволоки, желѣзныхъ трубокъ и стальныхъ перьевъ. Леонгардъ и Комп. выставилъ перья такой величины, что ихъ и не повернетъ никакая рука, подобными перьями нужно подписывать смертные приговоры и тому подобные акты. Джонсонъ

Маттей собралъ платиновую посуду огромныхъ размѣровъ. Не менѣе были замѣчательны машины для закупориванія бутылокъ и самыя бутылки, глиняныя издѣлія и восковыя спички. Отдѣлъ горнаго дѣла былъ весьма невеликъ; кромѣ образцовъ чугуна, стали, графитовыхъ тиглей, специалиста интересовали тутъ модели и продукты новыхъ печей—доменныхъ, системы Уитвеля, и отражательныхъ разныхъ системъ Сименса; последній выставилъ отличную сталь, полученную прямо изъ рудъ, новымъ способомъ, который не имѣлъ, однако, будущности. Всѣ предметы химическаго производства у англичанъ просто были прелесть, и въ особенности крахмалъ огромнѣйшими кристалами, также хорошія краски; къ сожалѣнію только англійскій химическій отдѣлъ оказался бѣденъ числомъ экспонентовъ и новостями. Флеммингъ выставилъ съ гордостью типографскія чернила, которыми печатается полсотни самыхъ распространенныхъ ежедневныхъ газетъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Ружей охотничьихъ на выставкѣ было много. Англійская артиллерія представила орудіе системы Вавассера, заряжающееся съ дула; кромѣ того, въ особой пристройкѣ, она выставила нѣсколько большихъ орудій системы Армстронга и разстрѣлянную броню въ 15 дюйм. толщины.

Англійская кухня не имѣла на выставкѣ достойныхъ представителей. Англійскій ресторанъ

помѣщался въ плохомъ мѣстѣ, привлекалъ только машинистовъ и угощалъ публику блюдами, приготовленными совершенно элементарнымъ способомъ, безъ соли, перцу, подливки, масла и т. п. Это—кухня англійской таверны третьяго разряда. Каждаго блюда можно было ѣсть, правда, до отвала, но эта система ничѣмъ не отличающаяся отъ той, которой придерживался Собакевичъ, не пришлась по вкусу вѣнской публикѣ, привыкшей къ маленькимъ порціямъ и только пиво истребляющей сороковыми бочками. Пиво пьютъ въ Вѣнѣ на тощакъ дамы и едва ли не грудные младенцы.

Почти мѣсяцъ по открытіи выставки, отдѣлъ Соединенныхъ Штатовъ представлялъ двѣ совершенно пустыя галлереи; на стѣнѣ одной изъ нихъ была нарисована только цѣлая поэма, изображавшая похожденія свиньи въ Чикаго: какъ изъ своего натуральнаго состоянія она превращается въ различныя издѣлія, развозимые по свѣту. Послѣ смѣны американской коммиссіи, означенное поучительное произведеніе американской кисти заставили наконецъ, витринами; впрочемъ, изъ двухъ американскихъ галлерей только одна заслуживала вниманія. Объ американскомъ отдѣлѣ можно было сказать то же, что о русскомъ,—въ немъ собрали много хорошихъ вещей, но въ общемъ онъ вовсе не давалъ никакого понятія о характерѣ и размѣрѣ производительности такой обширной стра-

ны, какъ Соединенные Штаты. Добыча петроля составляетъ, напримѣръ, одну изъ важнѣйшихъ отраслей американской промышленности, имѣющую значенiе для цѣлаго свѣта; на выставкѣ же петроль представилъ одинъ экспонентъ, правда, петроль отличнаго качества. Также неудовлетворительно представлялось и все американское горное дѣло. Изъ химическаго и фармацевтическаго отдѣла выдавались одни произведенiя Гюсонъ Робинса, за то отличался отдѣлъ музыкальныхъ инструментовъ: тутъ были скрипки въ 10,000 долларовъ, множество фортепiанъ, органовъ и даже цитръ, инструмента, приличнаго болѣе странствующимъ тирольцамъ, нежели янки. Крупные отрасли промышленности представлялись вообще очень скудно; изъ шерстяныхъ издѣлiй понравились только брючныя матерiи; изъ кожъ—большiя выдѣланныя кожи аллигатора. Неважны также были всѣ готовыя вещи, кромѣ женской обуви; она доказывала что изящная ножка не рѣдкость у американокъ и не составляетъ непремѣнной привиллегiи аристократiи.

Гораздо интереснѣе выставка различныхъ американскихъ мелкихъ производствъ; такъ, замѣчательны различныя великолѣпныя машины для охлажденiя напитковъ, превосходная коллекцiя вставныхъ зубовъ (лучшiе въ Филадельфiи) и инструментовъ для дантистовъ, число которыхъ въ Америкѣ очень велико, такъ какъ нѣтъ теперь въ

Европѣ города, гдѣ бы не было американскаго дантиста. Недурны были часы, компасы и др. мореходные инструменты и стальныя перья новой системы. Ружья Ремингтона не нуждаются, конечно, въ похвалахъ; но съ одобреніемъ нужно отозваться о превосходныхъ американскихъ фотографіяхъ. Курцъ, изъ Нью-Йорка, выставилъ замѣчательную коллекцію портретовъ американцевъ съ растрепанными бородами и искусанными ногтями и восхитительнѣйшихъ американокъ. По другую сторону той же галлереи выставили очень много тюковъ хлопка и др. произведеній американскаго сельскаго хозяйства, а также книги, рисунки и школьныя принадлежности; тутъ бросались въ глаза фотографіи тѣхъ дворцовъ, въ которыхъ помѣщаются въ Соединенныхъ Штатахъ многія школы. Нѣсколько большихъ плановъ Филадельфіи, указывали мѣсто, отведенное для предстоявшей всемірной выставки 1876 г., совпадавшей съ годовщиною столѣтія независимости Соединенныхъ Штатовъ.

Американцы устроили два ресторана, изъ которыхъ одинъ очень хорошій. Кухня въ этихъ ресторанахъ почти англійская, но повара хорошо понимали свое дѣло; кромѣ того были нѣкоторые мѣстные оттѣнки. У американцевъ пробовали разныя водки и неизвѣстные въ Европѣ напитки и ходили ѣсть различныя кушанья изъ свинины, которою такъ славится Чикаго, и пить

разныхъ сортовъ калифорнское вино, довольно вкусное, ароматическое, но дорогое. Послѣ обѣда слѣдовало отправляться на другой конецъ выставки, въ индѣйскій вигвамъ, гдѣ негры-лакеи подавали шерри-коблеръ и др. замороженные напитки, очень забавлявшія вѣнцовъ, благодаря соломинкамъ, черезъ которыя нужно потягивать эту жидкость, согрѣвающую въ холодную погоду и прохлаждающую въ жаркую.

Южно-американскій отдѣлъ составили: республика Санъ-Сальвадоръ, выставившая какія-то пять необыкновенныхъ фруктовъ; Венецуэла, съ ея земледѣльческими и горнозаводскими продуктами и портретами какихъ-то генераловъ; Урагвай, который ограничился только витринами, и Бразилія. Выставку Бразиліи, весьма некрасиво декорированную огромными національными зелеными флагами, устроили съ большимъ смысломъ. Важнѣйшія отрасли производства обширной имперіи: кофе, сахаръ, хлопокъ, табакъ были выставлены полно, съ приложеніемъ интересныхъ статистическихъ таблицъ и графическихъ изображеній, изъ которыхъ замѣчалось постоянное развитіе торговли. Собственно промышленность, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не можетъ быть интересна у страны, почти исключительно покупающей всѣ фабрикаты за-границей и не вышедшей еще изъ періода обязательнаго труда. Любопытнѣе другихъ были образцы бумажныхъ матерій мѣстнаго

производства, употребляемыхъ низшимъ сословіемъ и невольниками, превосходные искусственные цвѣты и зонтики изъ перьевъ — спеціальность Ріо-Жанейро. Кромѣ того выставили много плохо напечатанныхъ книгъ и картъ (извѣстно, что бразильскій императоръ большой любитель географіи), дурныхъ фотографій, оружія и одеждъ дикихъ индѣйцевъ, кожаные костюмы пастуховъ въ пампасахъ, суда совершенно новаго типа, строившіяся на казенной верфи и претендовавшія на необыкновенную быстроту....

Перечитывая и исправляя помѣщенныя выше замѣтки о Вѣнской выставки, слишкомъ десять лѣтъ спустя по ихъ напечатаніи. я невольно изъ послѣдующаго опыта долженъ прибавить мое убѣжденіе, что выставки--это несомнѣнно болѣзнь нашего времени, одна изъ тѣхъ маній, которыя, какъ спиритизмъ, охватываютъ самыя разнообразныя мѣстности, отъ Японіи и Австраліи до Франціи и Финляндіи, и которыя продолжаютъ распространяться и учащаться, не смотря на ихъ признанную безполезность.

Тоже повторилось и по отношенію къ туринской выставкѣ, которую я посѣтилъ въ 1884 году, позже всѣхъ другихъ выставокъ. Не успѣло еще у итальянцевъ проявиться грустное сознаніе, что за три года, что окончилась миланская выставка, ничего новаго въ техническомъ отношеніи

въ Италіи не появилось, по крайней мѣрѣ, выдающагося, что выставка въ Туринѣ, стоившая огромныхъ затратъ для города, для частныхъ экспонентовъ и для итальянскаго правительства, посѣщалась весьма незначительнымъ числомъ лицъ, какъ поднялся вопросъ объ устройствѣ такой же выставки въ Неаполѣ, а депутаты Рима требовали въ палатѣ устройства даже всемірной выставки въ ихъ городѣ. Въ этомъ они встрѣтили весьма непріятно для себя соперничество французскаго правительства, желающаго почтить столѣтній юбилей взятія Бастиліи всемірной выставкой въ Парижѣ въ 1889 году.

Туринскую выставку,—устроенную, замѣтимъ, прекрасно, гораздо лучше нашей московской художественно-мануфактурной выставки 1882 года и весьма интересную, въ особенности по части изящныхъ искусствъ и отраслей промышленности, связанныхъ съ послѣдними, каковы производства издѣлій шелковыхъ, майоликъ, мебели и т. п.—посѣщало въ лучшее время, черезъ мѣсяцъ по открытіи, не болѣе 10—12 тыс. человѣкъ въ день; но что значитъ это число для города, гдѣ съ ближайшими окрестностями живетъ болѣе 300,000 душъ и гдѣ гостинницы почти постоянно полны проѣзжающими иностранцами, двигающимися въ Италію, Швейцарію, Тироль, Францію и обратно. Въ такомъ городѣ навѣрное можно найдти каждый день болѣе десяти тысячъ зѣвакъ, фланирующихъ

по улицамъ и разсматривающихъ выставки въ окнахъ магазиновъ. Можно навѣрное сказать, что девяносто девять сотыхъ публики туринской выставки принадлежало къ той же категоріи.

И здѣсь половина посѣтителей выставки сидѣла больше въ ресторанахъ, кафе и пивныхъ, остальная половина бродила по отдѣламъ изящныхъ искусствъ и роскоши, затѣмъ, когда-когда кто-нибудь пробѣгалъ безъ оглядки по отдѣламъ механическому, мануфактурному; наконецъ, въ отдѣлахъ педагогическомъ, морскомъ, типографскомъ, горномъ, никогда никого не было и даже мухи изъ боязни проголодаться не заглядывали туда. Не трудно сосчитать итоги познаній, вынесенныхъ публикою изъ подобнаго обозрѣнія, а между тѣмъ каждая выставка стоитъ странѣ милліоны рублей.

А на милліонъ рублей можно бы очень много сдѣлать полезнаго для промышленности. Достаточно указать хоть на низшее техническое образованіе, на жилища рабочихъ, на обезпеченіе рабочихъ въ старости и отъ несчастныхъ случаевъ, на застрахованіе рабочихъ отъ застоевъ въ производствѣ — все это предметы едва затронутые еще даже въ богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ государствахъ, но каждый изъ нихъ имѣетъ громаднѣйшую важность и каждый требуетъ милліоновъ рублей только на одно предварительное изученіе и постановку дѣла.

Сравнительно съ этими существенными зада-

чами промышленности, выставки кажутся чистѣйшими забавами, средствами для поощренія тщеславія фабрикантовъ, подзадориваемыхъ къ производству расходовъ гербами, медалями и особенно орденами, а для фланеровъ — лишнимъ развлеченіемъ на ряду съ Монте-Карло, дамскими минеральными водами и т. п.

Я не отрицаю, впрочемъ, безусловно пользы большихъ промышленныхъ выставокъ. Всемірныя состязанія въ Лондонѣ въ 1851 году и въ Парижѣ въ 1867 году открыли для техниковъ очень много новаго. Весьма вѣроятно, что если бы національныя и особенно всемірныя выставки повторялись черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ въ нѣсколько измѣненномъ на основаніи опыта видѣ, то онѣ приносили бы пользу, дополняя тѣ свѣдѣнія, которыя публика узнаетъ изъ газетъ, а техники изъ спеціальныхъ журналовъ. Но какой смыслъ, кромѣ безцѣльной затраты денегъ, имѣло напримѣръ, устройство международной выставки въ Ниццѣ зимою 1883 г., въ городѣ, гдѣ никакой промышленности, кромѣ выдѣлки деревянныхъ коробочекъ и деревяннаго масла, нѣтъ и гдѣ вся изобрѣтательность жителей направлена исключительно къ обиранію псевдо-чахоточныхъ барынь и меланхолическихъ англичанъ?

ВЪ ИТАЛІИ.

Флоренція.—Туринъ.—Миланъ.

Итальянецъ для русскихъ представляется непремѣнно въ видѣ шарманщика, какъ нѣмецъ въ видѣ колбасника, американецъ—дантиста, англичанинъ—механика, французъ—парикмахера, голландецъ—матроса. Между тѣмъ въ итальянскихъ городахъ совсѣмъ не видать теперь шарманокъ. Я спросилъ одного моего знакомаго о причинѣ такого отсутствія.

— Шарманщиковъ въ Италіи нѣтъ, ибо они всѣ за границею, въ особенности въ Австріи, отвѣчалъ онъ; тѣ же, что остались, находятъ болѣе удобнымъ причислять себя къ классу „артистовъ", голодать имъ приходится такъ же, но все какъ-то положеніе почетнѣе...

Я, впрочемъ, взялся за перо вовсе не для того, чтобы уничтожать предразсудки моихъ соотечественниковъ о „шарманщикахъ", а чтобы сообщить нѣкоторыя впечатлѣнія изъ новаго посѣщенія Флоренціи, Турина и Милана. Каждый изъ этихъ городовъ свой особый мірокъ и каждый и въ „единой" Италіи сохранилъ совершенно своеобразную физіономію.

I.

Флоренція—городъ, который такъ долго умѣлъ соединять остатки своего славнаго прошлаго съ хорошимъ новымъ, городъ, въ которомъ даже средневѣковые замки выстроены какъ будто для того чтобы фигурировать на современныхъ бульварахъ, теперь замѣтно умираетъ. Здѣсь не родятся болѣе Джіотто, Микель Анджело, Леопарди, Брунелески, Данты, Галилеи, Макіавелли или Савонаролы. Какъ Венеція въ XVIII вѣкѣ, Флоренція становится исключительно городомъ пріятнаго fare niente, и вмѣсто великихъ памятниковъ искусства строитъ только громадныя гостинницы для пріѣзжающихъ,—принадлежащія, замѣтьте, нѣмцамъ;—потомки же Америго Веспучи, также славнаго уроженца Флоренціи, служатъ руководителями не для обозрѣнія странъ новаго свѣта, а гидами для посѣщенія ресторановъ и публичныхъ увеселеній.

Флоренція—рай для „бездѣльниковъ“, т. е. для людей, не привыкшихъ къ какому-либо серьезному труду: городъ красивый, полный воспоминаній прошедшаго, богатѣйшій по художественнымъ со-

кровищамъ, съ прекраснымъ климатомъ и чудными окрестностями. Если прибавить сюда опрятность—качество, къ которому итальянцы относятся нѣсколько своеобразно, не признавая напримѣръ, возможности купаться въ прѣсной водѣ—опрятность не только людей, но и улицъ, а затѣмъ вѣжливость и привѣтливость всего населенія до послѣдняго извозчика, то не удивительно, что Флоренція стала убѣжищемъ огромнаго числа праздныхъ людей всѣхъ націй, въ томъ числѣ и русскихъ. Отсутствіе подоходнаго налога и пошлины съ паспортовъ позволяетъ постоянно пребывать здѣсь, въ особенности зимою и весною, значительной колоніи нашихъ соотечественниковъ, проживающихъ конечно безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ цѣли „транжиринія" денегъ. По неволѣ повторишь со вздохомъ стихи Фонвизина о русскихъ заграницею:

Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бъ *Флоренція* казну обогатила.

Нашу колонію, разодѣтую, раскрашенную и перекрашенную, а иногда украшенную иностранными титулами, купленными за деньги, можно видѣть ежедневно на знаменитомъ гуляньи Кашино, или по воскресеньямъ въ русской посольской церкви; устраиваются даже спеціально русскіе концерты весною, когда во Флоренціи сезонъ и открывается хотя на короткое время опера, та самая итальянская опера, которая родилась во Фло-

ренціи въ концѣ XVI столѣтія на счастье меломановъ всего свѣта.

Одинъ изъ курьезнѣйшихъ пунктовъ для русскаго во Флоренціи, да я думаю и во всей Италіи—это площадь на берегу Арно, гдѣ стоитъ великолѣпный мраморный монументъ, работы Бартолини и Романелли, Николаю Демидову. Одинъ изъ барельефовъ изображаетъ моментъ, когда покойный крезъ, умирая, спрашиваетъ, какое это онъ слышитъ пѣніе, а въ отвѣтъ ему открываютъ окна во дворцѣ Серристори и показываютъ народъ Флоренціи на колѣнахъ молящійся за выздоровленіе своего благодѣтеля. Благодѣтель Флоренціи! совершенно достойное званіе для русскаго крѣпостного барина! „Guide de Florence“ гласитъ, что на одномъ изъ барельефовъ художникъ изобразилъ Сибирь съ Плутосомъ въ объятіяхъ, дабы показать, что „Демидовъ взялъ свои богатства изъ рудниковъ этой страны“. Справедливѣе было бы попытаться изобразить на барельефѣ какъ 50,000 крѣпостныхъ крестьянъ Нижнетагильскаго округа, предки которыхъ были люди свободные, работали какъ каторжные въ отвратительномъ климатѣ, пребывая въ первобытной обстановкѣ и умирая въ бѣдности, чтобы ихъ хозяинъ-самодуръ пріобрѣлъ репутацію благодѣтеля нищихъ... Флоренціи!!

Еще курьезъ въ городѣ Медичисовъ. Извозчикамъ дума утвердила типъ экипажей, само собою со всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

На правой рукѣ у кучера цѣлый огромный механизмъ для торможенія, способный затормозить локомотивъ, не то что легкій фаэтончикъ, между тѣмъ улицы во Флоренціи гладки, какъ подбородокъ дипломата, и прекрасно вымощены. Надобно видѣть какъ тщательно извозчики изыскиваютъ случаи, чтобы пускать свои усовершенствованные тормоза въ ходъ: гдѣ нибудь при съѣздѣ съ моста уклонъ такой, что его безъ нивелира на глазъ и не опредѣлить, а извозчикъ уже вертитъ свою рукоятку, и заторможенныя колеса визжатъ и скрипятъ, раздражая жестоко ваши нервы. Охъ, ужь эти прогрессивные муниципалитеты!

Впрочемъ городскія управленія итальянскихъ городовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заслуживаютъ не только похвалы, но даже благоговѣйнаго удивленія. Вотъ хоть бы во Флоренціи. Городъ этотъ для приведенія себя въ современный видъ, для поддержанія улицъ, парковъ, бульваровъ, для постройки мостовъ и набережныхъ сдѣлалъ не малые долги и установилъ огромные налоги. Недвижимая собственность платитъ тутъ до 45% въ годъ податей съ чистаго дохода, вслѣдствіе чего жилые дома совсѣмъ бросаются иногда владѣльцами, а отличное villino, т. е. домъ въ городѣ, окруженный садомъ, можно купить за 10—12,000 руб. Между тѣмъ городъ въ своихъ зданіяхъ и музеяхъ имѣетъ артистическія собранія, которымъ положительно нѣтъ цѣны. Продай онъ хотя третью

часть этихъ сокровищъ, и можно бы собрать миллiоны, на которые временно уменьшить тягость налоговъ.

Будь въ Италiи болѣе жидовъ или будь жиды влiятельнѣе въ ея муниципалитетахъ, такъ бы давно навѣрное и было бы сдѣлано, но у итальянцевъ волосы подымаются дыбомъ на самыхъ лысыхъ головахъ при мысли, что они могутъ растаться со своими артистическими богатствами. Вся Флоренцiя возмущалась недавно извѣстiемъ, что князь Строцци, замотавшiйся владѣлецъ извѣстнаго Палаццо-Строцци, рѣшился, истративъ много денегъ на лошадей, продать какой-то старый ключъ, находившiйся у него въ числѣ наслѣдственныхъ рѣдкостей. Это уваженiе къ накопленнымъ вѣками произведенiямъ искусства есть, впрочемъ, и самая лучшая экономическая политика, ибо климатъ климатомъ, а все-таки итальянскiе города безъ своихъ артистическихъ сокровищъ не привлекали бы половины тѣхъ путешественниковъ, которые отправляются теперь въ Италiю съ бедекерами въ карманахъ и мѣняютъ свое золото на бумажныя итальянскiя лиры. Саксонцы также поняли, что Августы, истрачивая миллiоны на покупку картинъ и статуй—не раззорили, а навѣки обогатили ихъ страну.

Одно хорошо сдѣлало городское управленiе, это что обложило входъ въ свои музеи умѣренною платою; только художники и художницы (по-

слѣднихъ большинство) имѣютъ право безплатнаго входа, если пишутъ копіи съ картинъ. Плата тѣмъ законнѣе, что людей, изучающихъ искусство, изъ десяти тысячъ одинъ. Теперь не XVI или XVII столѣтіе и живопись далеко не популярна, если не считать макильяжъ отраслью живописи. Публика музеевъ состоитъ, преимущественно изъ людей, находящихъ, что тамъ прохладнѣе, нежели на улицѣ, да и мебель помягче садовыхъ скамеекъ; вторая категорія посѣтителей—это господа, приходящіе ухаживать за художницами, пишущими копіи: мольбертъ даетъ возможность выказывать граціозность своей таліи, у кого таковая есть; администрація замѣтила, что иныя рисовали какую-нибудь кисть винограда по году и назначила сроки для снятія копій. Послѣдняя категорія посѣтителей, куда принадлежитъ весь женскій полъ, совершенно беззаботный насчетъ Рафаэлей и Тиціановъ, не любящій вообще искусства и не понимающій его, какъ замѣтилъ еще Жанъ-Жакъ Руссо, интересуется въ музеяхъ не знаменитыми оригиналами, а тѣмъ, насколько удачно схватываютъ съ нихъ копіи сидящіе по разнымъ угламъ артисты и артистки. Любопытство дамъ въ этомъ случаѣ безмѣрно.

А между тѣмъ посѣщеніе Уффицій именно для женщинъ должно бы быть чрезвычайно поучительно. Прежде всего, глядя на Венеру Медицѣйскую, каждая дама можетъ видѣть, что не въ кор-

сетахъ и узкихъ башмакахъ идеалъ красоты; затѣмъ здѣсь помѣщена галлерея бюстовъ римскихъ императрицъ за четыреста слишкомъ лѣтъ. И что-жъ, прическа этихъ античныхъ барынь показываетъ, что ничто не ново подъ луною. Огромные эксцентричные шиньоны, какіе носили римлянки III-го вѣка, или фризоны на лбу, завитые тысячу шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, заставили бы вздохнуть отъ зависти современную парижанку.

Изъ оконъ моей гостинницы я усмотрѣлъ, что въ центрѣ города на берегахъ Арно водворился какой-то чугунолитейный заводъ. Со времени своего объединенія и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, Италія старается сдѣлаться во что бы то ни стало фабричной страной, хотя ей недостаетъ двухъ важнѣйшихъ элементовъ промышленности: желѣза и каменнаго угля. Можетъ быть для страны такая тенденція и очень выгодна, но для путешественниковъ, ищущихъ въ Италіи впечатлѣній изящнаго, подобное утилитарное направленіе, кажется вандализмомъ.

Въ Венеціи, напримѣръ, островъ Sant'Elena въ лагунахъ, между городскимъ садомъ и Лидо, обратили въ механическій заводъ, гдѣ строятъ паровозы. Для установки механизмовъ разрушили развалины церкви, сохранившейся отъ первыхъ двухъ вѣковъ христіянства! Высокія трубы день и ночь извергаютъ дымъ, который покрываетъ сажею бѣ-

лый мраморъ собора св. Марка и розовые камни дворца дожей. Мозаики, статуи, чудные фасады старыхъ дворцовъ украшаются тѣми потоками черной грязи, которые такъ уродуютъ лондонскія зданія. Огромная бумагопрядильня на Santa-Marta и пароходы, плавающіе по Большому каналу, помогаютъ, съ своей стороны, этому святотатству и къ удовольствію англичанъ городъ, воспѣтый поэтами — этотъ перлъ архитектуры, обратится въ отдѣлъ Black Country. Да избавятъ боги Флоренцію отъ такого счастья!

Любители изящнаго жалуются, что муниципалитеты не довольно строги и не заставляютъ уродливыя фабричныя зданія скрывать между деревьями и развалинами. „Quod non fecerunt Barbari faciunt protectionisti"! восклицаетъ де Лавеле, въ эстетическихъ ламентаціяхъ котораго проглядывается впрочемъ досада бельгійскаго патріота, видящаго какъ у его соотечественниковъ итальянскіе фабриканты „выѣдаютъ траву изъ подъ копытъ".

По правдѣ сказать однако развитіе промышленности далеко не принесло ожидаемыхъ плодовъ, какъ не принесли ихъ и хваленыя свободныя учрежденія. Если города или вѣрнѣе городская буржуазія выиграла отъ объединенія Италіи и парламентскихъ порядковъ, то положеніе сельскаго населенія нисколько не улучшилось за послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ. Жалобы

даже такъ сильны, что скорѣе надобно думать, что положеніе крестьянъ ухудшилось. Ни плодородіе почвы, ни развитіе фабрикъ, ни устройство рельсовыхъ путей, ни усилія нѣкоторыхъ болѣе благоразумныхъ помѣщиковъ подать руку помощи сельскимъ классамъ населенія не помогли ничего и бѣдность крестьянъ въ Италіи усиливается. Заработная плата низка и совершенно не соотвѣтствуетъ дороговизнѣ продовольствія и размѣрамъ налоговъ.

Этому какъ бы противорѣчатъ свѣдѣнія объ итальянскихъ сберегательныхъ кассахъ, гдѣ сосредоточено болѣе милліарда лиръ сбереженій низшихъ классовъ, но эти кассы питаются городскими сословіями. Потому то въ Италіи замѣчается бѣгство изъ деревень въ города. Большая часть помѣщичьихъ усадьбъ или обращены въ фермы или заброшены и разрушаются за отсутствіемъ ремонта. Легкость переѣздовъ, веселая жизнь въ городахъ при доступности кафе и театровъ, при распространеніи дешевой періодической печати, усиливаютъ отвращеніе отъ сельской жизни съ ея простыми, но здоровыми развлеченіями. Правда и въ Италіи стараются замѣнить недостающій чистый воздухъ деревни и ея даровую гигіену суррогатами въ видѣ дачъ, купаній и поѣздокъ на минеральныя воды, но это доступно лишь богатымъ классамъ общества, въ Италіи очень немногочисленнымъ.

II.

Туринъ городъ очень древній, ибо его сжегъ еще Аннибалъ, но видъ онъ имѣетъ совершенно новѣйшаго американскаго города, распланированный какъ Филадельфія, или, вѣрнѣе, какъ тѣ образчики матерій для пантолонъ, которые портные показываютъ кліентамъ при заказѣ, наклеенными правильными четырехъ-угольниками на бумажкахъ. Противъ Соединенныхъ Штатовъ есть и разница. Въ Америкѣ улицы обыкновенно называются цифрами: пятая, пятнадцатая и т. д., въ Туринѣ же онѣ носятъ или названія святыхъ, или имена мѣстныхъ великихъ людей, и уже число піемонтскихъ великихъ людей (судя по крайней мѣрѣ, по названіямъ улицъ) превосходитъ число святыхъ католическаго календаря. „За неимѣніемъ другой религіи, говоритъ Кастеляръ, современная Италія создала культъ великихъ людей".

Другое отличіе — въ характерѣ домовъ. Въ Филадельфіи и т. п. старо-американскихъ городахъ не только улицы похожи между собою, но даже дома одинъ какъ другой; мало того, ихъ внут-

ренное расположеніе одинаково: мебель сходна, какъ двѣ капли воды, и даже въ манерѣ разставлять ее нѣтъ никакого различія. Разсказываютъ что въ Америкѣ бывали примѣры, что кто-либо слегка подгулявши—а въ сѣверныхъ штатахъ къ 10 часамъ вечера половина мужчинъ уже въ такомъ положеніи—открывалъ по ошибкѣ ключемъ двери не своего, а сосѣдняго дома, и затѣмъ, встрѣчая по дорогѣ въ потьмахъ буквально тѣ же вещи, раздѣвался и ложился спать въ чужую кровать въ полной увѣренности, что ложится въ свою собственную! Въ Туринѣ этого случиться не можетъ, потому что дома здѣсь большіе, многоэтажные и напоминаютъ, по мрачной архитектурѣ, не то казармы, не то городскія больницы.

Эта прямолинейность и казарменность совершенно соотвѣтствуетъ столицѣ страны, ставшей итальянской Пруссіей, ибо, что ни толковать, храбрость пьемонтскаго солдата сдѣлала для единства Италіи гораздо болѣе, чѣмъ всѣ громкія фразы ея поэтовъ и риторовъ. Коло де-Ріензи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ говорилъ уже языкомъ современныхъ апостоловъ итальянскаго единства, а все-таки безъ пьемонтскихъ штыковъ Италія оставалась бы географическимъ терминомъ — страною кастратовъ, легкой музыки, легкой любви, шпіонства, тяжелаго деспотизма, вермишели и гигантскихъ колбасъ.

И до сихъ поръ Туринъ городъ по преимуществу военный—это Чугуевъ или Вознесенскъ,

но болѣе массивно обстроенный. Нигдѣ не видѣлъ я, пропорціонально числу населенія, такой массы офицеровъ, какъ въ Туринѣ. Это тѣмъ оригинальнѣе, что солдатъ видно по улицамъ очень мало. Я нарочно, гуляя по улицамъ, считалъ иногда проходящихъ офицеровъ, и каждыя пять минутъ насчитывалъ по десятку. Всѣ итальянскіе офицеры отличаются элегантностью. Коротенькая курточка и штаны въ обтяжку съ широкими цвѣтными лампасами ловко охватываютъ ихъ тѣло, мундиръ всегда съ иголочки, бѣлье свѣжее, сабля огромная, въ глазахъ никакой мысли, волосы сильно напомаженные—таковъ типъ итальянскаго офицера. Говорятъ, что большинство ихъ „благородные", и потому офицерамъ открытъ въ Италіи доступъ въ лучшее общество. Это не то, что во Франціи, гдѣ армейскихъ офицеровъ избѣгаютъ за ихъ залихватскія манеры и крѣпкія слова.

Но если Туринъ городъ Марса, то онъ никогда не станетъ городомъ Афродиты, ибо въ числѣ привиллегій Туринъ имѣетъ еще привиллегію отличаться отъ другихъ городовъ Италіи уродливостью своихъ женщинъ. Не удивительно, поэтому, что туринскія модистки первыя въ Италіи по искусству. Нигдѣ какъ здѣсь искусству не приходится прибѣгать такъ часто на помощь натурѣ. И въ нравахъ женщинъ есть нѣкоторое отличіе.

Нравъ же итальянскихъ дамъ совсѣмъ не то

qu'un vain peuple pense. У насъ, по крайней мѣрѣ, объ итальянскихъ женщинахъ, существуютъ совершенно ложныя представленія. Итальянки не отличаются умомъ, какъ француженки, ни, еще меньше, страстью, какъ испанки. Это существа довольно пассивныя, практическія и безцвѣтныя. Женщина, за ничтожными исключеніями, всегда служила въ Италіи предметомъ пріятнаго развлеченія и никогда не играла роли въ соціальномъ отношеніи.

Мнѣніе итальянцевъ о своихъ прекрасныхъ половинахъ самое презрительное. Chi non ha denari non faccia all'amore, „у кого нѣтъ денегъ, не заводи любви", говоритъ итальянская пословица. Поэтому кокотка—извѣстная, впрочемъ, въ Римѣ—есть итальянское изобрѣтеніе, и число ихъ въ Венеціи считалось въ эпоху величія республики сотнями. Donne, asini e noci vogliono le mani atroci „для женщинъ ословъ и орѣховъ нужны жесткія руки", т. е. по-русски „ежевыя рукавицы"—говоритъ другая пословица. Такое же презрительное отношеніе выражается во взглядѣ и на бракъ: для массы въ Италіи онъ остается исключительно предметомъ чувственнаго наслажденія.

Въ этомъ случаѣ итальянка приближается къ восточнымъ женщинамъ. Въ характерѣ итальянки нѣтъ крайностей, мысль вяла, къ явленіямъ культурной жизни отсутствіе полнаго интереса, а лѣность накладываетъ на итальянское житье-бытье

характеръ безпорядочности и запущенности. Итальянка и всегда была такова, если судить по типамъ въ картинахъ великихъ мастеровъ. Всѣ ихъ женщины прекрасные куски тѣла. Только у Леонарда де-Винчи встрѣчается въ женскихъ головкахъ мысль въ глазахъ. Всѣ помыслы итальянской женщины направлены къ одному—любви, но любви, понимаемой довольно узко. При подобномъ образѣ жизни и отсутствію оживляющаго умъ и чувство разнообразія, неудивительно, что нѣтъ ничего невыносимѣе и скучнѣе семейной жизни итальянцевъ. Я встрѣчалъ итальянскія семейства, которыя съ восторгомъ вспоминали о пребываніи въ Россіи, даже въ уѣздныхъ городахъ, вродѣ Бердянска. Такъ печальна казалась имъ жизнь въ Италіи.

Самая любовь сложилась въ Италіи давно въ очень своеобразныя формы. Для молодыхъ людей она выражается въ наряжаніи и глазѣніи по цѣлымъ часамъ другъ на друга издали. Разъ итальянка замужемъ, она сейчасъ же обзаводится любовникомъ. И удивительная вещь, невѣрная своему мужу, итальянка дѣлается вѣрною своему любовнику. Мужъ, въ свою очередь, ищетъ любви въ чужомъ семействѣ и, закрывая глаза на поведеніе собственной жены, требуетъ для себя вѣрности отъ чужой жены. Анекдотами объ отношеніяхъ мужей къ чичисбеямъ можно бы наполнить цѣлую книгу. Понятіе: être ridicule здѣсь неизвѣстно, и

мужъ обыкновенно первый другъ любовника своей жены, а любовникъ нисколько не скрываетъ своей страсти, напротивъ, гордится ею и нерѣдко говоритъ: ты своей возлюбленной публично и при мужѣ. Нравы сложились на этотъ счетъ прочно, и Флоренція не можетъ до сихъ поръ вспомнить безъ негодованія маркиза X., который имѣлъ неосторожность не только приревновать одного господина къ своей женѣ, но и вызвать его на дуэль. Любовникъ прокололъ наивнаго мужа насквозь и заставилъ пролежать полгода въ постели, и весь городъ апплодировалъ его „благородному“ поведенію, обвиняя мужа въ дурномъ воспитаніи и нарушеніи священныхъ традицій!

Любовникъ въ Италіи, впрочемъ, совсѣмъ не то, что у насъ; это хозяинъ избранной имъ женщины. Благодаря тому, что въ Италіи весь высшій классъ и добрая часть средняго сословія ровно ничего не дѣлаютъ и имѣютъ массу свободнаго времени, любовникъ сидитъ по цѣлымъ днямъ у своей возлюбленной, а не ограничивается какими нибудь мимолетными свиданіями или тайными рукопожатіями; онъ дѣйствительно ухаживаетъ за нею и строго слѣдитъ, чтобы никто другой не сѣлъ на его мѣстѣ; ухаживаетъ постоянно и усердно, не оставляя свою подругу ни на гуляніяхъ, ни на вечерахъ, ни въ театрѣ. Случается, что въ собраніяхъ всѣ молодыя барыни сидятъ, точно набравъ въ ротъ воды, или разгова-

риваютъ только между собою; это происходитъ оттого, что любовники изъ ревности запретили имъ разговаривать съ другими мужчинами. Послушаніе, по крайней мѣрѣ, наружное, итальянскихъ женщинъ замѣчательно въ этомъ случаѣ. Быть невѣрною своему любовнику считается въ Италіи неприличіемъ. Связи длятся обыкновенно пять, шесть лѣтъ, иногда всю жизнь. Если же случается, что женщина обманываетъ своего друга, то мужъ первый выражаетъ ему объ этомъ свое соболѣзнованіе, разсуждая конечно, что лучше дозволить женѣ имѣть одного такъ сказать патентованнаго любовника, нежели пускаться въ неизвѣстныя авантюры. Все вышесказанное примѣняется по преимуществу къ средней и верхней Италіи, въ южной, особенно въ Неаполѣ, сохранились еще отчасти испанскіе нравы: мужчины тамъ болѣе ревнивы, а женщины въ утѣшеніе имѣютъ столько любовниковъ, сколько въ состояніи найдти ихъ. Къ чести итальянцевъ замѣчу еще, что они очень рѣдко жалуются въ судъ на супружескую невѣрность, а предпочитаютъ свой собственный самосудъ.

Понятно, предъ такими женщинами, какъ итальянскія, имѣть успѣхъ, прочитавъ Спенсера или Карла Маркса, нельзя. Здѣсь требуются отъ влюбленнаго совсѣмъ другія качества, и наши „развиватели“ и „прогрессисты“ съ ихъ разсужденіями объ эмбріологіи и „фиктивными браками“ въ Ита-

ліи далеко не ушли бы. Итальянки менѣе всего ищутъ фикцій, а главнымъ образомъ солидной дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ онѣ прямыя наслѣдницы классическаго міра. Соотвѣтственно съ подобными требованіями, и итальянская молодежь проводитъ время не столько въ чтеніи „прекрасныхъ книжекъ“, сколько въ физическихъ упражненіяхъ. Нигдѣ фехтованіе не въ такомъ уваженіи, какъ въ Италіи, и хотя итальянцы по природѣ не драчливы и point d'honneur'а—этого, по мнѣнію Шопенгауера, вмѣстѣ съ сифилисомъ, главнаго отличія новаго времени отъ древности—у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у французовъ, но шпага и эспадронъ изучаются здѣсь съ такимъ же тщаніемъ, какъ и во времена, когда bravi за дукатъ, данный мужемъ, посылали на тотъ свѣтъ неосторожнаго вздыхателя.

Я присутствовалъ на международномъ фехтованіи, происходившемъ въ Туринѣ передъ глазами короля, королевы и разныхъ принцевъ. На турниръ не явились еще главныя знаменитости, какъ Санъ-Малато и др., полагая, что не найдутъ тамъ достойныхъ соперниковъ, но и тѣ, которыхъ я видѣлъ, это не люди, а черти небольшіе, изящно сложенные, живые, со стальными мускулами, дьявольскою силою, огнемъ и удивительною вѣрностью глаза. Въ старыхъ романахъ герои всегда описывались такими—нѣжными съ виду, но замѣчательной силы и неутомимости. Эта противоположность

всегда нравится женщинамъ, любящимъ сочетаніе силы съ изяществомъ. Въ особенности неаполитанцы имѣли громадный успѣхъ на турнирѣ; ихъ школа была признана первою и ея представители получили наибольшее число почетныхъ премій.

Самъ король пріѣхалъ къ торжеству. Фигура короля Гумберта всѣмъ извѣстна: усы густые и длинные, волосы острижены щеткою, выраженіе глазъ энергическое, но какъ бы безучастное. Эта холодная маска скрываетъ однако такую же склонность къ женщинамъ, какую проявлялъ и Викторъ-Эмануилъ. Королева Маргарита измѣнилась въ послѣднее время, хотя ей всего тридцать два года; большой носъ ея вытянулся; она имѣетъ, впрочемъ, очаровательную улыбку и отличается привѣтливостью, доставившею ей популярность. Королева также большая любительница туалетовъ.

III.

Послѣ развлеченій, представленныхъ въ Туринѣ выставкою, Миланъ показался мнѣ скучнымъ. Онъ впрочемъ всегда для туристовъ давалъ немного интереснаго, если не считать знаменитаго собора—громадной мраморной бомбоньерки, построенной нѣмецкими и французскими архитекторами, и Галлереи Виктора-Эмануила — перваго пассажа въ мірѣ по роскоши, гдѣ, кромѣ прекраснѣйшихъ магазиновъ, можно видѣть также хорошенькихъ женщинъ, которыхъ такъ недостаетъ Турину. На „бастіонахъ“, т. е. бульварахъ, проложенныхъ поверхъ бывшей линіи укрѣпленій, катается ежедневно, начиная съ половины пятаго, элегантная публика. Красота нарядовъ показываетъ врожденный вкусъ, а здѣсь и толпа имѣетъ видъ нарядный и веселый; женщины мелкой буржуазіи сохранили отъ временъ испанскаго владычества привычку вмѣсто шляпки носить на головѣ кружевную ваулетку очень кокетливую. Городъ погрязнѣе Флоренціи или Турина, но прекрасно обстроенъ и имѣетъ видъ довольства. Жизнь кипитъ

въ этомъ богатомъ и счастливомъ уголкѣ Италіи, гдѣ и подобало родиться Беккаріѣ.

Для итальянцевъ Миланъ — главный центръ ихъ промышленности. Городъ претендуетъ также на репутацію современныхъ итальянскихъ Аѳинъ; несомнѣнно, что онъ—центръ театральнаго міра. Говорятъ, что здѣсь постоянно шатается по улицамъ около шестисотъ однихъ теноровъ, ищущихъ ангажемента. Это очень вѣроятно, ибо въ спискѣ абонентовъ „Rivista teatrale“ я насчиталъ 143 тенора болѣе или менѣе извѣстныхъ уже по своей дѣятельности, изъ которыхъ около половины показано чающими въ Миланѣ движенія воды; столько же тамъ значится баритоновъ, басовъ, меццо-сопранъ, а сопранъ вдвое болѣе. Въ итогѣ это цѣлая армія, живущая въ проголодь, и въ ожиданіи ангажемента, который можетъ быть никогда не прійдетъ, обивающая пороги антрепренеровъ, театральныхъ редакцій и театральныхъ агентовъ — маклеровъ.

Я вышелъ какъ-то изъ театра „Dal Verme“ съ женою одного изъ театральныхъ агентовъ въ моментъ, когда пошелъ проливной дождь. Я засуетился, ибо не было экипажей.

— Не безпокойтесь, сказала она, вотъ этотъ господинъ сбѣгаетъ, приведетъ извозчика... Это одинъ басъ, ищущій у мужа ангажемента.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ высокій мужчина, съ окладистою бородой, мокрый,

какъ утка, возопилъ на весь атріумъ густымъ басомъ: Синьора, вашъ экипажъ поданъ! и съ великою предупредительностію усадилъ насъ. Большая часть подобныхъ артистовъ никогда сцены не увидитъ, ибо заграницею число итальянскихъ оперныхъ сценъ не увеличивается и даже первокласныя артистки, какъ, напримѣръ, Турола, вынуждены пѣть по-итальянски въ нѣмецкой оперѣ. Даже въ самой Италіи оперные театры по недостаточности субсидіи, даваемой городами, или стоятъ закрытыми, или же открываются на два или на три мѣсяца въ году, причемъ ставится одна-двѣ оперы съ ограниченнымъ числомъ исполнителей. И для выставки туринскій королевскій театръ не могъ ничего дать, кромѣ „Пуританъ" и „Фаворитки"! Существуетъ правда не мало мелкихъ театровъ, на которыхъ ставятъ новыя оперы и дебютируютъ молодыя силы, но за такой дебютъ или надобно самому платить антрепренеру или, если онъ положитъ скромное жалованье, то быть увѣреннымъ, что за послѣднюю часть сезона ничего не получишь.

Одно остается еще утѣшенье—это реклама. За скромную плату васъ могутъ расхваливать ежедневно въ самыхъ гиперболическихъ выраженіяхъ во множествѣ театральныхъ газетъ, живущихъ здѣсь рекламами и подчасъ шантажемъ. Другое утѣшеніе—это Америка, и Сѣверная и Южная, гдѣ платятъ итальянцамъ огромныя день-

ги. Впрочемъ, за послѣдними не брезгаютъ переѣзжать океанъ въ страну желтыхъ лихорадокъ даже такія знаменитости, какъ Таманьо, раздѣляющій съ Гайаромъ и Мазини славу первыхъ теноровъ, династія которыхъ вновь, повидимому возродилась въ Европѣ.

Если артисты, за исключеніемъ десятковъ двухъ-трехъ болѣе счастливыхъ, если не болѣе талантливыхъ, пребываютъ на пищѣ святого Антонія, то агенты и антрепренеры большихъ сценъ благодушествуютъ. Имѣя всегда предложеніе артистическихъ силъ, далеко превосходящее потребность, они могутъ даже знаменитостямъ предписывать какія угодно условія. Поэтому, если какой нибудь „артистическій администраторъ“ пишетъ контрактъ на сто тысячъ, то можно быть увѣреннымъ, что двадцать или тридцать онъ кладетъ себѣ въ карманъ. Я знаю такихъ господъ, которые составляютъ себѣ такимъ образомъ съ одной оперы до 200,000 франковъ въ годъ ежегоднаго дохода. Кромѣ того, артисты должны еще платить агентамъ и давать взятки въ видѣ подарковъ критикамъ, капельмейстерамъ, режиссерамъ, вліятельнымъ товарищамъ, чиновникамъ, гдѣ театры казенные, женамъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ и т. д. Нерѣдко случается еще, что артистъ, выходящій зачастую изъ бѣднаго сословія, былъ обученъ пѣнію какимъ нибудь проницательнымъ профессоромъ, который при по-

мощи ловкаго контракта долго эксплоатируетъ его въ свою пользу.

Миланъ имѣетъ также спеціальность приготовлять балетныхъ танцовщицъ не только для всей Италіи, но и для всего, можно сказать, образованнаго міра. Балетъ, какъ извѣстно, искусство по преимуществу итальянское, что доказывается самымъ его итальянскимъ названіемъ. И создатель новаго балета ломбардецъ Берганціо ди-Ботта и реформаторъ его Новеръ и всѣ знаменитые хореграфы и балерины или родились въ Италіи, или получили тамъ окончательную отдѣлку. Такое искусство, какъ хореграфическое, только и могло родиться въ Италіи, гдѣ даже толпа цѣнитъ грацію и пластику, и гдѣ мимика лица и движеній составляютъ столь же неотъемлемыя принадлежности человѣка, какъ и живое слово. Балетъ поэтому не переставалъ нравиться здѣсь массѣ, а не былъ, какъ въ другихъ странахъ, популяренъ между старичками, что вѣроятно и заставило, по ассоціаціи идей, адмирала Шишкова производить слово плѣшь отъ глагола пляшу, какъ „мѣсто гладкое, весьма удобное для танцевъ“! Въ Италіи публика болтаетъ иногда во время пѣнія и любимыхъ теноровъ, но когда появляется балерина, то водворяется такая тишина, что, какъ справедливо замѣтилъ французскій публицистъ Ignotus, слышно „какъ скачутъ блохи“.

Итальянскій балетъ отличается отъ нашего,

въ особенности въ томъ видѣ, какъ его преобразовалъ Манцотти, геніальный и счастливый авторъ „Excelsior'a". Это сочетаніе и хореграфіи, и мимики, и феерія. Но на первомъ планѣ стоитъ движеніе. Подъ ритмъ шумной, увлекательной музыки движется масса того, что художники называютъ „натурой", или въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значитъ, голыя женщины. О тюникахъ итальянскій балетъ забылъ и думать. Въ смыслѣ приличія это все равно, ибо справедливо сказалъ кто-то: „кто выдумалъ платье, выдумалъ любовь",—испанскія и мавританскія танцовщицы доказываютъ, что можно быть соблазнительными и въ длинныхъ юбкахъ,—но женщина должна быть хорошо сложена; кромѣ хорошаго сложенія итальянскія танцовщицы должны отличаться еще неутомимостью. Балеты здѣсь вставляются между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ оперы (старая система), или послѣ оперы, причемъ шесть или семь картинъ балета, т. е. то же, что у насъ занимаетъ весь вечеръ, исполняются самое большое въ три четверти часа, подрядъ, не переводя духъ.

Только ломбардскія и пьемонтскія икры выносятъ подобное движеніе, тѣмъ болѣе, что для сбереженія времени кордебалетъ переодѣвается тутъ же между кулисами. Сила этихъ слабыхъ съ виду женщинъ соотвѣтствуетъ силѣ мужчинъ на туринскомъ фехтовальномъ турнирѣ. Зато очень слабо вознагражденіе. Фигуранткамъ, танцую-

щимъ немного похуже нашего кордебалета, полагается по 50 чентизимовъ за вечеръ, т. е. по двугривенному! Даже прачки заработываютъ въ Италіи вдвое болѣе, но у послѣднихъ за то нѣтъ столькихъ „покровителей", какъ у танцовщицъ.

Безъ покровителей не могли бы существовать и балерины, получающія здѣсь лиръ по 10 за вечеръ (около 4 рублей по курсу). Въ газетахъ писали, что для Петербурга не могли найти въ Италіи балеринъ взамѣнъ г-жи Ваземъ по недоступной дороговизнѣ ихъ; это чистѣйшая ложь ради желанія заставить петербургскую публику попрежнему терпѣливо смотрѣть самодѣльныхъ родственицъ разныхъ закулисныхъ воротилъ. Чего другого, а балеринами къ Италіи хоть прудъ пруди. Безъ всякаго труда можно насчитать, не включая еще инвалидовъ, какъ Ритта Сангалли, десятокъ первокласныхъ танцовщицъ, до которыхъ нашимъ такъ называемымъ балеринамъ какъ до звѣзды небесной. Если есть танцовщицы для Петербурга быть можетъ недоступныя, то это Розита Мори, имѣющая отличный ангажементъ въ парижской Большой оперѣ тысячъ за 50 франковъ въ сезонъ, и Виржинія Цукки — идолъ итальянской публики, увлекавшая и парижскихъ балетомановъ.

Цукки, танцующая не особенно важно по техникѣ и лишенная по своимъ лѣтамъ легкости, замѣчательна своею женственностью, обворожи-

тельною граціею и выразительною мимикою. Искусство для нея не побѣда надъ акробатическими туръ-де-форсами, а живая пластика. Она не похожа какъ многія знаменитыя танцовщицы съ ихъ худыми руками и ногами, на паука, а сложена какъ греческая богиня. Плечи ея полны, ноги чрезвычайно красивы, но верхъ совершенства спина совершенно античной статуи, спина всегда сильно декольтированная, отъ которой приходятъ въ восторгъ скульпторы. Вообще это одна изъ самыхъ восхитительныхъ женщинъ, когда либо появлявшихся на подмосткахъ. Стоитъ ей помахать, улыбаясь, ручками, или пройдтись по сценѣ при электрическомъ свѣтѣ спиною къ публикѣ на пуантахъ, чтобы въ театрѣ начался ревъ восторга. Дѣйствительно, каждое движеніе Цукки полно чарующей нѣги и веселости. Понятно, женщина такой притягательной для мужчины силы не имѣетъ нужды ѣздить далеко, чтобы загребать деньги. Хотя злые языки подругъ находятъ въ ея профилѣ сходство съ кроликомъ и увѣряютъ, что, какъ истая пармезанка, божественная Виржинія не вѣритъ въ мыло и чистое бѣлье считаетъ напраснымъ предразсудкомъ, но это не мѣшаетъ ей проживать въ годъ по полтораста тысячъ лиръ, а слѣдовательно, и получать ихъ. Видно прошли уже времена, описанныя Стендалемъ, когда милліонеры могли содержать въ Италіи первоклассныхъ танцовщицъ за 30 су въ сутки, и еще публично гордиться такою щедростью.

Кромѣ Мори и Цукки, наиболѣе успѣха имѣли въ послѣднѣе время въ Италіи: Эмма Бессоне, страстнымъ выраженіемъ глазъ и губъ напоминающая г-жу Зорину, Елена Корнальба, отличающаяся необыкновенною силою техники, Альбертина Флиндтъ—прелестная блондинка, танцующая теперь въ Нью-Іоркѣ, Лимидо—туринская балерина, не красивая собою, но считаемая знатоками первою по искусству, Сози—недавно окончившая курсъ и занимающая выдающееся мѣсто въ ла-Скала, Антоніета Белла, восхищавшая при мнѣ Флоренцію своею граціозностью и изяществомъ, Марія Джюри, которая такъ нравится варшавянамъ и дѣйствительно чрезвычайно мила. Вѣна, Берлинъ, Брюссель, американскія, испанскія и итальянскія оперныя сцены, а также парижскіе оперные театры всѣ почерпаютъ свои хореграфическія силы изъ Милана и каждый годъ танцовальная школа при театрѣ ла-Скала, содержимая на счетъ города и руководимая Чезаре Коппини, выпускаетъ одну-двѣ перворазрядныхъ танцовщицы. Кромѣ того въ Миланѣ есть нѣсколько частныхъ профессоровъ балетныхъ танцевъ, пользующихся громкою извѣстностью и обращающихъ за деньги крѣпконогихъ уроженокъ Альповъ и Аппенинъ въ амуровъ и зефировъ.

При мнѣ здѣсь происходилъ публичный экзаменъ въ городской школѣ танцевъ. Городской голова Негри предсѣдательствовалъ на этомъ тор-

жествѣ, а балетмейстеры Данези, Казати де-Лавецаро, Манцотти и Фельтеръ и г-жа Цукки были приглашены въ качествѣ судей. Четыре ученицы послѣднаго класса обратили на себя вниманіе, въ особенности же много обѣщала въ будущемъ Леньяни дель-Альжизи. Наши спеціалисты балета поклонники старой французской школы, находятъ, что итальянки недостаточно классически танцуютъ, ибо они не держутся, какъ будто проглотивъ аршинъ, но и въ этомъ отношеніи балерина театра Даль Вермэ, юная Анита Аспези, танцовавшая при мнѣ въ Миланѣ, могла бы удовлетворить стройностью не то, что профессора, но даже прусскаго ефрейтора. Невѣрно также, будто итальянки мало учатся. Цукки, чтобы достигнуть своей изящной непринужденности, работала девять лѣтъ подрядъ по шести часовъ въ сутки!

Я упомянулъ о Манцотти. Этотъ господинъ—плотный, рыжеватый мужчина, среднихъ лѣтъ, по буржуазной варужности своей не заставляющій подозрѣвать міра волшебныхъ фантазій, мелькающихъ въ его головѣ—считается въ Италіи реформаторомъ и возродителемъ хореграфическаго искусства; онъ нажилъ своимъ „Excelsior“'омъ дрогромныя деньги. Публика знать не хочетъ другихъ балетовъ, даже того же Манцотти, который написалъ ихъ очень много и прекрасныхъ и поэтическихъ, какъ напримѣръ, „Siéba“; по всѣмъ

городамъ Италіи ставятъ по очереди „Excelsior“ и даютъ его цѣлые мѣсяцы подрядъ, каждый день, постоянно съ огромнымъ успѣхомъ. Передъ балетомъ идутъ оперы и оперетки, но публика является въ такомъ случаѣ въ театръ только къ балету, т. е. непремѣнно къ десяти часамъ. Затрата на обстановку „Excelsior“ огромная, ибо требуется участіе болѣе пятисотъ фигурантовъ. Но Манцотти сочинилъ новый балетъ, который долженъ превзойти еще „Excelsior“ своею роскошью. Этотъ балетъ ставятъ въ Миланѣ, въ ла-Скала.

Онъ будетъ называться „Amor“ и долженъ изобразить любовь во всѣхъ видахъ, положеніяхъ и позахъ. Сюжетъ для балета довольно заманчивый и, конечно, Манцотти разовьетъ тутъ всю мощь своей богатѣйшей фантазіи. Это будетъ современная вакханалія, но облагороженная и улучшенная всѣми усовершенствованіями техники. Какъ всегда у Манцотти, эффекты усиливаются антитезами. Такъ въ послѣдней картинѣ предполагается изобразить любовь къ отечеству. Для этого балетмейстеръ беретъ для контраста двѣ картины: первую, когда по повелѣнію Фридриха Барбаросы срываютъ Миланъ съ лица земли и посыпаютъ мѣсто, гдѣ былъ городъ солью, и затѣмъ вторая картина: Миланъ въ его настоящемъ видѣ, созданный и украшенный, благодаря любви къ своей родинѣ, согражданами.

Этотъ апоѳеозъ совершенно въ итальянскомъ

вкусѣ. Нигдѣ нѣтъ такого крѣпкаго муниципальнаго духа, какъ здѣсь: горожане обожаютъ *свой* родной городъ; города же гордятся каждымъ изъ своихъ выдающихся сыновъ и обывателей. Въ Миланѣ это даетъ поводъ даже къ курьезамъ. Тутъ на домахъ прибиваютъ мраморныя доски съ надписями, какой великій человѣкъ и когда въ домѣ жилъ, а какъ въ Италіи нынѣ великихъ людей стало безъ счета и квартиры многіе изъ нихъ въ жизни мѣняли очень часто (ибо у великихъ людей нерѣдко бывало нечѣмъ платить за квартиру), то скоро всѣ дома Милана обзаведутся подобными досками, тѣмъ болѣе, что именъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ „знаменитостей“ и въ энциклопедическомъ лексиконѣ не сыщешь.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
№ ....
„......“ .... 193 г.

Того же автора:

Путевыя впечатлѣнія въ Италіи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. (Съ рис.). Ц. **2** р.

У Скандинавовъ и Фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. **1** р.

Путевыя впечатлѣнія на Кавказѣ, по Сербскимъ землямъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. **2** р.

Вокругъ Свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. (Съ рис.). Ц. **1** р. **50** к.

Суэзкій каналъ и его значеніе для русской торговли. Ц. **1** р. **50** к.

Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и заграницею. Ц. **1** р. **50** к.

Русская торговля въ Тихомъ океанѣ. Экономическое изслѣдованіе. Ц. **2** р.

ТИП. А. БЕНКЕ.